

ЛИНА РОСОК

КОСТЯНОЕ СОЗНАНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лина Росок

Костяное солнце

«Автор»

2026

Росок Л.

Костяное солнце / Л. Росок — «Автор», 2026

Однажды Велизар выходит из дома. Он, слабый колдун из захолустья, всего лишь хочет усилить свои чары. В мире, где волшба руд пронизывает всех и вся, вплоть до заводов и поездов, без них никуда. Даян знает, что карточные игры не стоят набранных долгов. Спокойная жизнь хрупка, а чужой взгляд – горделив и зорок. Ничего не остаётся, кроме как выгрызть путь к свободе, но цена спокойствия велика, если зло следует по пятам. Ладья смертельно устала. Путы родительской опеки стягиваются на шее, а беспомощность истязает. Спасение видится в тёмном колдовстве, которое, однако, сложно найти, не замарав высокородного имени потомков Яги. Боялись бы своих желаний. Жизнь резко меняется, когда они оказываются втянуты в распри властей, разгадки тайн каменных городов и спасение увядающих земель. Не заблудиться бы; чудища в лесах рыщут, чем поживиться.

© Росок Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧЕРНЫЙ ЛЕС	6
1. Добрые злые сказки	6
2. Вакуум	20
3. Мышка	32
4. Земля	42
5. Долг ужасу	53
6. Вьюн и терновник	63
7. Чем кончается темнота	76
8. Горный король	89
9. Колдун	103
ГОРОД ПЯТИ КОЛЕЦ	114
10. Неправда	114
11. Карточный домик	126
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Лина Росок

Костяное солнце

Посвящается группе

«лампабикт»

за жизнь не из тревоги,

а из любви

ПРОЛОГ

Забавно, что после встречи с той упрямой кукушкой, Велизар, взаправду, и года не прожил. Жизни - первая, вторая, третья - сбиваются в одну кучу, не разобрать. Хотя родился он всего один раз. Сидит, дышит, сердце не стучит - грохочет кровью в тесной черепушке.

Права была птица, чтоб её.

Он качает головой, повиснув на упёртых в колени руках, сложившись вдвое, что пиво с солёной дрянью назад просится. Из окна первого яруса, у курилки, свешивается девчонка со света, пьяным языком ворочая, тусить зовёт, будто не видит соседа. Вел отмахивается. Не до этого сейчас - ни капли, ни куска в горло не лезет.

Он косится на молчаливого товарища по скруткам, что смотрит чуть свысока, подбородок задрал, и ждёт. Ждёт красноречиво. Велизар помнит, но не осознаёт.

Мама в детстве суп варила из всего, что было. Получалась съедобное, но странное месиво без внятного вкуса и запаха. Сейчас так же. Мысли скатываются в противный пыльный ком - про милую, про общагу эту, про клубок и дом, что не его, вроде, но его притом.

Велизар хмыкает, уцепившись за одну, и встречается взглядом с соседом.

- То есть, они правы, а ты - бог.

Не спрашивает, знает же, что так и есть.

- Не совсем, но... вроде того. Иди уже, Велизар, - настаивает тот. - Ты не со мной сейчас должен разговаривать.

Страх лютый берёт, но Вел сердито сжимает кулаки и встряхивается. То верно. Его наверху, в одном из немых окон, ждут. Даже в похлёбке удавалось отличить одно от другого, значит, в памяти и подавно. В конце концов, он много раз обманывал и судьбу, и время - самые непокладистые сущности в мире.

Впрочем, им иногда стоит просто дать идти своим чередом - это он знает лучше всего; на своём примере.

Велизар кивает и, хлопнув железкой по плечу соседа, дёргает дверь.

ЧЕРНЫЙ ЛЕС

1. Добрые злые сказки

НЕСТИ / ДЕРЖАТЬ КОСТЯНОЕ СОЛНЦЕ, перен.
испытывать тяготу в ответственности за что-то,
что причиняет боль и страдания,
но принимать последствия своих ошибок.
/ Неформ. Порядок слов нефиксир.

нѣкогда раньше

На границе леса мерно голосит кукушка. Она будто следует вдоль дороги, нарушая безлюдную тишину и даже саму себя причитаниями, но продолжает считать. Пытается то ли сбить с пути, то ли указать время, но изрядно надоедает, по черепушке воплями стуча.

– Ты может клюв свой захлопнешь? – ступая неспешно по жухлой листве обочины, стонет Велизар, но, не получив ответа, тяжело вздыхает и сдаётся: – Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось?

Птица замолкает будто назло заурядному вопросу. Вел усмехается. Там, куда он надеется найти путь, жизнь исчисляется иначе, и кукушка ему не помощник. Отвязавшись, наконец, от назойливой птицы, Велизар снова начинает крутить в руке говорник-раскладушку, сжимает камень крепче и припускает шаг.

Он прислушивается к зариниту, что привычно лежит в ладони. Время изменило его форму – раньше камень был острым и угловатым, но Велизар так часто носил его в руках, что подобно воде стесал ему края – или просто привык к царапающим кожу граням.

Говорят, что дремучие дороги посреди лесов, где в чащи не суётся даже нечисть, таят чистую буйную волшбу. И что заставит она руду наконец поддаться, напичкает как-то: кажется, что Вел уже колдовством дышит, но это ощущение рассеивается с любым посторонним звуком. Самовнушение – очень хрупкий механизм, ещё более хрупкий, чем воздушные брони, которые он создаёт.

Другие стези уже исхожены, и даже полная чушь принимается за возможность.

Так Велизар оказывается посреди нигде; даже грибники не ходят в этих местах. Только Вел и его камень, что будто насмешкой вторит имени, напоминая, что они одинаково слабые.

В слабости, все говорят, нет ничего плохого; она всегда безопаснее, в ней нет ответственности и требований к совести. А ещё нет перемен, если дело касается силы – лишь размеренное течение и постепенное угасание. Такое же, как поблёкшие с годами цветные пятна на камне. Это пугает, но больше – злит какой-то бесхребетной необходимостью принятия всего так, как оно есть. Вел сей путь прошёл уже раз пять или пятьдесят за жизнь – когда-то же должно случиться. Хотя бы из жалости мироздания к несчастному дураку.

Велизар юнцом думал, что достоин большего, но мысли, как оказалось, невещественны, а боги ничего не знают о милости.

Порыв ветра баламутит пепельные прядки, выпавшие из хвоста, что за несколько дней пути превратился в колтун; он болтается на ленте за спиной. Они пушатыся от капюшона

епанчи¹, в которую Велизар кутается сильнее от промозглого ветра в надежде к ночи дойти до какой-нибудь деревеньки. Деньги на остановки в постоянных дворах стремительно иссякают, но он отказывается прекращать путь и поворачивать назад – выкрутится.

Гнев хорошо подстёгивает почти дохлую самоуверенность. Страх прожить жизнь и умереть, приросши к стенам квартиры немощным нечто, сильнее.

Вел пинает камень у дороги, жалея, что такую слабую руду не выменять в закладной даже на пару медяков. Близятся холода, и ему всё равно придётся где-то осесть или работать уличным скоморохом, чтобы накопить денег на путь домой. Это он точно осилит – его магия даже курам на смех, – но то станет провалом; он больше не найдёт сил, чтобы выйти из комнаты. Но это проблемы будущего Велизара; проблемы Велизара настоящего в скоро темнеющем небе.

Обыденная серость меняется тусклой синевой сумерек. Говорят, что в каждой из четырёх столиц ночами оно разного цвета, в зависимости от времени года. Велизар всю жизнь видел только грязный серый, как каша на дорогах зимой, и этот прогорклый синий.

Он останавливается и закидывает голову, позволив капюшону сползти к плечам; на рваные тучи смотрит, будто увидит в них что-то новое.

– Сударь! – Велизар вздрагивает от хриплого оклика за спиной и оборачивается.

Парень на самоходе со стеклянной крышей, каких Вел никогда не видел, выглядит молодо. Крепкий, коротко стриженный, обвешанный всякими цацками, а ещё явно не бедный, тот усмехается остро, по-свойски, и бегло говорит:

– Подвезти куда? Тут по ночам темно, ни хрена не видно. Заблудишься, там дальше развилка.

– Денег нет, барин, – отвечает Велизар, пожав плечами, хоть и хочет согласиться.

Ноги гудят от долгого пути, а ел он где-то пять кукушек назад – в пересчёте на людское часов десять как. Проблем с богатеями он не ищет, собирается уже накинуть капюшон и продолжить путь, но незнакомец удивляет его.

– Да просто так прыгай, я два дня в пути уже, скучно до синьки, – бросает он, забавно слова подбирая, и открывает дверцу.

Велизар щурится с подозрением – если удачно уличить миг, он сможет выскочить в окно этой колымаги, но ловкостью и здоровьем Вел не славится, а стать частью кровавого обряда желания нет. Даже близ какой-нибудь из столиц.

Парень вздыхает тяжело и устало, суёт руку во внутренний карман; он выуживает оттуда цепочку с монетой, болтающейся на конце. Вел приглядывается – четыре чёрные полосы и горы под ними пестрят на её серебрёной поверхности. Он уже губы размыкает, чтобы спросить, не своровал ли, но если парень действительно чин имеет, то за дерзость голову оторвут.

Авось, кровавый обряд будет быстрым.

Велизар кивает, виновато губы поджав, шагает на ступеньку и на сиденье падает костлявым мешком. Ноги и спина неприятно ноют, и он, морщась, хрустит шеей, чтобы кровь по мышцам-суставам пустить. Расслабленно откинувшись на мягкую спинку и закинув ногу на ногу, Вел смотрит на путника в ожидании, что будет дальше. Но тот лишь хмыкает равнодушно и проворачивает кольцо на панели самохода. Машина тихо шумит и начинает набирать ход.

– Велизар Косов, закрыв.

– Дьяк Аркас Марьев, искрец, – скрипуче отвечает ему новый знакомый. – Куда путь держишь?

Раз дьяк, тогда его могут на кровавый обряд ещё и продать.

– Куда повезёшь, туда и поеду, – говорит Велизар чуть напряжённо. – Нет цели. Вернее, конечной точки нет. Не знаешь, барин, где можно редкий камень огранить? Ни у кого в городе не получилось.

¹ Широкий, тяжёлый, безрукавный круглый плащ с капюшоном.

И в соседних. Вопрос уже мозолит язык, и Вел ни на что в действительности не надеется, но, как говорит мама, нужно сделать всё, что в силах, а после пускать жизнь на самотёк.

Фары бросают свет на лицо знаконца. Там видны наколки; на секунду всё же дёргает тревога – такие и тёмные колдуны носят. Но беспокойство отпускает, когда слов на коже его не находится, только белиберда неразборчивая. На ушах несколько простых серьг и блок связи, что огибает раковину и прячет наушник внутри.

У Велизара таких вещей не водится, только подвес с несколькими ловцами и простейший говорник, в котором хрустит звук, искажая слова, а из развлечений – выбор цвета обоев. Но матери Велизар всё равно раз в пару дней звонит, чтобы не волновалась – она женщина тревожная. Для неё специально отведён синий ромб, её любимого цвета.

У Аркаса на ухе семь разных. Что-то в его внешности кажется смутно знакомым, чернь разных мастей – на коже, в одежде, даже в жестах; может, видел в газетах или по телевизору. У них дома нет, штука бешеных денег стоит, но в пивнухе неподалёку стоял. Усмотрел, наверное, когда-то, хотя дьяки, отнюдь, не самые высокие из чинов и тем более не самые видные из знаменитостей.

– А ты откуда сам? И давай просто Аркас, не надо вот этой чуши званной, не люблю. Чё за камень?

Велизар хмыкает и головой ведёт, присматриваясь к попутчику. Общается тот просто, как обычный древоградский рабочий. Нет в нём напыщенности и величавости пустой, которая от богатства и развитости столиц идёт, от избытка колдовства и удовольствий. Велизар всегда завидовал – хочется ощутить на расстоянии вытянутой руки, как волшба пышет в крови.

О каменных городах и столицах ему рассказывал мамин ухажёр в юности – о роскоши, о камнях всех мастей, которые буквально везде: в зданиях, в пешеходках, в стёклах лавок. Все города ей питаются так или иначе, но камнеграды больше. У него в посёлка только завод на колдовстве работает да общественные места какие, электричество везде – и всё. А там нужды в бережении нет, ведь сами города и есть волшба, исходящая отовсюду и будто куполом накрывающая земли.

– Из Ягополя. Да вот, – отвечает Велизар и разжимает кулак, но взять камень из своих рук не даёт. – Заринит.

Аркас чуть наклоняется, замедлив самоход, и приглядывается. В его глазах виднеется любопытство, полу-улыбку красит азарт. Он садится ровнее и смотрит на дорогу, прикусив губу, а на деле будто сквозь глядит.

– И правда, диковина, – говорит он. – Можно подумать. Подсоблю, если до Навиграда со мной поедешь, есть там знакомые.

Сердце заходится на секунду, когда Вел слышит о главной столице, кровь восторгом будоражит, что даже пальцы в сапогах поджимаются. Кроют вмиг мысли о том, как он бы мог жить в столице, носить кафтаны и свиты² иностранные, ходить по балам и рейвам, знакомиться со множеством людей, новых и разных. Но всё это под начавшимся дождём становится пресным, как будто крыши над ним нет стеклянной, и напоминает о собственной бедности.

– Денег нет, барин, – цедит Велизар сквозь зубы. – А путь неблизкий.

– Сочтемся, ничего. Всё равно туда еду, – простецки отвечает Аркас, как мог бы сказать только богач или благодетель.

Велизар хмурится, глядя на него в упор, на что дьяк лишь улыбается и говорит:

– Расслабься. Знаю, подозрительно звучит, но мне самому интересно, что у тебя за руда такая, да и вообще. Смотри вон лучше, как здесь в дождь красиво, – он кивает на прозрачный потолок.

² Верхняя одежда в Древней Руси, в данном случае – пальто.

Велизар долго думает, поглядывая на попутчика иногда, насколько опасно соглашаться на подобные затеи, но вряд ли появится второй шанс. Он не может заставить себя отказаться; страх с восторгом на душе бьётся. Да и если запахнет жареным, то разберётся на месте, тихо улизнёт как-нибудь – в большом городе проще затеряться. От предвкушения между рёбер тянет, ноет в груди, и улыбка невольно губы цепляет. Мир точно воздаёт за столько бесцельно пройденных вёрст.

Мама говорила – иногда нужно просто купить лотерейный билет.

Проблемы Велизара настоящего начинают решаться сами собой. Расслабившись, он торжествующе улыбается своей удаче.

– Поехали, – наконец говорит Вел чересчур радостно и тянется за флягой, что в сумке валяется.

Настойка раkitника жжёт горло, оседает кислым на языке, но расслабляет почти мгновенно.

– Чем занимаешься, если не тайна, что такие вещи водятся? Я таких тачек не видел никогда. Да и самоходы в целом добро дорогое, – спрашивает Велизар, закинув голову по чужому совету.

Ровное тёмное небо и правда хорошо смотрится, когда капли не падают на голову.

– Да руды подбираю людям. Торгую, – отвечает Аркас. – А машина от отца, любит он у меня собирать всякую чудо-технику.

– Красиво. На магии работает?

– От кольца. – Марьев поднимает ладонь с руля.

Велизар приглядывается – у дьяка по кольцу на каждом пальце, и все разные, переливаются в тусклом свете. Наверное, такое количество стоит ему дорого – не в монетах, на этот раз. Волшба не бесконечна, и тело на неё не резиновое, хоть и рождаешься с ней, и умираешь. Кажется, в ней есть что-то от заразы. Любопытно, как волшба ощущается человеком, который будто из неё состоит, всюду себя рудами украсив – лицо и шею, руки, уши, и кто знает, что ещё. Особенно в камнеградах, где магия сама просится в тело – если всё так, как говорят.

Аркас выглядит почти блаженным и пускает по пальцам несколько молний, которые под кожей светятся раскатами, словно это ничего ему не стоит. Тихая зависть колет нутро.

– Закров, говоришь? Хорош. Полезным будешь.

– Не особо, – отмахивается Велизар.

Вопросы о колдовстве задают, как узнают имя или возраст. На устах всегда готово: «Велизар Косов, закров», – замусолено уже, можно на языке нащупать мозоли. Со своей способностью – или слабостью – Велизар смирился давно.

Тем не менее, Вел всегда носит его в руке.

Заринит был с ним с самого детства: он бродил с друзьями по полям за городом, когда нашёл его у одной из заброшенных и покосившихся избышек, с провалившейся внутрь крышей. Велизар забрал камень легко, даже не испугавшись нарваться на какое-нибудь древнее проклятье, будто тот всегда ему принадлежал. Он неделями вертел его в руках, разглядывал цветные пятна и прожилки на поверхности, пряча от друзей и матери. Вел не спешил придать его огранке и сотворить камню более удобный вид. Заринит царапал руки, и мама жаловалась на неаккуратность, обрабатывая ранки, но Велизар продолжал таскать его с собой и сжимать в кармане при любой возможности, притираясь.

Каждый ребёнок знает о том, что рано или поздно у него появится свой камень и сила, обещанная с рождения. Волшбу превращают в байки, в предмет бахвальства, в пресловутое «если», которое однажды обращается в «когда».

У Велизара «когда» наступило в тринадцать. Масло на сковородке противно шкварчало, а мама слишком суежилась, чтобы думать об осторожности. Он с интересом наблюдал, как капли масла тонули в вязком воздухе, не долетая до кожи, а защита расплзалась от его ладони

на всю ширину плиты. Заслонка была почти невидимой, заметной лишь в искажениях пространства, если прищуриться и обратить на неё внимание. Велизара это страшно рассердило, потому что все знакомые искрецы уже давно хвалились молниями на кончиках пальцев, а слезы – льдом и жаром, что расплзались под их руками. Сколько раз Вела обманывали мороки, заставляя верить, что предметы совсем не те, чем кажутся, и волонеры, ломающие карандаши

Его же сила не была броской – её как будто не было вовсе, хоть мама и обнимала его крепко, с улыбкой приговаривая, что он её главный защитник.

Велизар узнал потом, что волшебств много разной, и отнюдь не только закоровская бледная и прозрачная, но любой колдун казался тогда значительнее и сильнее, чем он сам.

Будто клеймом себя отметив, Велизар провёл в унынии юность. Все обещали, что после огранки камень станет настоящим проводником, но, сколько бы Вел ни пытался, тот не давал себя изменить. Так и остался нелепым куском руды, что всю мощь скрывает под слоями пыли. А Велизар начал отмахиваться в страхе потерять хотя бы ту вялую, будто беззубую силу, что есть, глядя на песок, оседавший с каждой новой попыткой бессмысленной тратой.

Отмахивался до тех пор, пока не оказался никем, на том рубеже жизни, где всё предписанное сменяется какой-то пугающей необъятной волей. Вокруг люди женились, путешествовали, меняли работы и квартиры. У него же не осталось ни опоры, ни понимания завтра – школы, училища, кружков, – ни великих достижений, с которыми можно было связать жизнь.

Воля, которой было, хоть захлебнись, стала такой огромной, что обернулась растерянностью.

Только спустя долгие месяцы, уходящие в годы, Велизар понял, застряв в безвременьи, что можно уйти сейчас. Он сбегал в поисках и подростком, и юношей, но всегда возвращался – с городничими или ради переживающей матери. Но после года скучной работы связистом на местном заводе, где Вел только и делал, что глазками хлопал перед скрягами из начальства и распивал чай с пышными барышнями преклонного возраста, которые обхаживали его будто сына, тоска пересилила страх.

Ведь самое ужасное, что может произойти – это ещё большая слабость. Ему не привыкать. То, пожалуй, полезнее великих достижений и лучше, чем зачахнуть в углу маленькой квартирки одного из десятков деревянных панельных домов.

Никита был прав.

– Ничего, попробуем огранить, может, что и получится. Зря ты так, – нарушает тишину Аркас.

Велизар усмехается криво – всё-то дьяк знает.

– Прости вольность, но тебе это зачем?

– Работа. Ничто в мире не одно такое, и заринит твой тоже. Авось пригодится, – честно отвечает искрец, плечами пожав. – Мы это, заедем кое-куда по пути, надо друга подобрать.

Велизар лишь отмахивается, мол, всё равно, и, сложив руки на груди да поплотнее запахнув епанчу, прикрывает глаза. Вялый простор щекочет кожу – Вел чувствует приближение какого-то предмета. Он вскидывает руку и ловит его в сети щита, даже не открывая глаз. Велизар не любит гордецов, принимающих его за тупого, но дарёному коню в зубы не смотрят. Особенно тому, что может выбросить у перелеска не пойми где. Он перехватывает карандаш, зависший в воздухе, и кладёт в ящик у руля.

– Этому закровов учат на первом году, – тихой дерзостью бормочет Велизар и снова прикрывает веки, отвернувшись к окну.

Под шум механизмов хорошо дремлет.

Затхлый воздух трактира забивает нос; на губах ощущается пыльный, кислый осадок дешёвого пива. Велизар, не обделённый ростом, едва не вперивается в балку, и, выругавшись, падает на скамью напротив Аркаса. Милая барышня в переднике подходит к ним почти мгновенно, натянув улыбку, протягивает им пару яствописей³ и так же быстро исчезает. Расценки если не удивляют, то точно расстраивают. Вел, согнувшись крюком, пересчитывает оставшиеся в кошельке бумажки.

– Похлёбку и медовуху, – говорит он разносщице, грустно поглядывая на рисунки раж-нича⁴.

– Ендову⁵ медовухи, – поправляет его Аркас. – Ягодной. Борщ и лепёшек с сыром и чесноком, – добавляет он. – Возьми себе ещё поесть, нам ехать ещё дохера. Я заплачу.

– Нет, барин, – тянет Велизар, слюни сглотив. – Не люблю долги. Я уже с одним, не хочу набирать.

Аркас кривит лицо на чинное обращение, но не спорит.

– Молодец, – напротив, говорит он с тошнотворно доброй улыбкой. – Так и надо. Ты – всем, тебе – никто. Я так начинал.

Велизар усмехается, но не расспрашивает и не включается в беседу – наговорились уже за столько часов пути, пока не добрались до небольшого городка в Срединных землях. Вел даже попробовал поводить самоход; управление в нём простое, как два пальца, но он всё равно чуть не съехал в траву. Аркас долго смеялся, но потом похвалил. По его словам, когда он учился, то получалось ещё хуже.

И так обо всём – есть у него дурное свойство равнять людей по себе. То становится заметным почти сразу, но Велизар тихо соглашается с положением вещей. В тоне Марьева чувствуется некоторое снисхождение старшего, злящее и изматывающее, будто между ними не пару лет разницы, а огромная временная пропасть, скопившая себе не меньше двух десятилетий.

О временных пропастях знают мало, потому что не каждый полезет изучать их хотя бы из-за лени, да и заметны они едва ли. Подростки толпами уходят их искать из прикола – и так же толпами теряются потом. Новости о спасательных операциях занимают уже самые маленькие из газетных колонок. Люди, утверждавшие, что были там, не превратились из молодых в стариков и не исчезли бесследно в путях времени, но малых пугают этим, чтобы не лезли. На деле это лишь сосредоточение волшбы первозданной, которое играет с временем и пространством. Колдовство пронизывает всё в мире, и от временных пропастей чего-то такого и ждёшь – главное оставить ловца на дороге, чтобы потом вернуться обратно, чуть что. Велизар не тупой, в конце концов, и быть героем статеек не жаждет.

Сейчас ему открылся другой путь, но он хочет проверить все, найти тот, что попроще – Аркас, услышав настоящую его цель, конечно, задорно поржал и назвал это чушью. Сказал, что будет по пути – чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось. Велизар скривился в ответ, едва сдержавшись от язвительности; его всё ещё легко могут продать на обряд.

Официантка ставит перед ним пустую похлёбку и графин медовухи; Вел сразу тянется к ней с такой жадностью, будто снова подросток. Чужая заносчивость давит ему на голову, но ради некоторых вещей он согласен потерпеть, особенно, когда мёд так приятно растекается под кожей.

– Теперь можно и за знакомство, – улыбается он, подняв кружку.

Аркас кивает и чокается с ним. Пока барышня в переднике расставляет на столе его заказ, Велизар цепляется взглядом за цветы, вышитые ромбами на рукавах её рубахи. Велизар видел похожие только на ярмарках, когда редкие продавцы и лавки столичные доезжали в их посёлок.

³ Меню.

⁴ Сербский шашлык с овощами.

⁵ Ендова – посуда с желобком для подачи алкогольных напитков.

– Купальская вышивка, – говорит девушка, заметив внимание. – Это васильки.

Велизар кивает, и она удаляется, коротко поклонившись, хотя он вообще не выглядит кем-то, перед кем должно расшаркивать. Аркас не обращает на это внимание, озирается, будто ждёт кого-то, иногда подёргивая плечами. В зеркале позади него Велизар видит своё растрёпанное отражение – совсем разболтавшийся хвост и мятую рубаху. Да и губы стали только тоньше и бледнее, кажущиеся трупными. Но ничего не остаётся, кроме как улыбнуться и на это, а причёску отложить на потом, чтобы не усеять волосами еду.

– Купальев хорош, – заговаривает Аркас и сёрпает супом. – Замки, много иностранных лавок, самоходы заграничные. Там люди по-другому живут совсем.

– В любой столице люди по-другому живут, – фыркает Велизар. – Ты был во всех?

– Конечно. Я же торгаш, – отвечает ему Аркас с набитым ртом. – Ярск очень многосторонний город, в плане... Он и хтонический, знаешь, и изящный, и местами грубый. Там много культур намешано, да и порядки совсем другие. Цуреславль тоска одна, а ещё столицей свадеб считается, бред. Купальев очень жаркий, и море клёвое, но у меня там тёрки есть с людьми, давно не был. Другие все далеко, к Хребту туда, а Купальев сильно на юг. Поезда мне сложно и дорого.

– Я шарю. Ягополь к нему из всех столиц ближе. Но не был, – говорит Вел ему и едва себя держит, чтобы похлёбку в раз не залить в себя.

– Я в Навиграде чаще бываю, туда проще доехать. Иногда шучу, что ради местного пива. Дрянь страшная.

– Тебе бывает что-то дорого? – вдруг раздаётся насмешливый женский голос сбоку. – Я смотрю, ты с другом.

Велизар оглядывается на незнакомку, что стоит, привалившись плечом к арке. Значит, он не ошибся, решив, что Аркас кого-то ждёт; тот улыбается и обнимает девушку.

– Представь себе. Конские цены, и куда я со своими баулами. Но как буду на юге снова, обязательно передам привет твоим родственникам, – отвечает Аркас, возвращаясь к ужину. – Да мы так, зацепились по дороге, я всё равно в Навиград еду, а пацану помощь нужна с камнем. Чё бы и не помочь.

Велизар вздыхает. Аркасу всего лишь тридцать с хвостиком, как он понял, а болтает как дед.

– Чё бы и не помочь, – передразнивает того сударыня и залиvisto смеётся. – Ты когда стал таким добрым?

Оказывается, Аркас благотворительностью не славится; Велизар с опаской смотрит на него.

– Бля, да он бы заплутал там, где я его встретил. А потом майся, – говорит Марьев с ноткой насмешки так, будто Велизара тут нет.

Девушка садится рядом и, откинув кудри за спину, по-свойски ставит локти на стол. Она оглядывается и улыбается уверенно и открыто, а потом протягивает ему руку.

– Я Настасья, морокуня.

– Велизар Косов, закров.

Становится любопытно, показывает она настоящее своё лицо или голову выдумкой обманывает. Вел присматривается и замечает тусклый излом света на границе с кожей – значит, морочит зачем-то. Он напрягается – мир вокруг кажется странным. Зачем прятаться в немаленьком городке, где они остановились? Нутро дёргает испуг. Вдруг Аркас всё же разбойник какой – Велизар мечется в сомнениях. Однако то, с какой лёгкостью Настасья кроет себя мороком, завораживает, будто это не сложное колдовство, требующее внимания к каждой части тела, а простецкий прикол. От неё веет приятной беспечностью; отсутствием не тревог, но желания переживать..

В отличие от Аркаса, кой видится грузным и лихим, не от мира сего. В его острых чертах есть что-то от мёртвого – то, как его череп обтягивает кожа. И прячется эта резкость только за странно юной улыбкой и детскими щеками, хотя Аркас уже разменял третий десяток.

Велизар наблюдает за их разговором, как зевака за балаганом на площади в Коляду. Голову кроет искажением – он вдруг понимает, как дико происходящее. Его подобрал на просеке званный человек, взял с собой, предложил ехать в столицу. Осталось разобраться, лотерейный билет то всё-таки или кривая дорожка, что ведёт напрямик в Навь. Уж больно складно всё выходит. Однако, Вел не мнит о себе так много, чтобы считать сие нарочным. Кто он вообще такой, чтобы быть кому-то нужным.

Просто абсурд, и всё тут.

Перед глазами разворачивается, очевидно, чужая сделка. Настасья тянется во внутренний карман куртки и выуживает оттуда лист, сложенный пополам. Когда Аркас разворачивает его, бумага оказывается совершенно пустой; зачарованная, что ли.

– Передай Елисею при встрече, – просит она.

Аркас взамен небрежно бросает холщовый мешочек на стол. Тот гремит мелкими камешками, и Велизар ловит предупреждающий взгляд дьяка. Тот, нехорошо прищурившись, заставляет пальцы сверкнуть с треском, будто Велу есть до всего этого какое-то дело. Последнее, что ему нужно, это трудности с чинными, и он поднимает руки, якобы ничего не видел.

Но лицо кривится в раздражении, и Аркас фыркает едко.

Некоторые люди очень любят хвалиться своим колдовством, будто в нём есть что-то особенное. Магия есть у всех – у кого-то заметнее, у кого-то прозрачней. Но теперь, глядя на чужое бахвальство, Велизара начинает раздражать собственное нытьё; он чувствует себя готовым прямо сейчас начать что-то менять. А потом Аркас и Настасья поднимаются и уходят к стойке, продолжая балаболить, и Велизар мгновенно сдувается; быстрее, чем с дьяком, пока не получится.

Он допивает кружку и чуть хмельно смотрит по сторонам, раз за разом поправляя спадающую на глаза прядку, ловит отрывки чужих разговоров в гомоне и вглядывается в лица потных и пьяных людей. Как в его местной пивнухе, здесь все так же обсуждают работу, соседей, перебивают знакомым кости – как выглядит одноклассница в свои тридцать, кто замуж вышел за начальника завода; обо всём да ни о чём. Разве что отмахнуться от разговора двух заросших алкашей за соседним столом не получается, и Велизару приходится слушать про неугодных жён и рыбалку.

—... Да ты что, Витька! Коль я вру, то пусть меня лихо ночью сожрёт. Сам видел, – делится один, чуть нагнувшись к столу в пьяной надежде, что так его никто не услышит больше. – Много кто из наших, кто ездит к югу туда, говорят, всё серое, как небо, как будто в золе, и нежити в лесах вокруг мама не горюй.

Велизар слышит про лихо и чуть бодрится, разминая затёкшие плечи, голову поворачивает к соседям, заинтересовавшись. Сам он лиха никогда не видел – они, как и другая нечисть, держатся от городов подальше, даже от деревянных, но о нём постоянно слышатся истории. Часто от них трясутся поджилки, потому что ничего хорошего от глубин леса ждать точно не стоит – если это не временная пропасть. Велизара немного пугает даже нужда лезть в чащи, чтобы её найти.

Если у него не останется выбора, он просто даст лиху по лбу камнем – уж что-что, а твёрдости зариниту не занимать. Поможет навряд ли, но в бессилии это лучше, чем ничего. Отважно сожран лихом в лесу – мечта каждого второго мага, потому что тогда никто не узнает правды о смерти, и про него расскажут много выдуманных историй, где он и правда герой. Хотя для закрова позорно умирать в лесу – да и просто умирать, кажется. Многие люди с иной волшбой преувеличивают силу их щитов, а против лиха с его размерами не поможет ничего, кроме внезапности и чего-то, способного вырубить его на часок.

– Да раз ходят и рассказывают, значит нету никакой нежити. Будто ты никогда чертей и упырей не видал, – фыркает второй, отмахиваясь от друга. – Сведут со свету да поминай как звали.

– Ну, маги сильные, искрецы, волоны, вот и возвращаются.

– Не всем быть сильными магами, сам знаешь, – хлопает Витька друга по плечу.

– Хап-тьфу! – плюётся сердито тот. – Как знаешь делай. Но мой тебе совет, не суйся пока далёко в леса, а то чёрт знает, что там такое творится.

Дальше Велизар не слушает – чего только не придумают по синьке. Но в чём-то прав этот Витька – не всем быть сильными магами. Только вот он не хочет входить в число «не всех». Быть бы таким же уверенным в себе, как Аркас, который играет с молниями и открыто заигрывает с Настасьей, нетерпеливо постукивая по стойке. Тот быстро роняет в себя скользнувшую в руки рюмку настойки, а потом, развернувшись на каблуках сапог, возвращается к столу.

Велизар двигает к нему монеты – свою долю за ужин – и начинает собираться неспешно. Когда они выходят из кабака, нахмурившись, оворит между делом:

– Там чё-то про чернь в лесу болтали. Реально где-то есть такое? Ну, нечисть, зола, серость.

Аркас скрипуче смеётся.

– Да в таких местах постоянно чушь несут всякую. Ты веришь алкашам? А в серости мы вообще живём, в ней ничего нового нет. Всю жизнь такие истории в Погорье слушал, малой, про толпы чудищ, про умирающую землю. А потом оказывается, что торчки болтают. Людям просто нужно чего-то бояться.

– Да и ты же закров, – поддакивает задорно Настасья, криво зашагав спиной к дороге, чтобы поймать его взгляд. – Не тебе нечисти пугаться.

– Но я слабый закров, – пожимает плечами Велизар с глупой улыбкой.

Не хочешь, чтобы над тобой смеялись – смейся над собой первым; так говорил Никита. Тот был всем свой, и хохотали над ним из веселья лишь. Над знахарями вообще нет привычки подтрунивать – им потом лечить всех вокруг, и никогда нельзя исключать, что именно тебя.

– Почаще говори об этом, и что-то обязательно изменится, – язвит в ответ Настасья.

Под кожей проходится колкое раздражение.

– Подбросите меня до станицы? Вам, вроде, по пути, если вы к Навиграду, – говорит она, и компас в её руках звучно щёлкает.

Дорогой, с витиеватой гравировкой на крышке и каким-то мелким камешком; он отликает бронзой и непохож на дешёвые побрякушки в лавках. Впрочем, думать, что Настасья из горожан низкого достатка – глупо; у неё даже вещей никаких нет с собой, кроме мелкого мешка, болтающегося за плечом, значит, недавно прибыла. Может себе позволить просто сесть и поехать, а не выбирать между школьной поездкой в Купальев и колбасой.

Настасья ловко закидывает в компас один из ловцов, закреплённых серёжкой на её ухе так же, как у Аркаса, и стрелка тут же поворачивается в другом направлении, а колёсики с цифрами быстро прокручиваются, меняя нули на сотни. Велизар столько прошёл бы за неделю, а она, откинув кудри на спину по привычке, говорит досадно:

– Буду дома только завтра к утру.

Велизар закатывает глаза и тяжело вздыхает – богатая жизнь от него немерено далека.

Под ногами чавкает грязь с жухлыми листьями; в лесу стоит тишина почти мёртвая. Они неспешно идут по еле заметным тропкам как оглушённые. Велизар грызет семечки, чтобы нарушить пугающий вакуум пространства вокруг. Он смакует воспоминания об отправлении поезда, который унёс Настасью в невиданные дали. Рокот механизмов, гром колёс, платок,

которым по старой царской традиции с ними прощалась девушка, и суету вокруг, слепленную из встреч и прощаний. Велизар такого никогда не видел, и мысли вызывают тёплый, юный восторг.

Он никогда не любил присущую маме духовную чушь вроде предчувствий и знамений, но тогда ему казалось – что-то столь же невероятное, как прощание с поездом, впереди.

Всё это ушло с вечером; Велизар громко ругается, когда поскальзывается на грязи и, схватившись за цепочку на куртке Аркаса, чуть не отрывает её с концами. Тот лишь оглядывается, вздохнув тяжело, и возвращает взгляд к компасу. Дьяк выказывает много противного пренебрежения, как будто он вообще не совершает ошибок, раз позволяет себе постоянно судить других. Самое обидное, что Аркас действительно ни разу не споткнулся и не осёкся за несколько дней пути. Велизар начинает выискивать изъяны. Те непременно должны быть.

Они оставили самоход у кромки леса, хотя слезать с нагретого места не было никакого желания, и пустились в путь всего час назад, но кажется, что с век.

– Тебе было проще оставить меня в машине и быстро смотаться к своему дружку самому? – ноет Велизар, пробираясь через влажный лес и увязая в гниющем месиве под ногами.

Скоро осень.

– Кто откажется от закрова, когда идёт в чашу? – отвечает ему Аркас с ухмылкой. – Тем более защита от загребущих рук действует, только когда руки снаружи, а не внутри самохода, – добавляет он. – Да и мы там переночуем, зад квадратный уже.

Велизар фыркает; будто у него есть резон брать его дражайшие камушки. Мама учила его совести. Но более полезным был юношеский урок, что нельзя красть у тех, кто больше и богаче тебя – может догнать, а потом надавать по морде. Слова о ночёвке чуть унимают усталое раздражение; было бы неплохо поспать лёжа.

– Не доверяешь мне? – с наигранным возмущением выдыхает Велизар.

– Конечно нет, мы же знакомы третий день, – сухо бросает Аркас, даже не поддержав шутку.

Искрец держит в руках такой же компас, как у Настасьи, с гравировкой под крышкой. Ловец, вставленный в него, отдаёт мягким сиянием среди тёмной чащи, куда они забрались. Вел не сомневается в рудах и металлах – это богохульно – но понятия не имеет, в какую глубь они идут и кого там можно найти.

Будто к самим создателям ищут дорогу.

Кто знает, где они сейчас. У каждого в семье бытует сказка о встрече с богом, что восхищённым шёпотом ведают детям перед сном. Когда-то люди жили с ними бок о бок, их видели поколениями. Те были мудрецами, старцами, знахарями, единственными носителями волшбы, но это было слишком давно, чтобы слышать в историях правду. Тогда, когда «солнце», как раньше величали свет, что шёл с неба, ещё не сменилось бескрайней серостью, покрывающей весь мир.

Светило несло болезнь, смерть, засуху, и боги скрыли его от людей, а потом скрылись сами – так говорят об этом старшие. Велизар иногда сомневается, было ли оно вообще. Мир прекрасно существует и без светила, хотя в старых сказках написано, что всё мгновенно умрёт, стоит ему погаснуть. Был ли подвиг – будучи ребёнком, он злился и пытался всё отрицать, когда мама с самого раннего утра тащила его на капище при любой беде. Спесь ушла с первым колдовством, которое он сотворил своими руками.

Боги всё ещё где-то есть – дальше от людей, чем когда-либо прежде, считающие свой долг выполненным; сторонние наблюдатели за миром. Богов нет в газетах, они не появляются на радиоволнах и в Паутине: о них шепчут, им посылают мольбы дети, но этого недостаточно. Сколько бы Вел ни обращался к Чуру, покровителю закровов, всё оставалось неизменным. Боги даровали им руды, поделившись своей силой со всеми, а не с десятком. Они оставили людей, но остались с людьми – так говорят об этом.

Велизар оглядывается по сторонам, отогнав блуждающие в скуке мысли, но голову вдруг кружит. Он теряет фокус зрения и приваливается к ближайшему дереву. Тёплое, кусающее вены ощущение ползёт под кожей. Оно растекается патокой, и Велизару едва удаётся оторвать себя от ствола, сбитою с толку дрожью в ногах. Ноздри с каждым шагом забивает не запах, но плотный, заметно потяжелевший воздух. Руки наливаются волшбой так, что камень печёт ладонь от мощи. Они идут сквозь лес в поисках таинственного друга Аркаса уже долго, но как рукой вдруг снимает усталость. Дьяк, будто не ощущая ничего подобного, продолжает путь, и Велизар отстаёт от него, застыв и вытянув руку вперёд. Аркас замечает это чуть погодя и останавливается понаблюдать.

Велизар направляет магию, рвущуюся из тела бурьяном, наружу через кончики пальцев. Он напряжение пропускает через кости и суставы – перед глазами искажается воздух. Тот становится мутной живой трясинкой. Вел утопает пальцами в непрозрачной массе, и она не рассыпается от потери контроля.

Далёкий приглушённый звук заставляет дернуть голову вбок; в щите утопает пуля, держится в воздухе, будто в камне, потеряв всю свою скорость. Велизар оглядывается на Аркаса и улыбается так воодушевлённо и широко, что болит и лицо, и грудь. Вот как ощущается временная пропасть – он до неё дошёл.

– Я же говорил, будет по пути, – эхом звучит голос Аркаса.

Может, судьба к нему бывает благосклонна, и Мокошь ещё плетёт её с милостью к рабам своим, даже ко всем этим напыщенным богачам, которые чересчур много требуют. Так ему кажется до тех пор, пока он не слышит хруст настолько громкий, что заслонка рассыпается, а птицы срываются с ветвей. Шум исходит издалека, но заставляет сорваться с места и продолжить путь, растеряв всё восхищение обстановкой.

Далеко, однако, им не даётся уйти – Аркас резко, до боли в плече, тянет его к ближайшим кушерам⁶. Пригнувшись, они высматривают источник шума во тьме чащи, и оба едва не дают дёру сразу же, как видят костлявый и кривой силуэт.

Когти лиха скребут по стволу неподалёку. Кровь отливает от лица.

Перед природой все люди абсолютно одинаковы; Вел, разве что, чуть довольнее. Одно удовольствие смотреть на обескураженное лицо Аркаса и упиваться тем, как взрослый серьёзный дядя, что считает себя мудрее, ничего не может понять. Но ужас сильнее.

– Ты про вот это сказки слушал? – истерит Велизар.

Крупная дрожь колотит от сторбленного чучела между деревьев. Вел старается не дышать даже, следя за мутным взором одного глаза. Остаётся надеяться, что лихо не учует их или хотя бы не будет сильно голодным. Тогда у Велизара будет время, пока монстр будет похрустывать невкусным телом попутчика. Впрочем, это вызывает лишь горькую усмешку – от лиха сложно скрыться, а они настолько далеко от дороги, что проще сдаться или помереть в канаве.

Велизар вполне оправданно, по его сугубо личному мнению, хочет скормить знакомого лиху одноглазому: никакой закров им не поможет. Как и он сам, при всём мимолётном могуществе несколько минут назад. Возможно, Аркас думает то же самое про него. Волшба Велизара слишком слаба, чтобы противостоять чему-то тяжелее мяча, который пнул пятилетний ребёнок, а сосредоточиться не выйдет, как ни старайся, пока поджилки трясутся. И он, видят боги, предупреждал об этом. Не винить же себя за то, что кто-то положил на его слова.

– Если грамотно его отвлечь, то мы сможем оторваться, – сипит Аркас, дрожащий от напряжения ног и сторбленной спины.

С его ростом укрываться за тощим кустиком, наверное, сущее испытание. Велизар же в своей шуплости складывается, как деревянная кукла на винтиках, у которой глупо болтаются конечности. Вел предпочёл бы остаться ей образно.

⁶ Кусты, диалект.

– Да какое там отвлечь, – шипит в ответ Велизар. – Тварь-то тупая. Мы только шелохнёмся, и всё, она твои кольца только и выплюнет.

– Давай ещё её пообзывай, – огрызается Аркас в ответ. – Мы же бессмертные.

Лихо дёргает головой в их сторону как назло, и они оба захлёбываются воздухом в испуге, сжимаясь за хлипкой преградой. Но ветви вдруг начинают ползти вверх, вытягиваются стремительно и тихо – Велизар начинает думать, что они и правда шли к богам. Он наблюдает за этим с восторгом и некоторой боязнью, но вместо богини, возвыщающейся над лесом непоколебимой мощью, видит меж ветвей лишь маленькую, тонкую девушку, приникшую к стволу дерева поодаль. Она чуть вытягивает руку; Вел восхищается её храбрости. Вскоре листва скрывает их макушки и позволяет чуть распрямиться – Велизар с трудом давит в себе вздох расслабления. Мышцы ноют, задеревеневшие как эти ветви – те будто не росли мгновение назад.

– Ладья... – шепчет Аркас растерянню, оглядывая кусты, а потом, отмахнувшись от своих мыслей, одними губами произносит: – На язык какой острый, а?

Они друг другу явно не слишком нравятся, но шанс убежать у Велизара есть только с Аркасом – один в поле не воин. Видимо, искрец думает о том же, закусив губу и косо поглядывая на него. Дьяк хмурится грозно, но выдыхает, принимая правила игры такими, какие они есть, даже если все выпавшие кости падают ребром.

Они слышат, как недалеко от них по стволу бьёт крупный булыжник. Не дав себе испугаться, Велизар бросает мелкий камень в сторону, откуда они пришли, чтобы сбить чудище с толку. Лихо резко разворачивается, теряясь в звуках; Велизар слышит тяжёлые шаги с хрустом будто сухих костей, а потом дёргает Аркаса за руку и толкает вперёд.

У них не будет другого шанса. Заботиться об ещё одном человеке – это чуть больше того милосердия, на которое Вел способен, но он всё равно озирается, пытаясь высмотреть ту девчонку между деревьев. Он ловит лишь единожды её облик, но тот тут же растворяется в зарослях.

Бежит, и хорошо.

Они мчатся по лесу, не разбирая дороги. Ноги сводит от бега, лёгкие сжимаются в бумажку, которой Велизар в школе плевался через трубочку, а ветки деревьев секут по лицу до крови. Он слышит тяжёлые торопливые шаги у себя за спиной, и ему кажется, что под сапогами дрожит земля. От рычания кровь, вопреки жару, хочет застыть в жилах и оставить его остолбеневшей от ужаса фигурой, но Вел уговаривает себя бежать. Аркас спотыкается и летит лбом вперёд, но Велизар подхватывает его, чуть не свалившись следом. Они теряют драгоценные секунды, и Велизар, оглянувшись быстро и ноги переставляя лишь по наитию, видит быстро приближающееся горбатое лихо.

Он заставляет себя думать сквозь грохочущую в голове кровь, руками машет в жалком подобии жеста обрывочного щита – он режет руками воздух, как будто о тёрку, выставляя одну заслонку за другой. Они не имеют упорной силы, но всё равно мешают, оставаясь у лиха на руках рыхлой плёнкой, осадком магии, что есть пятая стихия. Её никак не вычеркнуть из мировых структур, она есть всюду незримой частью, а камни лишь её проводник – так или иначе.

Велизар загорается детским восторгом от того, как ловко слабенькие щиты скользят с его рук почти танцем, он чувствует себя способным и всемогущим и смеётся над растерянным существом. Но лишь до тех пор, пока не чувствует, как магия начинает брать у него то, что положено ей взамен. Велизар начинает дышать чаще в желании выхаркать лёгкие, и замедляется.

Треск молнии посреди нигде, под таким же обыкновенно серым небом, ни на тон не сменившим цвета среди крон, сбивает его с ног. Он падает лицом на землю, будто само мироздание напоминает, что его дохлые заслонки ничего не стоят. Велизар поднимается обозлённый, но времени на то, чтобы высказать Аркасу всё, что он думает о таких выпадах, у него нет –

приходится отложить это на потом. Молния Аркаса лихо не убивает, но морочит на какое-то время, и Велизар заставляет каждую часть тела продолжать бег.

– А раньше ты это проделать не мог? – язвительно бросает он.

– Нет, но мы бы оторвались сильнее, если бы ты не решил погордиться собой любимым, пока накладывал, – он рвано вздыхает и продолжает: – на него свои эти ветерочки.

Для него чувство собственного превосходства тоже, видимо, важнее, чем воздух в лёгких.

Велизар поджигает губы от досады – нашёлся тоже, умник. Попробовал бы сам поймать пространство на бегу – Вел бы с большим удовольствием посмотрел. Но нельзя отрицать, что он по-прежнему слабый маг, даже если на миг показалось иное. Велизар оглядывается на лихих, что за ними уже не бежит, а пытается вырваться из пут сковавших его ветвей.

Зацепившись за корягу, пока вертит головой, Велизар летит наземь. Лес выплёвывает их на поле. Он валится кубарем вперёд и больно бьётся коленом о выступающий камень. Поднявшись, Вел хочет бежать дальше, но Аркас сидит на корточках и шумно дышит. Велизар тоже с трудом воздух в грудь заталкивает и оборачивается. Опасность миновала: лиха позади больше нет, только полыхающее огнём то, что от него осталось.

Кто бы им ни помог, Вел безмерно благодарен – он бы не дотянул даже до конца поляны, и зачах бы трусливым пожёванным месивом.

Велизар падает на колени от усталости, наконец позволив себе расслабиться, но тут же, отшатнувшись, падает на задницу.

Оказывается, что не обязательно просить избушку на курьих ножках повернуться на своих длиннющих ногах передом, чтобы она это сделала, роя огромными когтями землю. Велизара от одного взгляда на гниющего тёмного монстра пробирает животный ужас. Он не против бежать от лихих и дальше, если это – обмен.

Вел ползёт назад, хватая воздух ртом, но упирается в барьер, который стеной прозрачной отрезает их от леса. Страх перекрывает ему глотку и кромсает нутро. Суставчатые ноги с пятнами выцветшей крови больше, чем кажутся на снимках. Брёвна, из которых сколочена избушка, похожи на лохмотья кожи: Велизара не тошнит только от пустого желудка, но кислота жжёт язык.

– Куда ты меня притащил?!

– К ягерю, – раздаётся громом мертвенный голос.

Вот кто может жить в такой глуши – княжич Елисей Ядвигов. На всех снимках из газет он улыбается доброй, весёлой улыбкой; то было пять лет назад, пускай и печатают его, и показывают по телевизорам до сих пор именно таким. Правду шепчут в сплетнях – тьма, что водится на границах мира живых и мёртвых, сводит с ума.

Теперь становится ясно, почему лицо Аркаса казалось знакомым. Дьяк его верный пёс и ближайший друг, сохранивший рассудок только потому, что не остался здесь.

Княжич стоит на крыше дома, привалившись к коньку, будто возвышается над всем миром.

– На кой пришли сюда? Если смерти ищете, то много мест ещё, где она водится. Там и свиделись бы. Но раз сами проситесь... – Велизару кажется, что он слышит в эхе, будто всё пространство занявшем, улыбку – далеко не весёлую.

Видать, и Аркаса он не признал с высоты, раз так общается – или его разум поглощён мраком без остатка.

Ягерь бьёт ногой по крыше, и избушка повторяет его движение. Земля словно трещит под ними, и пыль подымается столбом, забивая нос и глаза. Велизар сцепляет зубы, чтобы не закричать, и мысленно прощается с жизнью, знающий – назад нет ему дороги. Вопреки, он пытается ползти, цепляясь пальцами за землю, хоть куда-нибудь.

Не зря говорят, что с незнакомцами в дорогу лучше не впутываться; невозможно знать, куда она приведёт. В следующей жизни Велизар не станет, но опыт ему уже никак не поведать. Он пытается смириться с горькой судьбой быть погребённым среди чужих костей.

Свои дрожат.

2. Вакуум

Сонное марево рассеивается неспешно и лениво – Даян не помнит, как просыпается и садится на перинах, по шее завернувшись в одеяло. Утра мглистого Навиграда даже летом давят на голову, сбиваясь в ней тяжёлыми клубами туч – особенно с похмелья. Он оглядывает спальню – стол завален бутылками из-под пива, листьями, ручками; мышка от числовика повешенным бедолагой болтается на шнуре. Капает на пол вино.

Даян подрывается и хватает почти пустую бутылку, чуть не вляпавшись в пятно. Следом накатывает усталость – он падает обратно на постель. Зарплаты не будет до следующей недели, и жаль терять дорогое спиртное за пьяным буйством. Хорошо, что у него всегда есть запас.

Даяна колотит сонным ознобом, и выходить дальше нагретой чугунной батареей комнаты – в собственную квартиру, в собственной дорогой и тёплой одежде – сродни муче. Многие сказали бы, что его Чернобог прибрал к рукам, коли жалуется. Болтали бы, что он ничего не знает о бедах. Даяну нечего им ответить – он не станет начинать бессмысленный спор. Он трёт лицо, немощно привалившись к опоре сеней и свесив ноги с постели.

«Буду позже», – через раз попадая по кнопкам маленького телеграфа, набивает он. Ловец чёрного цвета на секунду вспыхивает белыми прожилками, и текст исчезает, впитавшись в экран. Звонок выше его возможностей; сил недостаточно, чтобы слушать, не потревожив уши, а голоса недостаточно, чтобы это озвучить. Даян морщится от одной мысли о несуществующем звоне, что будет в них стоять. Он трёт холодные острые кончики ушей, и снова лицо, уши, лицо, уши, до тех пор, пока не раздаётся стук в дверь – Даян глушит попытки волшбы стать головной болью. В черепушке гремит лишь секунду.

– Утро доброе, твоя Светлость, – молвит Баско привычным утренним полушёпотом, суетится, пытаясь разобраться в чехах с одеждой.

Вешалки отвратительно звенят о ручку шкафа. Даян кивает слуге, натянув улыбку, а потом откладывает в сторону телеграф и наконец поднимается. Тот продолжает тараторить о чём-то с нелепой усмешкой и прячет взгляд. Юный и неловкий, Баско заливается краской, и в душе поднимается слишком взрослая снисходительность. Ещё называет так – Светлость, вместо сухого «герцог». В его тоне слышится нежность и восхищение. Так уже не первый год – наверное, Даяну стоило бы нанять себе в слуги кого-то другого, но то кажется зверским к невинному и юному вожделению Баско. Он снова, как и каждое утро, задаётся вопросом, что всё-таки человечнее.

Слуга продолжает мельтешить, и Даяну стоит всех сил придать голосу мягкости, чтобы сказать:

– Я сам, дякую, Баско.

У того в глазах тоска столь душераздирающая мелькает, что становится неловко, но паренёк спешно выходит, поклонившись. Даян тяжело вздыхает и берётся за вешалки. На стене мелованная доска мозолит глаза записью о предстоящей встрече с государем. Последние пару лет событие, раньше волнующее так же, как юного Баско сам Даян, стало тяжёлой необходимостью. Он до сих пор гадал, чем же оттолкнул правителя, раз тот сменил почти родительскую милость на холодную отстранённость.

Всю жизнь с тех пор, как Даяна маленьким привезли в Навиград, царь относился к нему не так, как обычно относятся к ненужному подарку, которому ищешь нового владельца. Сиротка из уничтоженной зажиточной семьи ближнего зарубежья, конопатый, сутулый и худенький. Даяна просто сослали, прикрывшись «знаком крепкой дружбы»; разве что бантиком не обвязали. Он по сей день вспоминает, как смотрел исподлобья на возвышающегося на троне царя, уставший в дороге и дрожащий под величественными сводами зала. Государь спу-

стился с помоста, тепло улыбнулся, чуть приподняв пальцами его подбородок, и сказал, что для него честь принять столь важного гостя.

С тех пор ничего не изменилось; он так и остался гостем. Гостем, которому наняли учителей, пристроили подручным к князю, выделили жильё и немаленькое жалованье, но не доверие.

Господарь никогда не выказывал недовольств и непомерных требований, спрашивал, как его дела, давал мелкую работу, часто бессмысленную, со сведениями, которые не страшно потерять. То расстраивало, но не обижало в добродушном понимании, кто Даян есть. Он был безупречным гостем и слугой государя, сроднился за годы с местными порядками, научился болтать без говора благодаря чуткому слуху. И одним днём всё равно встретил суровое безразличие: больше царь не улыбался и избегал на него смотреть.

Иногда кажется, что Бреслав, не имея совести, рассказал правителю о его проступке, и тогда ни о каком долге не может быть и речи; но Даян не знает наверняка. Если полезет спрашивать, то непременно обречёт себя на каторгу. Хотя и ссылка порой видится выходом; Даян стал бы свободным от самодовольного прищур и отвратительной власти князя. Мысль эта душит жалким стоном, но доживать годы на далёком и безлюдном севере страшнее пустых земель Хельхейма, Нави, или куда забросит его неприкаянную душу.

А тревоги стягиваются обратно под рёбра жилеткой, пуговицы которой тянутся до самого горла и звенят о стеклянный ожерелок ворожа. Они упаковываются в грудину излишне нарядной ферязью⁷, расшитом бисером и золотым кружевом на рукавах, сверкающими под белым небом. Даян суёт ноги в тапки и смотрит в зеркало. В отражении предстаёт гордый дворянин с безупречной осанкой, красивый и статный молодой мужчина.

Как бы то ни было, Даян всё ещё здесь. Жизнь прекрасна до последней нитки одежды и монеты в кармане, и это изо дня в день гонит печали. Пускай теперь царь не мил к нему, когда-то Даяну дали стать таким, какой он есть.

Остальное он сделает сам.

Даян, распахнув двери спальни, минует комнаты одну за другой и барски разваливается на кресле в светлице.

– Скажи Стёпке готовить самоход, – произносит он звонко, а потом перехватывает газету из рук Баско. – И, будь добр, принеси мне чай.

Толпа на главной стогне⁸ гудит и суетится больше обычного, хотя утренние листы молчат и выводят в заголовки самые скучные новости. В конце зарева⁹, под закат лета, кроме Хлебного Спаса народ ничего не празднует, а шум стоит, словно сами боги решили к ним явиться, не иначе. Все оживлены и взбаламучены подстать мутным водам реки Мары, что задорно плещутся в стенах набережных; кораблики бороздят её моторами и голосами чересчур воодушевлённых путеводников¹⁰ Дети, говорящие на известном ему, но покрывшемся пылью в памяти языке, бросают в серую муть монеты.

Даян, однако, не останавливается удовлетворить своё любопытство у шаек юнцов, которые галдят хуже самих галок. Он, не оглядываясь, идёт вперёд, ловит на себе взгляды пренебрежительные, восхищённые, по-детски влюблённые, иногда даже надменные – и потому избегает всяческих обмолвок с прохожими. Звание герцога, редкое и чужеродное, привлекает

⁷ Верхняя одежда без ворота, доходящая до лодыжек, с длинными, суживающимися к запястью рукавами.

⁸ Проспект.

⁹ Август.

¹⁰ Экскурсоводы

внимание и легко запоминается в именах. Даян долго привыкал к назойливому любопытству и косым взглядам; его было слышно из-за говора и видно из-за роста и рыжины волос. В детстве он много молчал и прятал кудри под шапки, потом кичился отличием, но со временем мнение других стало безразлично; нордгардца из него не вычеркнешь.

Кто-то считает его иностранным разведчиком, кто-то – любовником богачек, кто-то – ковриком под начищенными сапогами царя, а некоторые – предметом тайного вздыхания. Никто из них, на самом деле, не прав. Кроме, наверное, вздыхающих – за их чувства Даян отвечать не может. Он просто герцог, что бы ни значило это слово. В меру богатый, в меру красивый, но безусловно служащий блаженнейшему из блаженных.

Даян заворачивает в безлюдный переулок, проходит сквозь двор в следующий, стигаясь в арке крюком, и, оказавшись на свете белом после сырости подворотен, сразу ловит задорную улыбку.

– Ты сегодня особенно румяная, – бросает он Агнии, ждущей его на летнем дворике небольшой корчмы, спрятанной от любопытных зевак в путанице дворов.

Она закатывает глаза и принимает короткий поцелуй руки. Выглядит Ядвига и правда лучше обычного – мертвецки серые щёки щедро припудрены, а синяки под глазами тщательно замазаны. Её лицо выглядит достаточно живым для полумертвеца, и алые губы притягивают к себе больше внимания, чем обтянутые кожей скулы. Она поправляет ворот жилетки и откидывает изящным движением седые волосы за спину. Русая их часть украшена розой, и Даян усмехается этому нелепому решению.

– Выбирала цветы на приём «Первого вестника». Голова кругом с этим всем, месяц до мероприятия, а ничего ещё не готово, – отвечает на незаданный вопрос Агния. – Мама с отцом ещё причитают, что мне муж нужен, раз я больше не гоюсь в Яги, а то так и помру одинокой бездельницей. Попробовали бы сами устроить вечеринку для главной из газет в городе. Как видишь, в потолок плюю от тоски, – фыркает она, захлопнув пухлую записную книжку, и вздыхает.

Даян усмехается раздражённо; умы старших Ядвиговых всегда поражали воображение недалёким высокомерием.

– Все эти холёные мальчики раздражают меня. Улыбаются, как куклы, а в глазах ужас, как будто я мало того, что уродина, так ещё и старуха. – Агния кривит губы. – Как ты думаешь, если я за тебя замуж выскочу, их устроит?

– Они считают меня плебеем иноземным, – Даян улыбается, шурясь от особенно светлого неба. – Для них «герцог» это что-то о братьях наших меньших с кучей лапок и усиками. И ты не уродина.

– Всего лишь труп, – колко отвечает ему Ядвига.

– Очаровательный полутруп, прошу заметить, – Даян поднимает указательный палец, и разносчица принимает это за привлечение её внимания. – Будешь что-нибудь?

– Кофе если только. Восточный.

Разносчица услужливо кивает, а потом поворачивается к Даяну в ожидании.

– А мне как всегда. Скажешь повару, что завтрак Росок, как обычно, он поймёт.

Девушка тут же исчезает в дверях заведения, а Агния подмечает, теребя в руках несчастный цветок:

– Не хочешь нанять себе повара?

– У меня служанка готовит иногда, и хватит. А то я вообще перестану видеть свет белый. Позавтракать вместе – отличная возможность послушать о сплетнях и твоих хахах, – отвечает он, а потом нагибается, заставив стол жалобно заскрипеть от локтей, и бормочет чуть тише:

– Кстати, о сплетнях, а что все такие возбуждённые сегодня? Как будто Коляда скоро, в самом деле. И народ весь какой-то нарядный. Молодёжь разодела, как будто царь-батюшка к ним лично на смотрины явится, женщины в лучших бусах, аж шеи не видно.

– Так мой брат приезжает скоро. С тех пор, как уехал, никто его не видел, вот и шепчутся, стал ли он порождением тьмы или нет. Девки, конечно, надеются, что нет, всё свататься ему хотят. Будто Елисею это нужно, – знающе усмехается она. – Надеются, наверное, что Аркаса с ним не будет, а то эту собаку все боятся так, будто он лично ими будет ужинать.

– Ну, согласишься, он выглядит довольно... внушительно. Ещё в цепях и цацках своих вечно, весь разукрашенный. Я его тоже побаивался, пока мы с ним не напились один раз после дня рождения царевича Олеандра, помнишь? Аркас меня сломать может в одно движение просто, – Даян отвлекается, чтобы поблагодарить расносчицу, и чокается кружками с Агнией. – А сколько Елисея уже нет?

– Это потому что ты у нас тросиночка забугорная, – говорит она, отхлёбывая из чашки. – Да он там пять лет уже сидит, многие ещё под стол ходили, когда он учился. Вот всем и интересно. Это мы с семьёй его видим постоянно в загородном доме, там же рукой подать. Самому не интересно?

– Нет, ты же мне рассказываешь, что он только понаглел, а не скукожился в подобие упыря. Но я бы с ними выпил, как родителей у вас не будет. Ну или пусть ко мне приходят, передай.

– Хорошо, – кивает она. – Забавно, что мои предки пугают тебя сильнее Марьева. Он больше на выродка Нави похож, чем я. Они с Елисеем забавно выглядят так, когда рядом стоят.

– Такому красно-солнышку нужна тень просто. Он же как из сказок, кудрявый, белолицый, с улыбкой этой широкой, глаза светлые. Не зная, подумаешь – дурак, – хмыкает Даян и закидывает в рот яичницу.

– На то и блаженный. – Агния жмёт плечами и тут же поправляется: – Я не считаюсь.

– Да ты ближе к бабке, чем все твои родственники. Хотя бы знаешь, что охранять надо.

– Елисей отлично справляется. Избушка любит его, ты бы видел, как он её по мху под крышей чешет – котёнок с куриными лапами, не иначе.

– Большой деревянный домоподобный котёнок, да. Только в Нави такое и водится.

Дожёывая свой хлеб с маслом, Даян замечает краем глаза тёмное пятно на светлой резьбе дома. В очередном чёрном наряде Бреслав похож на черта. Его не боятся так же, как Аркаса, только из-за его обольстительной улыбки и безупречных манер, которые очаровывают и заставляют уважать. Аркас же грубый и за словом в карман не лезет – ему покровительствуют Ядвиговы, сам княжич Елисей, перед которым благоговеют все. Видимо, с надеждой, что он спасёт их души – но то от невежества.

– Я ещё не опаздываю, – возражает Даян, отряхивая руки.

Бреслав усмехается и поднимает взгляд к небу так, что его глаз и шрамы, залитые золотом цитрина, будто разбитая посуда, переливаются, кидают блик на дом. Князь отталкивается от стены с надменным, почти хищным прищуром и неспешно бредёт к нему. По его осанке можно проверять ровность поверхностей, настолько она прямая, а волосы уложены, будто Велецкого выточили из камня так же, как резьбу на доме. Тому не нужно ничего говорить, чтобы Даян понял – совершенно не важно, опаздывает он или нет. Сейчас он должен встать и пойти за ним.

Даян благодарен государю за своё место, но служить ему приходится при самом заносчивом дворянине Царства. Он изо дня в день чувствует себя тупоголовой пустышкой рядом с ним, мальчиком на побегушках. Впрочем, так оно и есть, и будет до тех пор, пока Даян не вернёт долг – или не удушит князя в ночи и отправится на нары гнить. Зато карманы набиты, и носит он одежды лучших столичных портных, держит слуг, ходит во всякие модные места и имеет возможность позвать выпить самого блаженного княжича и его подручного. Или кем там Аркас приходится Елисею.

Даян напоминает себе об этом каждый день, чтобы не сдаться, и пока работает безупречно. Он вздыхает, натягивает на лицо улыбку и, поклонившись Агнии как подобает положению, прощается.

– Передай, – тихо произносит он одними губами. – Я дам знать, как буду свободен.

А потом уходит в лабиринт дворов, следуя за Бреславом прислугой. Он задирает голову так высоко, что начинает болеть шея – больше для себя, чем в попытке доказать что-то зевакам на улицах.

– Государь нас ждёт через час. Но мне нужно, чтобы ты прежде кое-что послушал во дворце.

Внутри Даяна вспыхивает секундный испуг – это приравнивает его к соглядатаю, которым его считают, каждый раз, когда Велецкий просит, и карается теми же нарами. Князь хорошо играет на страхе, хотя мог бы просто волшбой нагнать на него спокойствия, и не было бы трудностей. Что-то жуткое видится в одноглазom взоре Бреслава, будто знающее мысли, а не только чувства – и молча напоминающее о долге.

Конечно, Даян не хочет на каторгу. Он уверенно кивает и припускает шаг – не впервой.

Даян воровато оглядывается на щебечущую за углом служанку; её неприкрытые заигрывания с охранником порядком надоедают. У него не так много времени, чтобы тратить его на прятки. Пытаясь уловить что-то полезное в бестолковой болтовне нескольких веринов¹¹, он задержался; для чего Велецкому понадобились пересуды богачей, сидящих обычно в глубинке, ведают одни боги. Они невинны, как младенцы, и не представляют никакой угрозы, слишком ленивые для предательств. Но приказ есть приказ – Даян за годы устаёт разбираться, что творится у Бреслава в голове.

Девчонка, как назло, стоит прямо в том проходе, что ведёт от служебных ходов к основным дорогам дворца. Колени дрожат от тревоги и нетерпения, но внезапно голоса глохнут за дверью. Даян различает, чуть напрягши слух, как чьё-то тело бьётся о дверь, и не медля выскакивает из-за поворота. Он нервно потирает похолодевшие кончики ушей, продолжая безукоризненно держать осанку, чтобы в его жестах не было опаски – иначе он сдаст себя с потрохами. Даян только крепко сжимает запястье за спиной, ногтями теребя вышивку. Мало ли – заблудился; в малых ходах царского дворца даже юноша, в детстве изучивший его вдоль и поперёк, может заплутать. Неведомо, какие мысли терзают его голову, ведь он молод и тревожен.

Даян утешает себя всякими глупыми оправданиями, зубрит их, как родославский язык в свои десять, улыбается даже, тенью проскальзывая в неприметный поворот. Даян знает, что идёт правильным путём: стены знакомы ему, как пять пальцев, а страх лишь усиливает ощущение превосходства.

Лишь до тех пор, пока, пробежав на цыпочках вниз по лестнице, он не сталкивается лицом к лицу с неприметными дверьми. Они, чуть затёртые голодным временем, ничем не отличаются от остальных на ярусе. У них позолоченные ветвистые ручки подстать дворцу, изобилующему застывшей в металле и камне природой; белые створки совершенно безлики. Они мозолят глаза; Даян миновал вереницу таких же, блуждая запутанными, но безопасными ходами.

Он не помнит этих.

Даян хмурится, оторопев и на миг засомневавшись в памяти, но оглядывается и складывает части пространства как головоломку – пёстрые цветы в углах позади, алые поручни лестницы и малозаметный скол краски у пола.

¹¹ Верин(я) – чин третьего порядка; помещик, владелец большой земли, часто при каком-то населенном пункте.

На их месте была голая стена, сиротливой пустотой направляющая дальше, к зияющей неподалёку арке или к полутёмным коридорам, стелящимися точно улицы. Унынием выцветшей зелени она извещала, что здесь нечего искать, а теперь окрасилась острыми углами наличников.

Даяну нет дела до загадочных мест, дворцовых секретов, страшных сказок и слухов, о которых ему даже Баско шепчет, когда ужин приносит. Парнишка впечатлительный и одинокий, ему просто некуда деть домыслы, и Даян слушает лишь из уважения к стараниям. Ему всё это не нужно, он жаждет спокойствия, обыкновенной неприметной жизни – проблем нагрёб уже, будучи жадным до впечатлений.

Он замирает в нерешительности, точно стоя у камня трёх дорог, как богатыри в былинах.

Как прямо ехать – живу не бывати – нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному. Прямая стезя – ни для зверей, ни для людей, а лишь для тех, кто дерзнёт идти за пределы всего известного: так говорила няня.

Даян не из храбрых спасителей. Он хочет лишь увериться в том, что ничто не помешает размеренному течению жизни. Долг и грязная работа уже привычны, но неизвестные ходы скребут грудину шальным беспокойством; всё остальное должно остаться неизменным. Даян делает несколько шагов вперёд, оглядываясь настороженно, пока лестница не пропадает из виду.

Звон вышибает дух.

Он врывается в уши и терзает голову – Даян отскакивает, согнувшись в три погибели. Волшба бьёт в грудь у порога с такой силой, что захлебнуться впору. Колдовство течёт по рукам потоком, бурлящей рекой бьётся в конечностях, грея ушные раковины, пляшет в пальцах жадным требованием могущества. Сила берёт тело измором и слабостью пресыщения, от которых дрожат колени. Звуковые волны беснуются вокруг, и Даян путается в них, буйных и своевольных.

Он разминает сведённые кисти, угловатые пальцы, тщетно пытаясь подчинить чавкающую волшбу, но с ужасом обнаруживает, что звон не принадлежит дверям; лишь колдовству, их окутавшему в попытке отпугнуть любопытных. Расправив плечи, Даян выставляет ладони обезумевшим от страха пианистом и принимается искать другие волны среди шороха одежд и частого дыхания, перебирает их, как нотные линейки.

Только за дверьми нет совершенно никаких звуков. Будто вакуум, полное отсутствие вещества, абсолютное ничего. В мире нет мест, где звуков не существует, и Даян всегда держался этой мысли, чтобы оставаться в здравом уме. Пока есть звук – ему многое доступно, он может себе помочь. Пока звук есть, он и сам есть, но в тишине – что остаётся звякону?

Даян не сдаётся, неверующе начав перебирать тоны голоса, переходит на те, что недоступны людскому уху. Шепчет молитвы божествам по привычке, путает в голове имена: в его мыслях Тор встречается с Перуном, мольбы неразберихой летят с уст на разных частотах, становясь тончайшим писком. Руки двигаются словно руководят хором, то выше, то ниже мановением задевая волны, а пальцы изящно гонят прочь сторонний шум. Даян не видит нитей, но явно их ощущает, как струны на кончиках пальцев, свободные и никогда не имеющие конкретного строя. Даян глушит всё вокруг, но не находит за дверьми никакой жизни. Даже в Нави есть звуки – там, где их нет, ничто не может существовать.

Его пугает это место, но загадкой остаётся на подкорке, потому что так не бывает. Вдалеке гремят голоса, фонят удушенным отзвуком степенные шаги, но оттуда ничего не раздаётся – значит за дверьми есть спрятанное от чужих ушей не напрасно. В мире нет пустот и недоступных ходов.

– Ты заблудился? – раздаётся сбоку насмешливый голос Бреслава через мгновение после того, как Даяна настигает шум его дыхания.

Он расправляет плечи и, развернувшись на каблуках сапог, широко улыбается князю, словно ужас не пляшет на нервах и не сбивает мысли кошмаром. Им внезапно не хочется делиться, и то ошарашивает – раньше Даян никогда не перечил Велецкому. Всё в душе противится правде на устах. Бреслав хмурится, едва дёрнув бровями, и повелительным жестом толкает его к арке.

– Что-то случилось? – строго спрашивает князь.

Даян мотает головой, глупую усмешку прилежно держа.

– И правда заблудился. Давно здесь не был.

– Меньше пить надо.

Быть может.

Иногда Даяну кажется, что они играют на разных сторонах, лишь изображая обратное. Они одинаково не доверяют друг другу, ведь князь не говорит ему о своих сомнениях точно так же. Даян не может сказать, за кого играет он сам. Он живёт надеждой, что всё образуется само собой – невероятно глупо. Ему нужно иметь карту Древа в руках, неизменный туз в любой родославской карточной игре. Только получает Даян самые слабые карты.

Пустота шумит в голове обрывками мыслей, кроме одной – оставить вакуум собственной страшной сказкой.

Крепкая фигура Бреслава в привычно тёмных одеждах, украшенных золотыми цепочками, едва заметными мелочами вроде кружева на ткани кафтана, кажется в мягких формах дворца чужеродной. Его чёрные волосы волнами ложатся на плечи, они безукоризненно убраны от лица – ни единого «петуха» не видно. Бреслав же оглядывает Даяна с выражением, будто тот весь измазан тёмным, дамаковым колдовством. Даян хмурится смятённо в безмолвном вопросе и начинает нервно осматривать костюм, но князь тихо смеётся и накрывает его плечо крепкой ладонью.

– Добро всё, уймись.

Накатывает облегчение – странный миг исчерпан.

– Зачем смотришь так? – говорит Даян и шуруется едва сердито.

– Думаю, для кого ты так наряжаешься каждый раз, – отвечает Бреслав, широко шагая по коридорам царского дворца. – В любовники царевне набиваешься?

– Это называется «стиль», – фыркает Даян, поправив ожерелок на шее; тот до сих пор тёплый от волшбы. – Советую тебе озадачиться тем же. Встречают по одежке, князь, – говорит он цепко.

По одежке встречают и царей – произносится между делом; Бреслав головы не поворачивает, но ухмылка дёргает губы. Даян не может знать точно, но догадывается о его целях. Велецкий не воспринимает слова всерьёз, лишь посмеиваясь над попытками прознать его истинные помыслы. Играет с ним в глупого мальчишку, намёками орудуя как клоун кеглями в цирке.

Даян же надеется не оказаться правым.

Царь-батюшка дал ему всё, и невозможно даже подумать о том, чтобы предать его. Как бы холоден и отстранён государь ни был, неважно, сколько злости и досады плещется вместе с верностью в груди от несправедливого неприятия. Даян зарекается – он убьёт, он наплетёт с три короба, он испачкает руки, но никогда, никогда не сделает ничего, что навредило бы царю Беломиру.

Будь его воля, Бреслав бы не вмешивал в свои схемы других, но Даян, как ушлый змей, что скользит меж щелей везде и всюду: умелый звякон, и потому полезные уши, герцог, незаинтересованный в богатстве и чинах, его должник, удобный человек, чтобы не позволять задаваться вопросами.

Даян и не спрашивает. Мысли сами лезут, хотя у него груды других дел – на неделе съёмка для модного дома, завтра нужно прийти на примерку костюма на развеселицу. Рано или поздно придётся всё-таки занять сторону, но до тех пор, пока иной не находится, есть время.

Бреслав невозмутимо пожимает плечами и останавливается перед дверьми тронного зала. Одёргивает кафтан, зачёсывает рукой волосы назад, на всякий случай, и стирает с губ улыбку. Велецкий выглядит безупречным слугой, напустив на лицо подобострастия, когда дружинники открывают перед ними двери.

В тронном зале тишина: только глухой стук их сапогов по ковру и собственное тяжёлое дыхание тревожат уши. Они становятся недалеко от престола и кланяются царю в пол: тот сидит невозмутимым изваянием, скупающим взглядом по ним пройдясь.

– Здравствуй, Всемиловейший Государь, – тихо произносит Бреслав. – По требованию прибыли.

Звук по пустой комнате разносится гулким эхом.

– Доброго здравия, князь Велецкий, герцог Росок, – отвечает царь Беломир. – Выполнено ли моё повеление?

Стоит ему сказать и слово, как цитрин, впаянный Бреславу вместо потерянного глаза, кажется, греется. Князь старается не подавать виду, но прищур выдаёт неудобство. Бреслав видит и бревно в своём глазу, и соринку в чужом – от ведуна сложно ускользнуть чужим чувствам. Однако, невозможно держать в руках всё так же, как среди шума уловить сразу десяток звуков надолго. Чужой сбитый вздох кажется мёдом сладким – Даян не верит в совершенства.

Те послушно решают оставить его сегодняшним днём. Лишь на мгновение ухо задевает сопение в мерном дыхании господаря. Сердце пропускает удар, а в голове засекает этот сип, как брошенная деталька, оставшаяся от механизма, что работает, но будто собран не так. Не было того прежде.

Даян устало вздыхает – у него голова пухнет от этого дня. Быть может, он слишком чувствителен и ищет ужасы теперь повсюду; больше лишних звуков не слышится.

Когда Даян обращает взгляд к царю, тот дёргает уголок губ едва, словно не хочет пустить трещину по холодному, гипсовому лицу. От ухмылки становится неприятно – и Даян улыбается ему, совершенно напрасно пытаясь скрыть это.

Он чувствует, как начинают разваливаться стены, что сам воздвиг, дабы впредь не оказываться на своём же месте.

– Всё как указали, царь-батюшка, – сдержанно произносит Велецкий, быстро оправившись от кусачей волшбы. – Чины на местах следят, наследники в камнеградах о делах осведомлены, обещали справляться по обстоятельствам. Будут новые приказы, Государь? – чеканит он заученной частушкой о вещах, Даяну неведомых.

К счастью, он нужен не каждому делу. Всё же не верин с землёй, за которую нужно нести ответственность, и места в Совете у него нет. Бытие подручным князя и чужаком делает жизнь свободной от многих забот. Его редко посвящают в серьёзные дела: иногда Даян задумывается, стоит ли воля того, что отдаётся взамен.

– Проследите за четой Ядвиговых. Мне доложили, что княжич Елисей скоро должен прибыть в Навиград по семейным делам. Глаз с них не спускать. Неведомо, что ныне в голове у него, после стольких лет в месте, ему не положенному. Народ его почитает, а смуту нельзя сеять, – говорит государь и жестом отпускает их.

– Сделаем, царь-батюшка.

Бреслав осанку свою перестаёт держать, стоит за ними закрыться дверям. Даян пропустил миг, когда они ушли. Он чувствует себя случайным ударом по телеграфу, что становится мусором из букв али маревом предсонным, что мысли путает. Даяна ужасает сей бесконечный час.

Ядвиговы – одни из самых верных Царству семей; хранители смерти, богачи, благодетели, уходящие корнями в божеств. Даже допускать, что Елисей может пойти престолу вопреки, несуразно, но господарь говорит о том с суровой ясностью. Княжич даже не мог ничем его разгневать, сидячи один далеко от столицы, и приказ возбуждает без того грузную голову.

Князь трёт ладони друг о друга, задумавшись глубоко. Его взгляд чувствуется кожей: сейчас в паволоке¹² за тошнотворным замешательством ничего невозможно прочитать. Даяна пугает всё вокруг – лай бродячих собак неподалёку, гудки самоходов, приказ господаря. Сегодня ничем не отличается от вчера, и смуте неоткуда взяться – если только она не за пределами его знания. Но навряд ли царь разжился внезапным доверием, чтобы сказать о ней. Тогда что может сотворить Елисей, раз за ним надобна слежка?

Бреслава, кажется, совсем ничего не тревожит, будто приказ не вызывает у князя вопросов. В груди поднимается глухое раздражение.

Даян тормозит на крыльце и разворачивается к нему.

– Есть мысли? – выпаливает он в надежде, что его не оставят в дураках.

Тот ухмыляется, чуть голову склонив вбок; Даян напоминает ему себя в зелёной юности, нервного и угодливого, желающего быстрее распрощаться с родовой бедностью – Велецкий как-то со хмеля признался, в единственный раз, когда они казались приятелями. Даяну не приходится думать о деньгах, но никому не нравится быть шавкой на привязи и расплачиваться за свои предыдущие ошибки. Тем не менее, иначе дела не делаются, а Бреславу определённо нравится иметь должников – он упивается этой человеческой вещностью, как мёдом в тот вечер.

– Конечно, – отвечает он, и губы Даяна растягиваются в острой улыбке.

Он по-детски восторженно хлопает в ладоши, ощутив почти блаженное облегчение. Даян устал думать и гадать, и мысль, что, наконец, не придётся, что изгаляться в попытках заслужить правду нет нужды, становится хорошо.

– Тогда в «Бродячих Симуран»? Стёпа, заводи самоход, – бодро голосит Даян и спускается к мельтешащему у машины водителю.

Тот оглядывается на него и хмурится, приметив, видно, дёрганность, но при князе ничего не спрашивает, держится приличий. Даян знает – Стёпа позже вытрясет из него всё, что дадут узнать. Иногда Даяну хочется назвать его голодным, не телесно, а духовно голодным до страстей, почти зависимым, но все они не без изъяна.

У Стёпы их, на взгляд, меньше, чем у прочих.

Внутри самохода прохладно и пахнет травами: Даяна словно охватила лихорадка. Он давится нервной улыбкой. Хочется просто сбежать, скрыться на время где-нибудь в чащах у Елисея, послушать бродящих вокруг зверей, галдящих птиц и треск огня в печи. Природные звуки самые ладные, пускай и порой резкие; они слышатся древним, безукоризненным чудом, и утешают.

Но пока лишь шум механизмов и хлопающих дверей заглушает усталость, стучащую в голове.

Даян задумчиво крутит в руках бокал. Вино плещется о стенки; сейчас бы пива или настоек, от которых не будет болеть голова ещё больше, но оно напоминает ему о доме. Привкусом глёга¹³, которым поили его украдкой на Йоль¹⁴ блеском бутылок, коими мама часто

¹² Аура.

¹³ Глёг – скандинавский горячий напиток из красного вина с добавлением пряностей.

заменяла подсвечники, кислый запах из-под отцовских усов. Даян едва ли помнит жизнь в Нордгарде, будто она погорела с поместьем, но иногда хочет туда вернуться. Он любит Родославское Царство, он прожил здесь уже почти вдвое дольше, чем на родине, но спрятанное поглубже детство не оставляет разум мутными образами.

Где-то ещё стоят, возможно, руины его дома.

Даян залпом допивает бокал, а потом глупо мешает в желудке вино с мёдом, болтает тот в бутылке так же, гоняя блики по стеклу. Всё, на самом деле, очень похоже друг на друга, как ни погляди, и не будет ему покоя, сбеги он хоть на другой край земли.

На стол ложится газета и говорник из новых моделей, похожий на тонкий кирпичик – интересная штука. Подарили её Даяну, но технологии его отталкивают, пускай там и сеть есть, и разные удобства. Он и без того на виду, чтобы в Паутину лезть ещё. Ему много не надо, а невозможность позвонить с телеграфа скорее радует, чем печалит. От Стёпы в этих делах толку больше. Даян долго разглядывает ловцы, что задорно блестя на подвесе, а потом поднимает глаза на Норского, который с лукавой ухмылкой что-то в нём высматривает.

– Нравится? – спрашивает Даян и берёт говорник в руки.

– Ваше разьебово, – довольно бормочет Стёпа и ладонью зачёсывает назад вихрастые волосы, что вечно падают ему на лицо. – Теперь не так скучно тебя ждать. Паутина затягивает, там столько чуши снимают люди, диву даюсь.

Даян никогда не разбирался в сетях; знает, что на съёмках его постоянно снимают ещё и на камеры говорников, чтобы потом и на этом рекламу делать, но не хватало ему ещё засорять бедовую голову подобным мусором. Стёпа раньше рассказывал, что там говорят о нём, но Даян попросил прекратить – ничего нового о себе он не узнает.

– Зато соответствую своему барину.

Даяна забавит это выражение – у барина такого не водится. Иногда он забывает, что не все считают его чужим и пренебрегают чином. Стёпа знает его давно; с самого начала он не смотрел на него косо, возможно потому, что для него герцог был просто очередной дурной и напыщенный богач, как ни назови. Потом, правда, он мнение поменял, но суть осталась. Господин и господин – важный, как член бумажный.

Даяну бы поучиться у него лёгкости мысли.

– Ты чего хмурый такой, княже? – спрашивает его Стёпа.

Вот оно – мгновение, когда Норский намерен выудить у него чуть больше, чем простому водителю положено знать. Тот даже голос делает чуть равнодушнее, чтобы его вопрос казался обыденным любопытством. Даян улыбается ему, исподлбья глянув.

– Осмелел же ты с Коляды, – тихо бормочет он, и в чертах Норского пляшет веселье. – День тяжёлый.

– А с князем бывают лёгкие?

Даян позволяет себе нервный смешок и цыкает с напускным укором; вот же языкастый, огребёт, коли разойдутся их пути. Но он, вправду, не против со Стёпой делиться; ему бы своих людей давно пора завести. Этого он боится так же, как и всего на свете, кажется – сегодня явно не день любви к внутреннему миру.

Даян мотает головой. Последние годы не бывает с Велецким лёгких дней. Даже после нескольких стаканов коньяка Бреслав не рассказал ничего полезного и никак не успокоил зачинающееся безумие, а только выдал ему поручения на завтрашний день, которые не казались Даяну хоть сколько-то разумными и только сильнее путали. Но у него нет пока своих идей и возможности перечить.

На первой странице «Вестника» сверкает белозубой улыбкой Елисей. В тених чёрно-белого снимка виден грузный образ Аркаса. Если бы у Даяна был такой господин, он бы

¹⁴ Йоль – скандинавский языческий праздник зимнего солнцестояния, в контексте – Новый год.

тоже, вероятно, следовал за ним повсюду. Аркас, появляясь в столице, всегда стремится скорее отсюда уехать, оправдываясь тем, что Ядвигову в лесах скучно одному. На снимке они совсем юные оба – Елисею тогда едва стукнуло двадцать один, а Марьев был сильно худее. Приезд блаженного князя ныне самое громкое событие в столице – или попытка выдать за него. Даян теперь ни в чём не уверен.

Может, Елисей тоже превратился в пустоту, безвещественную и тихую. Это похоже на помешательство, ведь Агния говорила ему совсем иное, но Даян боится ощутить бездну в каждой вещи и в каждом месте. Мир продолжает быть полным звуков. Теперь кажется, что так будет не всегда.

Он допивает мёд и Стёпу за собой манит, оставив без тайн на этот раз – в глазах всё плывёт, и силы покидают его.

Квартира встречает совершенно обычной тишиной, что не изменилась с утра для всех – все слуги очень хорошие и чуткие люди. Даян хочет её нарушить вопреки – ему до сумасшествия и правда недалеко. Но вместо того, чтобы кормить его, хмельной, он идёт в ванную, смывает душем с себя этот день, бросив кафтан на стиральную машинку комком, и потом вручив его Баско с безразличным взглядом.

– Спать, Твоя Светлость?

– Нет, – отмахивается Даян, закулив прямо в гостиной и придерживая тонкий халат вальяжно.

Волосы падают на глаза, взлохмаченные и спутанные. Испуг уступает место дерзкой злости – Даяну после нескольких стаканов-бокалов-кружек хочется показать миру, что с ним нельзя так поступать. Он не виноват ни в одной из неприятностей, что происходят с ним, кроме как в долге, после которого на карты и игорные смотреть тошно. И с тем Даян распрощается однажды, но играть с ним не стоит, наигрался уже, хочется рывкнуть. Стенам, тем страшным дверям, Бреславу и царю в лицо даже, за его показательные «порки».

– Завтра уезжаю утром, часов в семь. Подготовь всё, – бросает он и, отбросив надоевший пояс халата, уходит к себе.

Даян скрывается за дверьми в хозяйской гостиной, куда слуги не ходят без надобности. Он хлопает крышкой фортепиано, и пальцы лихорадочно бегут по клавишам, наигрывают что-то бессвязное, но покоя не хватает просидеть за ним больше пяти минут. Он бьёт по инструменту, и звук рассеивается среди высоких потолков эхом, а в ушах – отвратительным хрустом. Скрутка горчит на губах, пепел падает на белые клавиши, пространство затягивает дымом.

Даян распахивает окна, выходящие на один из протоков реки Мары, и в лицо бьёт сырой ветер. Он занимает квартиру в самом сердце города, на последнем этаже дома: семь больших комнат с кухней, из которых можно услышать все сплетни от господ разного положения, от молодёжи, часто блуждающей туда-сюда по мощёной набережной, рекламу разномастных лавок, болтовню посетителей корчем и трактиров. В мире Даяна много шума, и он редко этому рад, но сегодня оставляет балкон открытым.

– Баско! – кричит он, и через мгновение встревоженное лицо появится в щели двери.

– Принеси мне мёда.

– Мёда нет, герцог.

Даян тяжело вздыхает, потушив самокрутку.

– Принеси то, что есть. Только не водку.

– Тебе рано...

– Принеси, говорю. Досплю в машине, нам со Стёпкой ехать загород. Хотя... – Он задумывается на секунду. – Если он ещё не спит, скажи, что у него выходной, доберусь на извозчике.

В покое не оставляет внезапное беспокойство государя; понаблюдать бы за княжичем без свидетелей. Больше всего, конечно, не хочется тянуть туда себя с утра пораньше, но его никто не спрашивал. Они с Ядвиговым не друзья, но без лишних глаз тот будет свободнее и проще.

– Будет сделано, – кивает кротко слуга и скрывается в комнатах дома.

Даян отхлёбывает вино, развалившись в кресле, и ему становится нездорово весело – жизнь обещает быть увлекательной и полной неожиданностей: отнюдь не радостных. Но он всё равно улыбается, оглядываясь на с виду крепкие и безопасные стены собственного дома, слушая шум-гам пятничного вечера внизу, где молодёжь развлекается и делает глупости.

Даян делает их тоже, поймав на себе задумчивый взгляд Баско с порога, и с размаху сметает прочь с комода все дорожные изваяния и вазы. Те разбиваются вдребезги; опасный задор кипятит кровь и тянет крушить всё вокруг безжалостно, подстать миру, в котором он живёт.

3. Мышка

Одинаковый лес простирается на много вёрст вперёд, точно околдованный. Сколько ни шагай, снова видна сломанная ветка, заросли вереска пестрят клочками, дорожка, столкнувшись с деревом, рассекается на две. Где-то в кронах кричат вороны, тёмными пятнами шмыгая в зазорах между деревьями, шуршит трава – мелкой хтонью или зверьём. Всё повторяется снова и снова – Ладья на деле не проходит и аршина; она неспешно бредёт по тропам, зная, что однажды волшеббе надоест играть.

Нужно лишь немного терпения и принятия бесполезных действий; их у неё в достатке.

Меч тревожит бок приятной тяжестью. Она гладит ладонью красивейшую ручку: камень-пустышка на ней холодный, а металл витиеватыми узорами лижет кожу. Колдовство не принимает жест за угрозу, но – за скуку, и краем уха слышится журчание ручейка. Ладья улыбается, перешагивая его по камешкам, пачкает руки о них, когда почти падает – и продолжает идти.

Желающим найти дорогу к Избе просто не хватает выдержки; значит, они обманываются в своих желаниях.

Ладье больше нечего делать, кроме как шарахаться в безделье, ища новые пути – вся Паутина уже пролистана. Усталый разум не позволяет рукам взяться за карандаш и начирикать хотя бы что-то простое, ни одного замысла не лезет, только разбитый на мелочи абсурд.

Елисей, к счастью, не задаёт вопросов; даже комнату ей выделил, маленькую и забитую всяким хламом, который Ладья тащит откуда придётся. Однажды она окажется в этих землях зимой, и навсегда останется тут, спрятавшись в каморке в его доме. Будет варить чай из сухих листьев, копаясь в запасах брата, гладить суставчатые ноги избушки – с теми, кого знает, та словно зверушка ручная. Делать снежных соек на снегу и читать записки предков, переведённые Елисеем на новоязык от безделья.

Поразительно, как много свободного времени у людей, стоящих в порядке званий первыми после царской семьи. Ладье порой становится стыдно, но то бестолковая трата сил; её всё равно не пустят заниматься ничем серьёзным. Так уж повелось в их семье – чтобы быть вольным, ты должен либо сбежать, либо умереть разок. Второе на неё точно не сработает.

Показать путь к своей хижине было, наверное, лучшим, что Елисей мог сделать. И притвориться, что не имеет никакого понятия, куда Ладья так часто уходит, когда мать пишет ему тревожные сообщения и переживает за её честь. Никому, кого Ладья встречает по пути, честь неинтересна, на самом деле: ни лесной хтони, ни зверям, ни Аркасу, которому не интересно вообще ничего, кроме побрякушек и брата. Он учил её орудовать мечом, хотя сам всегда бахвалился пистолетами, и делал вид, что от княжны в ней ничего нет. А в Ладье, наверное, и нет, грязной, с взлохмаченной головой и колтунами в хвосте, в мужской рубахе и шароварах, найденных на чердаке. Увидь отец её вид, не избежала бы упрёков.

Только ленты в волосы Ладья вплетает вопреки. Есть в них что-то разом простое и показательное. Она всё ещё княжна, чем бы ни занималась в бесконечном безделье. Их концы развеваются по ветру, свободные и притом туго вплетённые в хвосты и резинки. Она – лента.

От мысли смешно.

Впереди трудные времена, но Ладья пока не бежит поперёк судьбы, хоть терпение медленно, но верно сходит на нет. Она долго ищет и ждёт, но сможет ещё.

Под ногами трещит хворост. Ладья который час стаптывает кроссовки; те уже превращаются в измаранное, серое нечто. Одним движением пальцев вокруг неё дрожат листья, вода ручейков отходит от берегов, а усталая трава пытается достигнуть крон слабыми и натужными движениями.

Блаженная – очень странное слово.

Она не чувствует себя отличной от остальных: на её руках разные камни в причудливых огранках проводят магию через себя. Но Аркас никогда не сделает огромной молнии из ничего – только маленький цепкий ток, которым он журил её в детстве. Соня сможет поймать в сети щита лишь невесомый листок.

Ладье же стоит немного напрячься, и без побрякушек трава сделает те же десять шагов к кронам. Просто не хочется платить за это усилием: она в лесу, и в любой момент придётся бежать. В выборе, наверное, и есть вся её блаженность.

Так или иначе, для лиха блаженная княжна на вкус совершенно такая же, как и прячущиеся за кустами поодаль пареньки, а буквы и печати на царских бумагах совсем не специи.

Ладья испуганно отшатывается и притихает за широкими еловыми ветвями. Сгорбленная фигура неподалёку полуслепо и настороженно бродит, то ли вынюхивая чего, то ли просто блуждая. Ладья хмурится – нечисть в таких местах не водится, силы Агнии и Елисея фонят здесь, отпугивая и путая всех пришедших. Хранителя Навых разломов сторонятся все – и разумные, и нет. Даже статейщики перестали шарахаться к нему, осознав, что нет никакого смысла искать к избушке дорогу. Только заблудятся: их, в лучшем случае, выплюнет в место, откуда они пришли, а в худшем – на какую-нибудь мелкую просеку, откуда дорогу днём с огнём не сыскать.

Но одноглазое ходит тут вполне осознанно, от магии даже не корчится, хоть и выглядит порядком растерянным. Ладья едва дышит, глядя на него из-за широкого ствола. Непорядок чувствуется даже помутнённым от страха и тёмных слов рассудком. Как Елисей это допустил?

Куда страшнее мысль, что он не смог противостоять – нехорошо.

Парни, укрывшиеся за редкими ветвями, кажется, пытаются поругаться шёпотом, но выходит плохо; лихо дёргает головой в их сторону, и Аркас, который узнается в тёмной фигуре, оглядывается с ужасом. Ладья вжимается в ствол, и, напрягши руку с медленно греющимися кольцами, направляет весь свой разум в ветви и листья дохлого кустика. Она молится всем богам, чтобы нечисть не почуяла её магию, но всем известно, что молитвы – это сказка для детей, чтобы те верили в чудо. Боги их не слышат, считая свой долг выполненным, но волшебба любезна к своим создателям.

Ладья чувствует, как сила приливает к рукам неспешным, колючим потоком – ветви поднимаются выше.

Она опускает ладонь, решив не испытывать судьбу. Они не могут прятаться здесь вечно. До избушки нечего идти, но когда рядом лихо – путь становится тысячами вёрст. Нужно его туда пригнать, к ловушкам, что у поля стоят, потому что даже втроём перед лихом сложно выстоять. Ладья приседает, заметив рядом большой камень – она тянет руку вниз, и воздух лишь едва помогает ей. Ветер никогда не был её сильной стихией, как и вода – то удел Елисея, играть с речками и штормами. Они с Аркасом – буйная смесь; родители всегда ругались, когда после их пьянок видели тот кошмар, что их силы делают вместе. А слуги тяжело вздыхали, убирая золу с ковров от сожжённых Марьевым вещей.

Если им всем удастся сейчас сбежать, то вечером она будет слушать их глупую болтовню за дверью каморки. Или, может, сядет с ними за стол – жизнь иногда очень хочется праздновать.

Ладья считает до трёх, прикрыв глаза, а потом кидает булыжник от себя подальше. Парень, что сидит с Аркасом, оказывается не промах, и тут же повторяет её действие – лихо растерянно оглядывается, нескладно дёргаясь. Ладья срывается с места. Ветки и иголки хлещут по лицу, кроссовки путаются в траве, но она мчится подальше от чудовища, огибает его полукругом, чтобы не потерять из виду парней. Она чувствует, как тяжёлый быстрый шаг монстра сотрясает землю, и старается не терять скорости. Среди густых деревьев ничего не видно, но кажется, что они где-то впереди. Колдовство с ветром бушуют вокруг, сжимают лёгкие и сердце до истерического восторга.

Гром среди ясного неба сбивает с ног отвратительным грохотом, меняя восторг на страдание. Ладья падает, уши запоздало зажав. Долго же Аркас ждал; гнев стучит в голове в такт звону. Ему же ничего не стоило сделать это раньше. Лес перед глазами плывёт, ноги подрагивают – гудение в груди не утихает. Ладья не может больше спешить, и пространство неподвластно ей, чтобы ощутить присутствие; она запинаясь о корни и коряги, пока переставляет ноги. Ослабевшая, Ладья пытается оправиться, но с муками чужой магии настигает жалость.

Она трясёт головой, пытаясь привести себя в чувство, щурит глаза, собирает взглядом мелочи вокруг – ни одной птицы нет в округе; все удирают со страху подальше. Ладья же идёт навстречу ужасу. Когда лихо показывается среди деревьев, парни уже где-то далеко впереди. Оно тащится вяло, теперь всё же отторгаемое волшбой и защитным куполом, и уже не представляет угрозы.

Ладья выдыхает, привалившись к дереву поодаль, и тут же сжимается от чудовищного вопля. Капкан захлопывается на его ноге. Лихо страждуще дёргается. Каждая клетка тела сжимается; она чувствует себя крохотной рядом с двухметровым монстром. Маленькой дикой мышкой. Из неё самой от усилия рвётся крик – она рычит почти зверино.

Мышки, наверное, иногда тоже хотят зарычать.

Ладья вытряхивает карманов спички – сил создать огонь самой не хватит. Нервы, мышцы и колдовские потоки натужно дрожат, когда она двигает огонь к чудовищу в попытках не сжечь лес. Кровь тёплой струйкой скользит по губам. Было бы неплохо, если бы ей кто-то помог, но Елисей отчего-то сегодня решает, что она справится. И она должна – чтобы потом припомнить ему это, хотя его уверенность чуточку льстит.

Ладья устало валится наземь. Над головой от жара рябит небо; покусанная кронами и ветвями белизна далёкая и просторная. Она слышит робкие неровные шаги и отползает в кустарник, не имея желания никому показываться. Сквозь стук сердца в ушах слышен сиплый слабый голос, кличущий её.

– Ты здесь? Княжна Ладья... С тобой всё хорошо? – спрашивает незнакомец, пришедший с Марьевым.

Он здесь один. Елисей утешил его тем, что всё в порядке – вряд ли брат оставил бы её на съедение чудищу. Но парень зачем-то всё равно приходит. Ладья не выползает из кустов, однако слушает лёгкую поступь – беспокойство приятно. Любопытно, изменился бы взволнованный тон, если бы незнакомец её увидел – грязную и потную, извалянную в земле, или отец заблуждается, думая, что без нарядных одежд она будет неприглядна. Но бессилие упрямо и велико.

Он, всё равно заметив её, бормочет тихую благодарность и вскоре уходит. Ладья дёргает уголком губ – хоть кто-то.

Улёгшись, она глядит на неровный лоскут, что вскоре превращается в мутное пятно. Ворон, расправив могучие крылья, мошкой проскальзывает в высоту.

– *инъ*, – произносит Ладья, едва улыбнувшись.

Буквы на рёбрах неприятно режут кожу, отдаваясь в голове болезненным эхом, а взгляд заливают чернота. Она хрипло дышит, кашляет от привкуса дыма, а потом делает первый взмах. Один, другой, и ухнувший вниз от растерянности ворон снова набирает высоту. Ладья смотрит на мир его глазами – птицам доступно намного больше. Она летит с ним над лесом, мимо полян и далёких рек, оставшись телом на сухой траве у пепелища, что осталось от лиха. Воздух ему – вода. Он свободен и будто бы невесом, клюв режет ветер, а сильные крылья подхватывают, когда Ладья заставляет его свободно падать. Они с вороном летят далеко – и чем дальше, тем глубже дамок прорастает в её безвольное тело.

Она чувствует себя и не чувствует сразу; Ладья знает, что всё болит, и волшба щиплет внутренности жадной теменью. Она знает, что язык горчит дымом. А ещё она знает, что ворон кружит без усилия над далёкой рощей. Она есть, и притом её нет нигде. Её много. Она – речка

за пригорком, она – чужой неспешный шаг, она – скорлупка от недавно вылупившегося птенца. Она – лес, большой и бескрайний, блёкло-зелёный и живой. Она – лес, маленький и болезный, серый и золистый, как останки лиха.

Ворон внезапно начинает падать, крыльями упустив ветряные потоки. Будто его лишили жизни, просто оставили чучелом лететь куда-то во мрак. Ладья из последних сил уводит его оттуда, жмурясь от тяжести, внезапно сменившей лёгкость свободы.

– *свои*, – рвано хрипит она и, вздрогнув от ломаного вдоха, садится на земле.

Лес – где-то очень далеко отсюда – серый и золистый. Мёртвый. Ужас грызёт глотку и сбивает дыхание; капля зелья, что Ладья вылила на язык, кислит. Так не бывает – это не пожар, от которого остаются только голые стволы и сажа. Такой, как другие, но будто бездушный, подделка, полый по своей сути. Проедь – не заметишь за зеленью. Елисей, даже будучи в сердце природы, не заметил. И чем он грозит, если сделал немощным гордую птицу, Ладья не хочет даже представлять. А ведь она всего лишь мышка.

Только дамрак задором клокочет в сознании: так ли она далека от своих дурных желаний?

Ладья поднимается с земли и собирает вещи. У Избушки пусто и тихо; дом чуть поодаль горит тёплым светом и играет тенями гостей в окнах.

Узкое окошко выплёвывает Ладью в маленькую комнату в полуподвале. В нос бьёт запах дерева и смолы, исходящий от обставы. Утвари здесь немного – совсем крохотный столик со стулом в углу, несколько книжных полок, заваленных травами и всякими диковинами, кровать со свежим постельным бельём и вязаным покрывалом.

Ладья снимает сапоги на коврике под окном и тут же хватается за листы, лежащие на одной из полок, и за карандаши, грубо точёные ножом. Она начинает калякать на бумаге будто в припадке, не глядя, пока образы не покинули память. Рваными движениями на нём появляются чёрные деревья, трава, черти. Последних с высоты она не видела, но почему-то уверена, что они там были. И падающую ворону почти неразличимым пятном Ладья рисует тоже над треугольными макушками деревьев, но надеется, что Елисей как-нибудь разберёт – хотя бы будет предупреждён.

Закончив, она тяжело вздыхает и, поникнув, падает на кровать. Расслабление пробивает окоченевшие мышцы. Ладья слушает гомон из-за двери: чуть хмельной смех Аркаса и Елисея, робкий голос. Негромко играет музофон – ловит какие-то старые иноземные мелодии; что-то, кажется, из афродийского.

Ладья глубоко дышит и трёт глаза – под чужие разговоры хорошо дремлет. Дома всегда неприятно тихо, но ей нужно возвращаться и успеть хотя бы ко сну, иначе отец будет долго причитать о её своевольности. Им не понять, как много в природцах стремления к свободе: родители их такой силой не наделены.

Ладье крайне повезло, что служанка – уступчивая ведунья, которая соглашается потворствовать безумствам. За обман князей такой, как она, полагается каторга, но Порушка любит её настолько, что всё готова снести. Ладья хотела бы любить кого-то столь самоотверженно, но в том очень много глупости. Она не может себе позволить – её личико и так вызывает у окружающих мысли о глубокой наивности и юном уме.

Таково её предназначение – протягивать руки для поцелуев, кружиться в танцах с князьями и быть рекламой семьи. Хотя Елисей бы справился с этим куда лучше – одна его белозубая обаятельная улыбка чего стоит. Он очаровывает сударынь только ей, не говоря уже о кудрях светлых и приятном голосе. Ладья не злится на него за то, что после несчастья Агнии он занял наследное место; Ладье всё равно не досталось бы. Разве что несправедливо как-то выходит – может, если бы всё сложилось иначе, она бы была свободнее. Семья ничего бы от

неё не требовала. Но думать об этом – только душу себе травить, которая и так уже отравлена чернилами на груди.

Настасья говорила, что по поверьям дамак отдаёт демонам и навьям части души и разума раз за разом. Ладья смеялась. Возможно, тогда её бездельничающей семье было бы, чем заняться. От их образа сейчас осталась лишь спесь и множество былин, сказок и выдумок, а титул их почтенный скорее из-за заслуг предков. Она злится на Елисея не потому, что он получил его, а потому, что брат поступил так, как она всегда мечтала. Сбежал от всех в леса и стал там жить в спокойствии и беззаботности, довольствуясь лишь компанией Марьева, который, как цепной пёс, продолжает шарахаться к нему как к себе домой. Елисей ушёл от всех, избежав сокрушённых вздохов и разочарованных взглядов.

Ладья же теперь их получает за двоих.

Она садится и вытягивает спину, за руки себя наверх – как мама в детстве учила, к «солнцу» – как бы оно ни выглядело и зачем бы к нему ни нужно было тянуться. Мама сделала ей костяное солнце – смешное и кривое с ветвистыми как деревья лучами, чтобы она всегда могла видеть, куда расти – и никогда не забывать о последствиях своих ошибок.

Ладья лениво поднимается и пропихивает бумажку, сложенную вдвое, под дверь – вскоре она слышит шаркающие шаги. Уголок листа исчезает в щели, откуда через мгновение слышится запах свежих сырных лепёшек. Слюнки текут от елисеевской стряпни. Она прислушивается к удаляющимся звукам и стихающим разговорам, и быстро приоткрывает дверь, чтобы забрать тарелку.

Ей ещё брести обратно в надежде никого не встретить по пути; ужин уже пропущен. Лихо – одиночки, у них нет стай, но нельзя быть уверенной в том, что ныне здесь не бродит ещё какое-нибудь чудище. На полках стоит семейный многотомник про существ дивных. Ладья тянется масляными пальцами к одному из них. На жёлтой бумаге расцветают рисунки – мавок, аук, водяных. Они выглядят страшно и привлекательно, по-особенному волшебю. Смотреть на картинки Ладье нравится куда больше, чем встречать таких наяву.

Она лежит недолго, бездумно листая книгу, слушает возобновившиеся разговоры за стеной. Кого-то, кто редко и тихо болтает с южным говорком, зовут Велизар, но она не слышит ответа на свой молчаливый вопрос, откуда он вообще здесь взялся. У брата нет друзей – только семья и Аркас.

Становится любопытно; Ладья, лениво поднявшись с постели, проворачивает ручку двери и выглядывает в щель. Он сидит за столом, ссутулившись, и нервно крутит в руке бесцветный камень. На груди не блестит монеты, но навряд ли он работает с Аркасом – тот редко подпускает других к делам. Вид у Велизара измотанный и болезненный – он худой, скулы выступают над щеками, будто не ел несколько дней. На плечах висит расшита рубашка брата, а глаза бегают боязливо. Он вызывает множество вопросов, но взгляд привлекают волосы, длинные, светлые, удивительного кремового цвета, что рассыпаются, чуть влажные, по плечам.

Его вид не отвечает ни на одну загадку и только разжигает любопытство. Тёмный взгляд, будто сотканный из мрака, скользит по щели. Ладья прикрывает дверь в испуге быть замеченной, но, улёгшись на постель, не может выкинуть его из головы.

Он, наверняка, беден; всех званных она знает по именам. Среди них Велизаров нет. Он говорит с Елисеем как с господином, аккуратно и опасливо, говор простонародный изредка проскальзывает в речах. Глаза его чёрные, но, отнюдь, не дамаковы, а сердце мягкое, раз пошёл искать. Велизар в её собственном оседает нерешённой задачкой «с чёрточкой», неожиданно сложной для столь простого человека.

Ладья блуждающими сонными мыслями хочет встретиться с ним ещё.

Она выдёргивает себя из дрёмы, убаюканная болтовнёй и нежеланием идти до поместья через тёмный вечерний лес. Но всё-таки придется; родители зайдут неловко потоптаться у дверей её комнат перед сном, чтобы спрашивать о пустом. Обычно младших детей любят больше,

но никто не знает, что делать со своевольной Ладей. Рада хотела красавицу-дочку без долгов перед фамилией, обычную девочку, на неё похожую, пусть и не ей рождённую, в ораве обозлённых наследников Избы. Она успела поиграть с Ладьей всего несколько лет прежде, чем долги появились. А желание их исполнять только поубавилось, и дочка-игрушка стала пропадать, будто украденная тоскующим домовым.

Хотя они догадываются, что дома её не сыскать даже ему.

– Что это? – раздаётся резкий шёпот из двери.

Ладья оглядывается и улыбается брату подсохшими губами, а потом возвращает томик энциклопедии на полку и вручает ему тарелку.

– Забрела случайно сегодня, – уверенно врёт она. – Ближе к северу, к столице, есть целый кусок такого леса. Я не знаю, что это, но, подумала, ты захочешь посмотреть.

Елисей шурится с сомнением и долго задумчиво молчит, но в конце концов принимает её правду и на сей раз.

– Дякую за ужин. Когда отбываете?

– Завтра ближе к полудню. Тётка не отстанет, пока не приеду. – Брат усмехается.

– Давно пора, Лис.

Елисей смотрит на неё, и искорка веселья ускользает из его взгляда.

– Знаю. Просто не хочу внимания. Все будут гадать, сошёл ли я с ума и обратился ли в какую-нибудь тьму зубастую.

– Понимаю, но имей совесть. – улыбается Ладья озорно и легонько бьёт его по плечу.

Из прихожей раздаются громкие возгласы и недовольный бубнёж Велизара: Ладья, схватив сумку и ножны с мечом, дёргается к окну.

– Увидимся в Навиграде, – бросает она громким шёпотом, но замирает у рамы. – Положи его сюда.

Она ревностно относится к своей каморке, но позволяет, за толику заботы. Его сутулая спина наверняка болит, и пробежка от чудища через лес заставит только сильнее, а отсюда до города долго ехать. Ладья всё равно здесь не будет, жадность ни к чему – отец вобрал её всю. Не хочется ему уподобляться. Подмигнув изумлённому Елисею, она выскальзывает на ночной холод.

Дорога в столицу предстоит не только Елисею, но и всей семье. И всё равно Ладья приедет раньше, ведь склеенная на соплях громадина Аркаса медленнее новых самоходов, что есть у них – это даёт фору. Ей ещё предстоят дела.

Зарев уступает место осени, она несёт с собой холода и печаль, очерствляющую мысли неволю в стенах дворца. Матушка беспокоится, что Ладья часто уходит гулять в прохладные дни. Надевает портки и рубахи, закидывает на плечо небольшой меч и бродит в чащах, ищет озерца и ключи, теряется в скошенной траве, упражняется, освобождает страждующую голову от всего лишнего, чтобы не сойти с ума раньше, чем она уйдёт из родного дома прямо кому-нибудь в руки.

Нужно перетерпеть ещё год, пока она не отметит двадцать первый и не вступит в полнолетие, чтобы разрешение отца не было нужно.

Но если не повезёт, то лучше эти руки будут принадлежать хотя бы герцогу Росокору, который кажется вполне понятным. Разве что несколько высокомерным, но честным; он не скрывает своё пьянство. Им, наверное, было бы удобно пожениться, но отец не даст добра. Нету никакого толка для него в браке с иноземцем, ещё и ниже по чину – даже ниже отцовского. Но Даян себе на уме, и, кажется, кроме внимания царя и мелких развлечений ничего в жизни не ищет. Они часто видятся по воле Агнии, которая водит его спутником по балам, пляскам и праздникам. Всем одинаково скучно – и одинаково холодно. Каждый не на своём месте – один Елисей, кажется, сорвал куш. Поэтому от мысли, что брату нужно хотя бы на недельку оказаться в Навиграде, на губах пляшет злорадная улыбка.

Ладья бродит по тропкам долго, заплутав в темноте непроглядной, от которой не спасает даже фонарь, позволяет мелким ветрам хватать её слова, срывающиеся с губ речами без адресата. Из всех её союзников лишь волшба колет пальцы и грудь, рукоятка меча греет ладонь, обещая вред каждому на пути, а Порушка греет чай после дороги, хлопоча вокруг извечными завываниями о здоровье. Пожалуй, три союзника – это уже довольно много, таких могущественных – особенно служанка. Она за неё все силы мира подымет, и если её причитания – это цена, то Ладья согласна.

Но пока ей нужно лишь время – найти пути любого толка и больше никогда не быть куколкой.

Накинув капюшон и губы разукрасив чёрной помадой, чтобы отвлечь внимание прохожих от общей картинке, Ладья идёт по небольшому деревянному городишке неподалёку от усадьбы. Покрытие, старое и неровное, идёт только по основной улице и её притокам. Никто никуда не торопится, потому что торопиться по таким дорогам себе дороже. Избушки ютятся рядом с панельными домами с клеёнкой под камень на стенах. Ладья усмехается; руды – ценный ресурс, но все хотят почувствовать себя чуть ближе к богатству.

Каждый ребёнок знает – камень есть колдовство; с ним, как и с волшбой, надо быть бережным. Они не расходуются по пустякам. А потом каждый ребёнок узнаёт, что камнеграды – это совсем другое. Потому туда так стремятся: из зависти ли, из желания. Впрочем, ещё позже узнаётся и то, что деревянные дома – это условность. Дерево там только снаружи – в стенах же прячутся такие же каменные плиты, иначе при первом же коротком замыкании сгорят всей страной. Они – головоломка, особенно для тех, кто рос в каменных городах. Ладья может отличить один дом от другого в Навиграде, по цвету, по резьбе, но снова теряется среди деревянных, будто они одинаковые и слишком разные при этом.

– *стезя Мормагон*, – шепчет она, и сердце начинает биться чаще.

Развернувшись, Ладья идёт обратно до тех пор, пока оно не перестаёт шалить, и поворачивает в один из узких переулков. На резном домишке неподалёку через букву светится вывеска пивной. Тёмная макушка выглядывает из двери; Мор оглядывается по сторонам. Сердце постепенно замедляется и приходит к обычному ритму.

– *сэ*, – чуть поджав гортань, выдыхает Ладья.

Она юркает в дверь, что тут же закрывается за ней.

– Снова в тёмную лезешь, а, Тура? – мягко упрекает её Мормагон, ступая вразвалочку по некрепким доскам.

Он всегда чувствует волшбу любого толка – на то он и бог. Молодой совсем, странный, можно сказать, бессмысленный, но ошибиться с его происхождением невозможно. Похожих способностей нет у людей; один его вид вызывает глубокое благоговение, ничем однако не отличающийся от человеческого. Паволока у Мора особая, заставляет поджилки трястись, внимать словам и преклоняться. Ладья привыкла со временем, но волнение и восхищённый трепет до сих пор пробирают при встрече.

Богов после Первой войны не видел никто, до сих пор где-то спящих али прячущихся, пока Мор не ступил на землю. Он говорит, что такой не один, но в мире пока не было замечено никого подобного. Только слухи и болтовня, привезённая Аркасом из Пиратской гавани¹⁵, вещает о новом местном владыке, что держит всех в страхе, но подражатель то или иная сущность, неизвестно даже божеству. Но верить пьяному бреду ушкуйников, как идти на поводу у психбольных, утверждающих, что жар-птица с ними в одной комнате.

¹⁵ Пиратская гавань – независимая область Империи Хаос, построенная на воде.

Наверное, верить человекоподобной хтони, зовущей себя божеством, тоже не признак ума, но сложно спорить с тяжестью прожитых лет, тенями залёгших в чертах и ему даже не принадлежащих. Мормагон говорит о Первой войне с уверенностью солнечного бога Хорса, и рассказывает безупречные истории, сложенные из сотен сказов и семейных былин, будто он был везде и всюду.

Людям неподвластны только время и свет – Мормагон с плёночных снимков ни на год не постарел.

Елисей сначала сомневался в байке о «тени» солнца, воплощённой в отдельное существо со странным южным именем, но, разобрав запылившееся приданое, оставшееся от бабушки, нашёл их, возрастом с полвека, и долго рассуждал о том, как такое возможно. Позже Агния через свои стези обнаружила архивы записей царя Беломира, к которому Мор пришёл на поклон. Юный государь не сомневался в его божественности ни на миг, будучи наместником создателей на земле.

На вопрос, почему Мор, будучи осколком Хорса, не ушёл к богам, тот предпочитает не отвечать. На тот, почему остался среди людей и прикидывается ими – тоже.

Ладья откидывает прядки чёлки, съехавшие на лоб. Она не отвечает на его вопрос, будто дразнится, лишь губы совестливо поджав:

– Загубишь себя, – сокрушённо отвечает Мор и проходит глубже в пивную, гремя сапогами. – Зачем пришла?

Ладья знает, что брат попросил приглядывать за ней, так, словно ничто меньше божества не может сдерживать её буйный нрав. Мор и не скрывает просьбу; ему чужды стыд и неловкость. Но они хорошо ладили, так что Ладья даже не злится на недоверие; с друзьями у неё туго, а Мор будто не против того, что она называет их этим глупым человеческим словом.

Она копается в карманах плаща и вытаскивает из внутреннего кармана рисунок, как тот, что она вчера отдала Елисею, и протягивает ему. Мор промаргивается, явно уставший от пятничных гуляний, и всматривается в каракули.

– Это лес дальше на северо-запад. Всё чёрное, будто в золе. Знаешь, что творится?

Мормагон хмурится, и это непривычно смотрится в его обычно равнодушных чертах. Он чешет щёку и, облокотившись на стойку, спрашивает:

– Вороном летала?

– Не надо, – отрезает она.

Не могучему богу хвори судить её за жажду силы, будь он хоть тысячу раз частью самого Хорса. Пускай отказывается помогать искать пути дамраковы, но не корит. Ладья давно уже знает, что ей никто не станет потворствовать в том, чтобы выменять родную волшбу на темноту запретной: на пути лишь бы не стояли. Ей уже немало лет, и то её личное дело.

Но сейчас этим укором Мор лишь пытается скрыть незнание, что случилось в лесах, словно его самого пугает жалкая неосведомлённость.

– Не имею представления, – прикусив синеватую губу, отвечает он.

Ладья поникает, едва сдержав жалобный скулёж. Ей бы хоть немного везения, пока неясная тьма, лишаящая сил даже свободнейших из созданий, не обернулась кошмаром.

Мор учил её принимать перемены со стойкостью и терпением; понимать брата, относиться без лишней жалости к сестре, прощать родителям недалёкость, но сначала – вычеркнуть жалость к себе. Учил, что единственное постоянное, что у всех, даже у самих богов, на самом деле есть – это перемены, и больше ничего. И теперь перечил сам себе.

Она никогда не видела его столь нервным за годы дружбы: напряжённым, встревоженным и растерянным. Мормагон, бог хвори, вопреки своей сути, всегда расслаблен и спокоен. Ладья в шутку звала его богом хмеля – будто пьяные глубокие разговоры на кухнях и выстенках его рук дело. За столько лет среди людей Мор будто примерил на себя людскую кожу.

Мормагон оказался в её жизни тогда, когда Елисей только уехал в Избу, и помог ей перестать так сильно переживать и оглядываться. Он сделал многое для того, чтобы Ладья осознала происходящее должным.

А теперь сам, будто юнец, дёргано стучит ботинком по полу и, тяжело вздохнув, мусолит мятую бумагу.

– Я отвезу тебя до леса, а там провожу к своим. Не суйся пока в чащи, – строго приказывает он.

Ладья усмехается.

– Перемены – это единственное существующее постоянство, Мор, – нервно напоминает она его же слова.

Тот поворачивается к ней и застывает на мгновение. Лицо его искажает страдание. Он сдавливает кисть руки пальцами, будто хочет коснуться в поисках опоры, и тяжело вздыхает. Ладья поджимает губы – сердце терзает чужое одиночество и вынужденная неприкосновенность.

И Елисей, и она однажды испытали на себе его волшбу, сбивающую с толку; повторения не ищут.

– Не такие, Тура, – говорит он тоном, не требующим пререканий.

Ладья кивает, потупив взгляд. Предчувствие относительно золистого леса не подвело; даже боги не совсем понимают, что это такое и откуда идёт. А значит, Ладья ещё в своём уме – эта временная константа ей нравится.

Самоход трясёт на каждой кочке; то не меняется из года в год, когда они едут в город из летней усадьбы. Только становится хуже; но порча – тоже перемена, так что Мор, наверное, прав. Ладья, иногда дёргая шеей от обилия украшений, устало смотрит на дорогу весь путь.

Родители обсуждают скорые званые вечера, с привычной лёгкостью возвращаясь к обычной жизни. Их ничего не заботит, и это вызывает снисходительную улыбку. В их наивности есть что-то, чего и Ладье бы хотелось; беспечная радость людей, необременённых душевными терзаниями и трудностями значительно более бытовых.

Они, будучи обычными колдунами, служат царю и своему дому – просто и незатейливо. Её показная любезность тоже не великий труд, но беспокойство не оставляет, как магнитом цепляясь ко всем прочим волнениям.

Нарастающее напряжение в груди даёт понять, что город близко. На неё накатывает слабость, пока родители, наоборот, расправляют плечи и приободряются после долгой дороги. К Навиграду снова придётся привыкать какое-то время; каменные чащи, пускай и красивые, и полны жизни человеческой, душат.

Сады здесь почти такие же пустые, как тот чёрный лес. Елисея город совсем ломает – кроме грязной воды реки и такого же затхлого воздуха ему не на что надеяться.

Весь город, стоит им проехать тихие окраины, гудит разговорами, рекламой и скоморохами. Галдят чайки и торговцы у лавочек, уличные музыканты перебирают струны гитар и балалаек. На улицах много людей в самых разных одеждах – приезд Елисея будто праздник. В этом, несмотря на всю усталость, Ладье видится столько воли, что хочется выйти и пройтись по главной стогне, собирая вежливые улыбки и поклоны. Хоть ей и неудобно в саяне, а тугая коса, натянутая на макушке, пытается избавить её от мелких морщинок.

Дворец уже маячит на горизонте красивыми резными крышами, арками, расписанный всякими чудесными существами и растениями. Он кажется пёстрым пятном среди белого неба. Но прежде, чем войти туда, Ладья встаёт на набережной канала напротив ворот. Река волнуется мелкой рябью. С проспекта доносится хрустящий повсеместный шум, и желание затеряться в

улочках уходит – далеко остаются музыканты, рекламы и торговцы. Её отчаянно тянет обратно в леса.

К ней, проводив родителей в дом, подходит старший слуга.

– Привет, Людмил.

Она слабо улыбается ему.

– День добрый, барыня. Каждый раз удивляюсь, как тебе идёт усадьба. Возвращаешься всегда краше прежнего, румяная, глаза блестят, – сорит он лестью.

Это глупо звучит, но Ладья всегда любезно кивает на его слова. Конечно, ей хорошо в лесах – она природница, иначе просто не может быть. Только у Агнии; та уже машет ей с крыльца.

– Позволь проводить, – говорит слуга и протягивает ей локоть.

– Проводи, – устало соглашается Ладья и идёт за ним следом, оставив набережную.

Остановившись у изгороди, она поддевает пальцем заचाхший вьюнок и, направив силу в пальцы, заставляет его встрепенуться. Жаль, чтобы вдохнуть в себя жизнь, нужно гораздо больше

.

4. Земля

Велизар сжимается на земле, вцепившись руками в голову, и прощается с мамой, извиняется перед ней горячо в мыслях за то, что не остался дома. Он не слышит ни слов княжича, ни шума леса – только загрохотавший стук сердца и стучащие от страха зубы.

С громким ударом по крыше, что, кажется, цепляет каждое существо в огромном лесу, раздаётся громогласное «гой еси!»¹⁶. Велизар закрывает глаза, готовый принять смерть – может, ему повезёт стать упырьем и сожрать Ядвига.

А потом он хмурится, смутившись. Какое «гой еси»?

Слух вдруг режет задорный гогот. Велизар, совсем растерянный, дёргает головой и замечает, как, ласково похлопав избушку по крыше, княжич Елисей складывается пополам от смеха. Он сверкает улыбкой настолько белой, что её видно с земли. Лыбу давит и Аркас, смело поднявшись и отряхнув штаны от грязи. Избушка присаживается на корточки и заботливо нагибается вбок, чтобы ягерь спрыгнул с неё, а потом издаёт звук, подобный мурлыканью и кукареканью сразу. Велизар, силами оставленный, продолжает сидеть на земле.

– Ма-арьев, – тянет Елисей, когда подходит к ним, и обнимает Аркаса крепко.

Он поджимает губы, наблюдая за Аркасом и княжичем исподлобья. Замест растерянности в груди поднимается жаркий гнев. Один – ягерь, другой носит фамилию в честь Марьи Моревны, богини смерти, и оба бессовестные черти – красота. Елисей размашисто хлопает Аркаса по плечам и прячет нос в его шее, будто не видел так давно, что успел забыть его запах. Поглядев на дьяка ещё с минуту, княжич подходит к Велизару и протягивает ему руку.

– Ты прости меня, сударь. Мне скучно здесь, хоть глотку дери. А тут Киса позвонил, сказал, что подобрал кого-то, предложил поугостить чуть-чуть. Я перестарался, да? – чуть виновато улыбается он, пока Велизар, схватившись за его ладонь, встаёт на ноги.

– Да я с матерью попрощался уже, – бросает Вел сердито, смахивая с одежды остатки травы, а потом дёргает бровью. – Киса?

– Только попробуй меня так назвать, – гаркает Аркас. – Это только он может, – он кивает на Елисея и неохотно добавляет: – И княжна Лада.

– Ну Аркас. Кас. Или Киса – всё одно, – княжич пожимает плечами. – Прости ещё раз. Чего только не наберёшься от здешней нечисти. Будем знакомы, блаженный княжич Елисей Ядвиг, хранитель Избы.

Только вот ягерем он не выглядит. Велизар в Паутине редко сидел за неимением устройств; обычно, когда в игровую приходил или у друзей цеплял по мелочи. За пару часов всё не помотришь, но ягери достаточно известны, чтобы их снимки появлялись везде и всюду. Хранителей смерти сразу признаёшь: они бледные, немного похожи на трупов, но белый глаз сильнее всего бросается в глаза. Сих черт в розовощёком, упитанном Елисее не видится.

Велизар не лезет разбираться. Жар пышет в крови до сих пор от страха, и любая мысль обращается головной болью.

– Знаю. Велизар Косов, закров.

– Ого, меня ещё помнят! – прыскает Елисей.

На секунду воцаряется тишина. Елисей смотрит на него с хищным прищуром, словно чего-то ждёт. Велизар кланяться не хочет; ничего, кроме злобы и неприязни, он к нему не испытывает. Так нельзя поступать – заставлять людей верить в скорую смерть ради собственного веселья. Но, скривившись, Вел всё-таки заставляет спину согнуться едва. Ни к чему разборки из-за приличий.

¹⁶ «Будь жив!» – приветствие (старорусск.)

Больше, чем чужую гордыню, он не любит спорить; и совсем не умеет этого делать. Наступить себе на шею оказывается куда проще. Елисей усмехается довольно и говорит:

– Ты из терпеливых. Далеко пойдёшь, но это всё ни к чему. Я ближе к болотной хтони, чем к дворцам и царским хоромам, как ты можешь заметить. Не то чтобы «я не такой, как все», но как будто здесь не место, сам посмотри. – Он обводит рукой опушку. – Пойдёмте, накормлю вас.

Злость передёргивает – хорошо стелет, будто не ждал преклонения. Проверял, что ли, на вшивость. Велизар за несколько дней пути ни на пядь не приблизился к пониманию, что творится в голове у богачей.

– Это мы за, побегали нехило, – отвечает Аркас. – Тут лихо бродило, ты знаешь?

– Знаю. Удивился крайне, они всегда подальше держатся. Нехорошо. Молодцы, сообразили, что сюда гнать.

– Мог бы помочь, между прочим, – язвит дьяк.

Действительно. Вел сжимает губы так сильно, что их колет. Елисей с первой секунды кажется ему горделивым и насмешливым, скрывающим за любезной и лучезарной улыбкой всё плохое – а ведь многие даже вдали от Престольских земель, мечтают быть на его месте. Богатый, знаменитый, предмет воздыхания всех девиц; сильный маг, верный слуга царству и богам. А на деле начинающий сходить с ума задиристый парнишка.

Они с Аркасом друг друга стоят – тот ведь предложил, а Елисей не отказался. Велизар надеется, что они доберутся до столицы как можно скорее, и он распрощается с этой парочкой, искренне поклонившись за то, что они оставят его в покое. А потом будет всю жизнь рисовать им рожицы на страницах газет.

И всё-таки находиться рядом с кем-то такого толка поразительно – Велизар злится на себя за трепет, но ничего не может с ним поделать. Кто он, и кто княжич, чтобы общаться с ним легко?

– Тут же ловушки везде понаставлены. Зачем вам четвёртый на пробежку? Только силы бы зря потратили, – оправдывается Ядвигов.

Велизар, вздрогнув, оглядывается. Лихо уже не горит, тлеет у кромки, но девушки, что помогла им, нигде не видно. Елисей с Аркасом спокойно плетутся к Избе, будто она совсем их не беспокоит. Не вышла даже на поле – вдруг лежит без сознания где?

– Погодите, – голосит он. – Там же... девушка была с нами, надо сходить проверить, как она.

Елисей оборачивается с улыбкой.

– Я всё, что здесь происходит вокруг, чувствую. Дышит, сидит там где-то, отдыхает. Это сестра моя, выйдет, если захочет. Но коли тебе так спокойнее будет, сходи. Мы у дома подождём.

Его уверенные слова, однако, не убеждают, и Вел идёт на огоньки дотлевающих углей, что раньше были одноглазым. Он совсем теряет – если сестра, то тем более волноваться должен, а не отмахиваться. Может, не первый уже раз, знает её возможности, но в родных краях так не принято. Надо добром на добро.

Странные они все – что княжна здесь забыла? Должна в столице красоваться и на развеселицах отплясывать, а она по лесам бегаёт, будто тот ей милее. В родном селе из заморочек только скудоумие, сумасшествие и пьянство, и развлечения богатых Велизару непонятны. Но её смелость восхищает.

Голову ведёт от горького дыма, но он с опаской ступает на границу леса.

– Ты здесь? Княжна Ладыя... С тобой всё хорошо? – спрашивает он тихую округу.

Слышится шелест в кустерях поодаль, но сквозь ветки не рассмотреть, зверюга мелкая мечется или человек. Вел делает несколько шагов, имя клича, и замолкает только когда видит

русу макушку, прислонившуюся к широкому стволу. Ладонь юрко прячется, скользнув по траве. Слышит, значит, вправду не желая показываться – и славно.

– Дякую, – говорит он тихо, но не тревожит.

Волнение отпускает, расходится по рукам патокой, и Велизар, улыбнувшись, возвращается на поле.

Он спешно идёт к избушке. Та заинтересованно, как совушка, оборачивается к нему и забавно наклоняет своё деревянное туловище туда-сюда, присматриваясь. И не скажешь, что она сторож разлома, что мёртвым последний путь. Просто большая-большая животинка домашняя. Гладить её, правда, Велизар не рискует, останавливается перед ней столбом. Зайти не тянет – она всё ещё старая, ветхая и местами подгнившая, хоть и видно, что Ядвигов за ней ухаживает. Как княжич живёт в ней столько лет?

Только вот Елисей и Аркас стоят дальше; Вел перестаёт что-либо понимать.

– Дом дальше, Велизар! – кричит княжич.

Обогнув избушку, Вел видит между деревьев небольшое строение вполне современного вида, с покатою крышей и забавным ветряком в виде петушка.

– Ты не живёшь в Избе?..

– Конечно нет, я же не дурак, – фыркает княжич и отпирает дверь.

Тот не выглядит роскошным и даже богатым ни снаружи, ни внутри; Велизар оглядывается по сторонам, оказавшись в тепле, и видит лишь скромную кухню, круглый стол со скатертью и узкий проход с двумя дверьми.

– Нечасто у тебя гости, княжич, – говорит он, оставив мешок с пожитками на полу у входа.

– Я никого и не жду, – хмыкает Елисей. – Все, кого я хочу видеть, знают сюда дорогу или пришли с моими друзьями. – Он улыбается, видимо, так и не оставив попытки искупить вину.

Велизар проходит глубже в дом, но смотреть внутри нечего – ни картин, ни плакатов, ни мелочёвки какой суеверной в углах не находится.

Когда он возвращается в кухню, Аркаса там уже нет, а из ванной слышится шум воды. Елисей же копается в аптечке – только сейчас Велизар чувствует, что у него разодраны руки. Выглядит он в целом не слишком опрятно для гостя блаженного княжича – будь у зеркала рот, оно бы, наверное, сказало ему пару ласковых.

– Не против, я тебе на кухне постелю? Тут нет живности, перину надо достать из кладовки просто, – неловко говорит Елисей и усмехается.

Даже перину. Приятно.

– Конечно, Елисей... Как тебя по батюшке?

– Я же сказал, ни к чему это. Прости ещё раз. Иногда сам начинаю верить в сплетни, что я крышей тут поехал. Не так, как все говорят, но в какой-то мере, – печально бормочет он. – Заголовки смешно читать, мы с Кисой умираем, когда он тут бывает. Но в каждой шутке, знаешь.

– Киса, – Велизар пробует на вкус слово. – Последнее существо, на которое он похож, это на кота, если честно.

– Это так кажется, – с какой-то особой заботой и нежностью говорит Елисей. – Просто он мало кого пускает в свою жизнь. С теми, кто есть, и то проблем не оберёшься, так что мы все не слишком любимые.

Княжич внезапно оказывается человеком свободным и будто совсем не боящимся говорить, хотя каждое слово можно обратить против него. Злоба чуть унимается после откровений, и Велизар, протянув ему руку, усмехается и отвечает:

– Ладно, мир. Но прошу, не поступай так больше. Людям, знаешь, не слишком нравится себя хоронить.

Во взгляде Ядвига мелькает едва заметная грусть и тут же пропадает, сменяясь былой беззаботной улыбкой.

– Знаю. Давай, иди в душ, а потом будем тебя латать, закрыв.

– Можно попросить? Мне бы шмоток, а то эти хоть в мусорку, – он показывает на грязную рубаху и продранные штаны. – Я верну потом деньги.

Хорошо, что он убрал плащ в мешок, а то ходил бы до зимы без верха.

Под горячими струями тело размякает. Велизар стоит, привалившись к плитке. Камень лежит на стиральной машине, невзрачный и нелепый. Мысли лениво ворочаются в черепушке, расталкивая извилины насильно. Вел представляет, чем он может стать в руках мастера – и его самого. Как под потоками волшбы заринит изменит форму и как восхитительно будет стать тому свидетелем. Смотреть и считать минуты до мгновения, как тонкие заслонки обратятся нерушимой защитой.

Хотя скорее всего пройдут часы, которые он перестанет считать на втором: огранка – долгое и изматывающее дело, которое культура превратила в романтику.

Велизар выходит из ванной, когда за окном уже вечерет; стол накрыт, а кухня пахнет чем-то печёным и пряным. Из музфона доносятся заграничные песни; они странно звучат в стенах деревянного дома посреди леса. Вокруг висят травы, обереги, а низкие потолки грозятся придавить их высокие фигуры. Аркас, прежде укутанный в несколько слоёв вычурной, пёстрой на мелочи одежды, сидит в спортивках и безрукавке, оголяющей покрытые татуировками и фрагментами мозаики руки, и улыбается.

Последние два дня вполне похожи на комнату этого дома, где играет иностранный джаз, а на столе стоит ендова пива и всякая закуска.

Велизар стоически терпит все княжеские ухищрения с какими-то зельями, лекарствами и бинтами, и думает об обречённом «знаю», осевшем в голове. Он копается в памяти; нет никакой страшной тайны или интригующей загадки. Велизар за светскими страстями не следит, но желтухи сложно избегать, особенно касающейся не знаменитостей и лицедеёв, а самих княжеских династий.

Вспоминается какая-то давняя история с его сестрой Агнией, первой наследницей Избы, которая то ли свалилась в Навь за бабкой их, то ли что – её теперь редко печатают в газетах и журналах. То, что она жива – всем известно, но её лицо показывать перестали то ли из-за страха перед самой Мареной, то ли из простого людского ужаса. Но ей проводили похоронный обряд, как принято хоронить всех после попадания в Навь. Ещё в школе старшие говорили, что она была на своих же похоронах.

Обряд дикий; она же ходит где-то по улицам, и живёт так же, как и жила раньше. Хотя насчёт последнего Велизар не может быть уверен – ни одной газете не расскажут, что с ней на самом деле. В Паутине, может быть, но у Велизара на хорошие устройства с сетями просто нет денег. Лезть княжичу в душу он не станет, а то мало ли, что ещё придёт тому на ум.

Он удостоился большой милости – сам блаженный князь заматывает ему руки бинтами, как будто Велизар не бедный простолюдин, а ему всё это по положению. Мама учила быть благодарным.

– Царапины на пальцах придётся потерпеть, Зар. Можно же так?

– Можно. Сначала царь, а потом ты, куда мне ещё выё...? – начинает Вел, но обрывает себя на полуслове.

Елисей тяжело вздыхает, но спорить перестаёт. Велизар разминает руки, морщась от царапин, и берёт заринит обратно в руки.

– Ты есть тоже с ним будешь, вместо хлеба? – ехидно спрашивает княжич.

Вел кисло улыбается.

– Садись, – говорит Елисей. – Кис, это обязательно? – беззаботно продолжает он начатый до его прихода разговор.

– Галина Сергевна мне голову откусит, ес я ещё хоть одну отговорку ей принесу. Ну, из малого, вскипятит мне кровь, а я, знаешь, не слишком похож на существо, обожающее кипяток. Особенно внутри себя, – негромко отвечает Аркас.

Велизар усмехается и берёт чашку.

– О чём разговор? – робко спрашивает он, полегчав от кружки пива.

Хмель колко и приятно расходится по рукам.

– Лис уже полгода обещает приехать в Навиград, но каждый раз, когда я собираюсь забрать его, находится новая причина этого избежать, – чуть раздражённо бормочет Марьев и залпом допивает свой стакан.

– Вы решили из своих имён собрать зверинец? – хмыкает Вел и тянется к салату.

Елисей, прежде стоящий у раковины, присоединяется к ним.

– С Даяном надо его свести, они поладят, – бросает тот.

Велизар перестаёт обращать внимание на имена – он едва ли все блаженные семьи знает, и в тех путается, не говоря о сотнях званных по всей стране. Он и от известной культуры далёк – жизнь без сетей накладывает отпечаток. На него часто смотрят, как на дурака: двумя людьми больше, двумя меньше.

– Если я каждый раз буду называть его княжич Елисей Добромилович Ядвигов, я сойду с ума раньше, чем договорю, – фыркает Аркас. – Мы даже не пищевая цепь.

Велизар лишь головой ведёт, безмолвно соглашаясь.

– Ну давай, Зар, рассказывай, что тебе в столице надобно, – заинтересованно сверкает глазами Елисей. – И отложи уже свою побрякушку. Я же шутил, когда говорил, что ты будешь есть её вместо хлеба, ну.

Вел поджимает губы и неохотно отодвигает от себя камень. Рука без него кажется пустой; любопытно, как то будет ощущаться, когда вместо неогранённой руды у него будет ожерелок или обруч. Или вовсе, станет его непосредственной частью, вопьётся в кожу, как у Аркаса на плечах.

– Да вот из-за неё и еду, – силпо отвечает Велизар. – Не могу ничего с ней сделать, уже десять лет прошло, как нашёл, а она по-прежнему никак не стёсывается и не гранится. Аркас предложил помочь.

– Ты только с камнеградами аккуратнее. На первых порах может быть тяжело, волшба всюду. Киса там вечно как пьяный ходит половину времени, – Елисей улыбается и стучит пальцами по одному из камней на его плече.

– Как-то же люди живут там, – хмыкает Велизар, откинув мокрые пряди волос.

– Когда привыкаешь, то не замечаешь уже, – отвечает Аркас и серпает супом. – Хотя я дольше, чем на неделю, не задерживаюсь в городах обычно. Я сам с Ярса, но даже к отцу не всегда получается надолго пригнать.

– Прикольно, наверное, магию ощущать, – ревностно бормочет Велизар.

– Да, но всё немного не так, как ты думаешь. Сильнее она не делает, но легче поддается, просто от массы, – пожимает плечами Елисей. – Ярск и Купальев – пригорные города. Там волшба, какая она есть. Другие столицы на искусственных ядрах построены. Ты будто географию в школе не учил.

– Ну, одно дело читать в учебниках, – тянет Велизар в ответ, – а другое, ощутить на себе, от знающих людей слушать. В древоградах иначе.

Они дёргаются от шума в одной из комнат, но силы Вела пугаться иссякли, и он быстро возвращается к еде. Елисей выглядит достаточно спокойным для человека, который живёт на границе с Навью в лесу. Не то чтобы глухом, но путь до сюда, не будь временной пропасти, совсем неблизкий. Однако раз Ядвигова не привлекает этот шум, то ничего страшного там и нет – если княжич вообще до сих пор умеет чего-то бояться.

Елисей с Аркасом долго трепяся о своём; Велизар пропускает мимо ушей вереницы фамилий и чинов, но спрашивает из интереса:

– Аркас, а ты как звание получил?

– Пришлось взять, когда Ядвиговым служил, типа, негоже рядом с ним ходить просто человеку. А так я сын кузнеца-механика.

– Я так никогда не думал, – фыркает Елисей, и Марьев одаривает его взглядом, полным сомнения.

В словах «пришлось взять» столько гадкой небрежности, будто Марьеву чин в рот записывали, а он отплёвывался и кричал, что не надо ему никаких званий. Наличие дворянского имени открывает многие двери, и глупо строить из себя страдальца. Дьяки – не последние в обществе люди, пускай значение этого титула переменялось с былых времён и опустило их в служебной лестнице. Может, Велизар географию и плохо учил, зато историю – хорошо. Быть крупным дельцом под крышей власти удобно, если хочешь впаивать в кожу камни и поддерживать жизнь странной телеги-развалюхи, собранной из говна и палок.

Никто уже на таких не ездит, у всех самоходы меньше и удобнее, а Аркас, кажется, хвалится своей телегой, потому что не хочет признавать в себе замашки дворян. И очень хочет – быть не таким, как все.

Велизар скушаяще оглядывается по сторонам, не желая муторную голову их мелкими перебранками забивать. В безликом домике глазу не за что зацепиться, словно княжичу ничего не любо и не интересно. Но вот прежде запертая дверь вдруг пестрит щелью, где видятся огрызки черт и любопытный взор, что пугливо прячутся, стоит им быть обнаруженными. Дверь хлопает; Велизар усмехается.

Ладья вправду приходит, но не показывается. Он бы теперь, замученный пустой непрекращающейся болтовнёй, тоже не стал. Навряд ли она боится: лиха не испугалась, и его бы не стала. Вел трезво себя оценивает.

Велизар видел снимки княжны Ладьи лишь мельком; она редко где-то появляется, хотя такую девушку грех прятать. Он не помнит её лица, но впечатление, восторг от её недостижимой нежной красоты и теперь собирает образ по чертам: русую макушку, тонкую кисть, тёмный взгляд в дверной щели.

Сложно вообразить, что он сидит за одним столом с людьми такого толка. Степень доходит опосля. Дьяки, всё же, ближе к простым людям, чем к государю, а ночевать в доме блаженного сродни бахвалистой выдумке; кому расскажешь – на смех поднимут. Велизар сам себе верит едва ли, пощипывая руку под столом, но не просыпается. Глупое благоговение охватывает запоздало и кружит голову.

Сонная голова скачет по обрывкам мыслей, пока Аркас не хлопает по плечу.

– Куришь?

– Бывает, – отзывается лениво Вел.

– Пойдёшь? Я прикупил на юге чертополоха хорошего для самокруток.

– Давай.

Елисей за ними не следует, мол, если поедут завтра, то его семья за версту учует запах. То звучит печально – при его чине, в возрасте и силе, княжич волен делать, что душе угодно, на других не оглядываясь. Но Елисей почему-то оглядывается. Образ его чуть смягчается за вечер – может, тот и правда страдает всякой дуростью лишь от тоски.

Пока Аркас вертит скрутки, Велизар вглядывается в чашу, как в самую бездну; дальше нескольких шагов от крыльца не ничего не видно.

Это манит и пугает сразу – от мыслей, кто там может бродить, трясутся поджилки. Велизар не боится упырей, мелких бесов, аук; тех он видел в родном городке. Но после встречи с огромным горбатым лихом не хочется проверять, что ещё прячется в тени.

– Елисей всегда такой открытый? – спрашивает Вел, принимая подождённую самокрутку.
– Он ничего не боится и ни в ком не сомневается. Столько мне рассказал о себе, будто не первый час знакомы. Обычно люди не держат душу распахнутой как ставни.

– В том и дело, Велизар, что ставни. Чтобы действительно внутрь залезть, надо открыть ещё и окна, – расслабленно отвечает Аркас, выдохнув сизый дым.

Велизар тихо хохочет.

– Великий мыслитель, – бормочет под нос, и встречает усмешку.

Когда они возвращаются в дом, Елисей выглядит мрачнее прежнего и ухмыляется неискренне.

– До города надо будет ещё кое-куда заехать, – говорит он.

Велизар закатывает глаза, не поднимая головы от стола – так он и к зиме до столицы не доберётся. А других стезей нет; если пойдёт один, то и вовсе придёт к весне. Да и неизвестно, кого там искать, в этом Навиграде. Миг нелепой сказки хочется продлить – когда он ещё будет столь близок к богатству.

Вздыхнув, он уже собирается спросить, где взять обещанную перину, но Елисей отпирает дверь комнатки, где прежде виделась Ладья.

– Ложись на постель здесь, разрешили, – устало говорит Елисей.

Велизар глупо улыбается, полегчав – спать на раскладушке и на полу привычно, но после долгой дороги маленькая кровать кажется самой мягкой на свете. Каморка, маленькая и яркая, будто не принадлежит этому дому. Вел скользит сонным взглядом по мелочам на множестве полок. Там лежат книги и карандаши, обереги, цветастые камушки, почти не отзывающиеся на волшбу. Они расставлены в порядке, понятном только хозяйке; та подбирала их тщательно и вдумчиво. У каждой безделушки есть своё место – Велизар, несмотря на накатывающий сон, долго рассматривает буйство чужой жизни.

Он собирает её образ из мелочей, а они делают его сложнее и только разжигают любопытство.

Благодарность в охватившей его дрёме греет тёплым одеялом и мягкой периной. Если доведётся встретить Ингу снова, он обязательно выразит ей признательность. Чужие разговоры и звуки за стеной почти не беспокоят, заглушённые шорохом чудных мыслей.

Только скорые перемены волнуют сердце тревожным чувством, что они неестественно хороши.

Свет белого неба льётся из окна; Велизар щурится, старательно разглаживая залом. Он в глупой перчатке с цветочками обрабатывает вещи паром, чтобы быстрее высохли. Елисей по милости оставляет ему одежду. Серебряная роспись на вороте рубахи слишком роскошная для его плебейского лица, но стоит признать, Велизару идёт чёрный; особенно дорогой и качественный. Дело, скорее всего, не в Велизаре, а в цене этих вещей. Они даже отвлекают внимание от осунувшегося лица и синяков под глазами – чудотворная сила денег.

Вел вздыхает, глядя на себя в зеркало с рамой из старого наличника, и, затаив хвост потуже, возвращается к сушке.

Они собирались отправиться в путь ещё час назад, но Аркас с Елисеем всё копошатся что-то. Велизар оглядывается и видит в окне, как Марьев колет дрова в одних штанах, а Елисей вьётся рядом, постоянно норовя до него дотронуться, и смеётся. Вел устало отворачивается – дёргает колкое раздражение. Ему некуда торопиться, но очень хочется – предвкушение встречи со столицей тянет нутро; Велизар едва держится на месте.

Они возвращаются через полчаса, и Елисей принимается собирать вещи в дорогу. Впрочем, кроме одного мешка с мелочами и кучей яблок он ничего с собой не берёт, будто не соби-

рается задерживаться в городе. После они идут к сараю. На вопрос, почему бы не поискать какое-нибудь зачарованное оружие в Избушке, Елисей насмешливо отвечает:

– Там только меч-кладенец и всякие травы. Ты вряд ли хочешь меч-кладенец. А отхлестать пучками полыни нечисть – это скорее унижение оной, чем борьба.

Про мечи-кладенцы разные легенды ходят, как и про всех ягерей и ягинь. В народных сказках баба Яга всегда одна, потому что они для детей, и ни к чему им запоминать двадцать одно имя всех. То их всё равно настигнет потом: Велизар в училище даже экзамен по яговьим сдавал – с древности до настоящего. Но кроме имён правды в историях нет – уж слишком глубоко надо копать, чтобы её обнаружить. И хотя бы найти, где копать, для начала.

Елисей говорил, что лес вокруг специально путает всяких особо рьяных искателей волшебной. Вести беседы со статейщиками ему не хочется, мол, таинство первородного колдовства должно им и остаться. Думают так, конечно, не все. Одна из южных ягинь по имени Ванда постоянно мелькает в газетах и по телевидению, и даже на приколы разлетается, как цитатник.

Однако во мнении о мече-кладенце все сходятся: он штука жестокая и самоубийственная, и никто не использует её до тех пор, пока есть иной выход.

Они подходят к сараю; там в тени глухих стен набросано разное оружие. Велизар взвешивает, хочет ли он знать, откуда его здесь столько.

– Родственники присылают, – рассказывает Елисей. – Почему-то многие из них уверены, что я беззащитный, сижу и трясусь тут от страха. Что-то Киса привозит, что-то в лесу нахожу. Зар, я не убиваю несчастных бродяг. Хватит искать во мне истинное зло. Как подросток с желтухой, ну.

Велизар, кивнув, пристыженно опускает глаза.

Свой лук Елисей забрал из дома, лёгким движением сняв его с крючков. Красивое древко с витиеватой резьбой под небосводом переливается разными цветами, а стрелы на концах украшены мелкими камнями. Оказывается, они сделаны так, чтобы бумерангом возвращаться при промахе, а в каждой из них под камнем есть капля крови, что служит датчиком для стрелы. Дивные вещи.

– Чем владеешь? – спрашивает Елисей.

Велизар вздрагивает, забывшись.

– В школе на двуручном учился. А так, у меня вот, – он болтает на плече мешок, где спрятан старый, тупой одноручник.

Елисей вытаскивает меч из мешка и брезгливо его осматривает; тот весь грязный, и ручка ходит ходуном. Надо было им лихо отвлекать – убежали бы, пока оно хохотало над самоуверенностью владельца, что этой развалюхой ему как-то можно навредить.

Велизар очень плохо орудует клинком, но не дурак совсем, чтобы без него идти в леса. Двуручный меч для закрова бесполезен, колдовать не получится без хотя бы одной свободной руки, но так уж вышло – мест больше не было нигде. Слава богам, Велизар умнее, чем какой-нибудь кривоногий упырь, и великое умение в бою вряд ли понадобится. Снести бошку – и всё.

Княжич вытаскивает из глубин сарая сначала меч с чёрной рукоятью, что напоминает крылья летучей мыши – вполне подходит к мрачному виду дьяка. Аркас показательно закатывает глаза и сразу закидывает его на бедро.

– У меня же есть пистолеты.

– Но как будто отрубить нечисти голову проще, чем пытаться проткнуть её пулькой, тебе не кажется? – язвит Елисей. – Мы уже говорили об этом, Кас. Ради меня, ну.

Он называет его «Кас», как мама зовёт сына по имени-отчеству, чтобы отругать. Аркас вздыхает и кивает, принимая поражение, а после отходит подальше от попыток Елисея раскопать ему лезвие в залежах. В конце концов княжич вытаскивает косу на короткой рукояти: простенькую, с местами заусенчатой ручкой, но с алым гранёным камнем у основания, для красоты скорее – не ощущается исходящей волшбы. В зазубринах лезвия есть хищная при-

влекательность, завораживающая опасность острозубой пасти. Много ума не надо, чтобы ей махать, но Велу такое как раз впору.

Он жадно рассматривает оружие и благодарно кивает.

– Красивая, дякую.

– Главное, чтобы острая была, – фыркает Аркас.

– Не за что, – только и говорит Елисей. – Ладно, я бы с радостью остался ещё на денёк, но нам надо идти. Иначе тётя Галя и в правду сожрёт меня быстрее, чем любая нечисть.

Он закрывает сарай на колдовскую печать, беспорядочно двигая руками. Велизар не видит волшебство от его рук так же, как не видит свою, и это сбивает с толку. Казалось, особенно в отрочестве, что все колдуны, подобные Елисею – важные, властные, блаженные – должны чуть ли не кадры из кино руками творить. А сейчас Вел смотрит, как Ядвигов накладывает последнюю печать на окна, которая загорается лишь когда становится завершённой, и тут же гаснет. Больше ничего не происходит – ни одной вспышки не срывается с его пальцев.

Становится легче.

Лес живой и бодрый – птицы голосят о своём, ветер иногда шелестит в ветвях: только к получасу пути Вел связывает его с редкими взмахами рук Елисея, который от безделья играет со стихиями – и наблюдает заворужённо. Природцев чаще можно увидеть в столицах. Все они – князья, и находятся в помощниках у царя или наследников. Узнать, почему Елисей здесь, так и не удаётся – и почему ягерей может вообще не быть.

Видеть природную магию въяве не приходилось, потому что местного ягера в родных краях никто никогда не видел. Велизар жадно ловит взглядом каждое едва заметное движение чужих пальцев.

Когда они подходят к ручью, Елисей переключается на воду и, подняв из воды большой водяной шар, швыряет его в лицо Аркасу. Тот, мокрый, с кусочком тины на щеке, лишь улыбается и качает головой. А Вел смотрит, смотрит, смотрит. Природа подчиняется княжичу так, словно он её создал. И, пусть тот говорит, что земля – стихия его сестры, редко ему поддаётся, Велизар не верит; Елисей будто всемогущий становится в его глазах.

Вела легко удивить после стольких лет в тихом и маленьком городе, где все друг друга знают. Он идёт в предвкушении того могущества, что ощутил вчера. Настоящая жизнь – впереди, и Велизар вышагивает по тропинке, готовый снова почувствовать силу в каждой клеточке тела.

Но вместо неё внутри оживает вдруг тусклый простор, сам по себе толкается за пределы кожи. Велизар редко вникает ему, ощущению окружающего пространства, бессмысленному в слабости, но сейчас, остолбенев, не может противиться навязчивому чувству. Оно полнит тело, и сердце ускоряет ход в одержимом восторге; он может чувствовать простор всегда, свойством тела, но не хочет травить себе душу. Сейчас тот против воли гудит в груди.

Вел уже и забыл, как это – знать, не глядя, что Елисей отмахивается от мошки; Аркас постукивает по пистолетам; где-то за кустами нечто прижимается к земле.

– Ты чего застыл? – спрашивает дяк, и Велизар хмурится, подняв указательный палец, чтобы помолчали немного.

Нечто немаленькое, странной формы, непохожее за зверя, скребёт когтями землю.

– Рядом что-то есть, – говорит он, оглянувшись.

Ближайшие заросли плотные, за ними не высмотреть; Велизар не осмеливается подойти. Обнаруженное существо издаёт тихое рычание. Оно непохоже на неразборчивое бормотание лиха, но легче от этого не становится. Велизар разочарованно вздыхает и сжимает камень крепче. Напряжение прокатывается по ногам и сворачивается между рёбер шипами, что царапает лёгкие с каждым вздохом.

– Блять! – рывкает Аркас, когда за спиной Велизара трещит ветка.

Вел оборачивается, но выскочившая к нему тварь привлекает внимание куда больше. Зубастый, костлявый и обтянутый синеватой кожей упырь скалится и медленно подходит ближе. Велизар не медля вытаскивает из ножен косу.

Он преисполнен решимости подтвердить свой выпускной лист и долгую жизнь в крохотном посёлке, где все сами по себе. Всё-таки упырь меньше лиха, и выглядит скорее злой человекоподобной псиной, нежели ужасом, который проглотит тебя целиком. Когда они встречали их с друзьями, людей чаще было больше, чем чудовищ, хотя под Ягополем их полчища водятся. Там на всех тупо не хватает жрачки, поэтому упыри дохлые и тощие, и забить их втроём удавалось даже без меча. И теперь может получиться, хотя эти твари крупнее и упитанней – сколькими же статейщиками, ищущими Елисея, они тут похрумливали.

Но Велизар уверен в их братии ровно до тех пор, пока они не сталкиваются спинами; княжич ругается всем матом, который у него есть в словарном запасе.

Вел дёргано оглядывается, продолжая стискивать ладонями рукоять косы. Упыри окружают их – тут стая не меньше пяти хтоней. Но больше пугает то, что они вообще здесь, когда едва минул полдень. Упырям здесь не место в такой час, но белое небо без тяжёлых туч им ни горячо, ни холодно – они продолжают хищно ползти к ним на четырёх конечностях.

– Какого хрена? – истерически выдаёт он и криво замахивается, отпугивая одну из тварей.

Велизар задевает ей бок, и та кричит визгливо; мимо виска пролетает стрела и вонзается твари в руку. Вел пугается первого выстрела, и пригибается, что выходит боком – хтонь цепляет его руку когтями, разорвав вчерашние бинты в лохмотья. Он тут же выбрасывает косу из рук и отшатывается, хватается за камень, по-прежнему покоящийся в руке.

– Блять, ясно, почему ты клинком махать не умеешь! – рывкает Аркас, раскинув руки и выстрелив в двух тварей сразу. Но патроны у него заканчиваются.

Велизар пытается отгородить и себя, и его от упырей. Но невозможно на ёлку влезть и зад не ободрать – обе заслонки тут же прорывают острые когти. Тем не менее, Аркас успевает закинуть патроны в пистолет и выстрелить особенно смелой нечисти прямо в лоб.

– А я говорил, мечи сосут! – довольно бросает он.

Велизар трусливо отшатывается от твари, бросая один за одним хлипкие щиты. Каждую из них та разрывает с бесовским удовольствием, оттесняя его от остальных. Бессилие, отдающееся немощностью в пальцах, злит до слёз. Чудище лесное будто играет с ним – или Вел с ума сходит, что видит в глазах забаву. Руки трясутся от усталости и гнева – от тупой формы руды тошнит.

– Да иди ты к чертям собачьим!

Камень чётким движением прилетает прямо твари в лоб, и та отскакивает назад, корявыми руками закрывая голый череп. Не лихо, но тоже неплохо. Велизар дёргается к косе, миновав упыря, и чуть не напарывается на другого. Но голова хтони пробивается стрелой так, что та даже штанину не успевает задеть.

– Твои пульки не проходят насквозь, – огрызается Елисей, будто сейчас место и время для их разборок.

– И не рубит голов, – добавляет негромко Велизар, схватив как попало и уронив лезвие на своего первого врага, как топор на полено.

Оно разрывая склеп упыря пополам, оголяя ссохшиеся мозги. От мерзости завтрак просится наружу – кислота обжигает язык. Велизар оглядывается – из леса приходят ещё несколько тварей.

– Да тут, блять, колдовское кладбище?! – рывкает он и судорожно ищет заринит в траве за пахнувшей мертвечиной тушей.

Когда он думал, что тот ему мерзок, он просто был злой и не это имел в виду. Но надо быть осторожным, крайне осторожным в своих желаниях; боги, может, и не слушают ни черта, но закон подлости точно существует.

Паника дерёт горло – сзади слышатся страшные рыки монстров, выстрелы и свист стрел, а его единственной силы нигде нет. По лицу хлещет волосами, выбившимися из хвоста, и ветвями от ветра, что вызывает Елисей в надежде раскидать тварей, но он лишь отмахивается. Вел роет землю и окровавленную траву, весь пачкается в них, готовый взвыть от отчаяния – он не может остаться без камня. Чтобы найти новый отклик среди тысячи руд могут уйти годы, а он так близок к тому, чтобы наконец сделать его ворожем и стать настоящим колдуном; чтобы впредь не дать упырям даже подойти.

– Зар! – орёт в спину Елисей.

Не успев обернуться, Велизар чувствует жгучую боль в плече и трупный смрад, рвущийся из пасти чудища. Оно облизывается на его кровь и нависает страшным сонным параличом над лицом. Вел вжимается в землю, оцепенев, и шарит ладонью по земле в поисках подмоги. Он хватается за первый попавшийся камень, чтобы ударить ему по виску.

Сила мощным толчком рвётся в его грудь и сжимает лёгкие до удушья. Он словно сжимается в крохотную точку и разрывается на куски одним мгновением.

В следующее дышится легко. Он смотрит сквозь мутную пелену на то, как тварь поодаль беспомощно барахтается на спине. В пальцах переливается множеством цветов осколок заринита, прятанный своё ядро под слоем невзрачной пыли столько лет.

Велизар оглядывается – Елисей с Аркасом пытаются отстреляться, но твари заключают их в кольцо. Он пытается повторить трюк, но тело становится ватным, стоит ему подняться. В голове стоит тугое напряжение, расцветающее пятнами перед глазами. Бессильно привалившись к дереву, Велизар слышит только крики и три коротких инородных отзвука. Елисей с Аркасом ухают вниз и скрываются среди чудовищных тел.

Уши пронзает жутким писком. Вел теряет равновесие и валится на землю, закрывая уши сведёнными судорогой пальцами.

Человек, раскинув руки, бредёт по тропинке стройной, невозмутимой походкой – словно их всех не пытается сожрать толпа упырей с пустыми желудками. Велизар цепляется за его образ как за маяк среди пронзительного звука, что сбивает сознание.

– Но победит волшебство, – раздаётся будто внутри черепной коробки чуть смешливым, ласковым тоном, обманывающим все органы чувств.

Он из последних сил тянется к незнакомцу; писк сводит с ума. Темнота кроет его как выбивает пробки.

5. Долг ужасу

Даян совершенно уверен, что беседует с извозчиком всю дорогу, пока не просыпается от того, что челюсть сводит. Он разжимает зубы и тяжело вздыхает. Голова хотя бы перестаёт болеть. Вчерашняя истерика оборачивается похмельем и тошнотворной пустотой под кожей. Он рад, что заблуждался о беседах с водителем. Слова цепляются за отнявшийся язык.

По стеклам сечет бестолковый дождь, от которого даже не закроешься зонтиком. Тот вроде есть, а вроде нет его. Даян клюёт носом, смотрит на «бега» капель, следит пристально за любимцем, как детстве. Его капля проигрывает. Даян усмехается – как и каппер¹⁷.

Он глядит на проносящиеся за окном деревья, на смазанное пятно леса, в котором нескольким людям скоро будет не слишком-то хорошо. Противно, что приходится всё это делать ради неизвестной великой цели Бреслава, которой тот кощунственно не делится. Даян не имеет права ныть, сам себя на то обрёкши. Сделать подлость, а потом стенать о ней – чересчур нагло, даже если подлость придумал не он.

Но кивнул Даян точно своей головой, когда ему сказали: «Поедешь, поставишь приманки на упырей, а потом поможешь им и сделаешь вид, что просто случайно оказался рядом». Кто, кроме него, станет подобное терпеть?

Только извозчик, которого Даян гоняет по дорогам битый час – ему с лихвой заплатят. Особенно, если не будет задавать вопросов; поэтому тот молчит.

– Остановите здесь, – просит сиплым голосом Даян и сам от него морщится.

Вакуум снова рушится: и так день за днём.

Он выходит на сырую и холодную улицу, бросив несколько крупных купюр водителю, не уточнив цену: там намного больше. Даян мог бы посидеть в самоходе ещё немного, просто попросив замедлиться, чтобы найти отметку, которую оставил на дереве у обочины, но воздух трезвит и заставляет проснуться. Даян долго стоит на том же месте, где вышел, и смотрит, как машина удаляется и исчезает за пригорком. Он наконец позволяет себе прислушаться к звукам. В такой дали мало кто ездит около полудня, и нет ничего, что бы тревожило чуткий слух. В вышине галдят птицы. Шуршат кусты. Мелкие звери снуют в траве и первой опавшей листве.

Даян неспешно идёт вдоль дороги, руки сунув в карманы кафтана и скользя взглядом по деревьям. Бусина болтается на рукаве, грозясь отвалиться и испортить вышивку – лишить бисерную ель верхушки. Если бы не светлая кожа и яркие волосы, он бы слился с глубокой темной чащей во всём чёрном. Этим утром Даян страшно того желает.

Краем глаза он замечает крестик, оставленный им же несколько часов назад. Даян сворачивает на тропинку. Он не слишком торопится – Елисей сильный маг и боец, и один упырь, здесь где-нибудь однажды появившийся, не причинит ему серьёзного вреда. План Бреслава кажется глупостью. Обязанность герцогов – защищать блаженных, как дворян выше по чину и наречённых самими богами; услуги в этом нет, и выходит совершенная бессмыслица. Иногда кажется, что Бреслав пока сам не знает, что делает и почему, но навряд ли такое возможно.

– Бред, – говорит Даян негромко, глядя на белку, сидящую на сосне поодаль, и достаёт самокрутку.

Вокруг лужи – есть где тушить; Елисей не оценил бы, прожги он дерево.

Пока Даян бродит, от тишины и воздуха становится легче. Тяжесть рассасывается понемногу; он даже расправляет плечи. Даян улыбается дикости происходящего, раздражённо головой качая. Он, один где-то в лесу, недалеко от приманки для упырей, стоит и глупо смеётся, стоит сойти утренней печали.

¹⁷ Каппер (спортивный аналитик) – специалист, который занимается анализом спортивных событий и прогнозированием результатов для совершения выгодных ставок.

– Ничего, они все ещё зубы поломают о меня, – излишне самоуверенно бормочет Даян.

Громкий звук заставляет вздрогнуть – свист пуль вдалеке режет уши. Он слышит чужой спор среди множества звуков – выстрелов, ветров, что ворошит волосы, хрипение тварей. Даян ускоряет шаг, и чем ближе он подходит, тем сильнее дерёт тревога. Собирая по частям отрывки разных шумов, то один, то другой цепляя пальцами, будто ленты, он понимает, что там не один упырь, и даже не два. Редко колдуны умирают в лесах толпами, чтобы их было столько, тем более недалеко от избушки Елисея, который чутко следит за обстановкой вокруг. Мысли подтверждает чей-то исступлённый крик:

– Да тут, блять, колдовское кладбище?!

Даян несётся по тропинкам в ужасе от того, что может не успеть и стать виновником смерти сразу нескольких человек, один из которых – блаженный княжич древнего рода. Отговорки, что он был ведом чужой волей, не оправдают. Но Даян вынуждает себя замедлиться – на бегу он не сможет поймать волны. Унять сковывающую панику и дрожь стоит ему невероятных усилий, и заглушить внутренний голос, и почувствовать себя снова властным над колдовством. Люди награждены им, чтобы не быть беспомощными, а не падать в ноги тварям в надежде на милость, которой те, за нехваткой разума, не обладают.

Даян тяжело дышит и повторяет под нос потерянное за ужасом и бегом. Он должен сделать всё возможное, чтобы потом перед совестью отвечать только за преступления, а не за то, чему не попытался помешать.

Даян прикрывает глаза и, выпрямив спину, разводит руки. На шее греется стекло, по венам и мышцам волшбу пускает в пальцы, губы, уши. Он издаёт звук, похожий на птичий клич, как предупреждение – об этом приёме знают все, кто с ним знаком. Он рассчитывает на то, что у неизвестного спутника княжича хватит ума понять.

Однако в мгновении, на самом деле, его никто и ничто не волнует. Даян ощущает себя чистейшей силой, невероятным могуществом, когда, словно поводьями, бьёт по воздуху и пространству звуковыми волнами. Писк стоит оглушительный настолько, что нечисть корчится в муках и пытается убежать на кривых лапах, поскальзываясь и когтями вспарывая землю. Даян с безмятежной улыбкой смотрит на зажимающих уши Елисея и Аркаса, растерянно замерших среди вскопанной земли, подавленной травы, крови и гильз от пуль. Даян чувствует чужой взгляд. Пацан, весь грязный и растрёпанный, валяется на земле и тянется к нему.

– Но победит волшба, – заканчивает он их спор твёрдой точкой и опускает руки.

Елисей, тяжело дыша, наконец отнимает руки от ушей, а Аркас откидывается на дерево. Когда Даян возвращает взор к пареньку, тот лежит без сознания, и это, пожалуй, лучший из исходов. Даян шумно выдыхает: жар отлично бодрит и отвлекает от стенаний. Он, всё-таки, что-то может – не только плохое. Осталось найти способ развернуть всё в свою пользу и отринуть жалость.

Такие признания самому себе не ранят. Правда, наверное, самый громкий звук, а он – звякон, и чувствовать их его право с рождения.

Даян кланяется княжичу глубоко и присаживается на корточки рядом с молодым человеком, которого оглушил. Чуть приподняв его голову, он легонько бьёт по щекам.

– Кто он? Откуда взялся?

– Велизаром зовут, закров, – откликается только успокоившийся Елисей. – Аркас на дороге подобрал. У него камень не поддаётся. Как я успел заметить – вообще. Нет волшбы у человека, считай. Но что-то случилось в драке, и он одну тварь хорошо откинул. Разобраться надо, в общем.

Этот Велизар лениво приоткрывает глаза чёрные, делает вдох, а потом подскакивает, словно ошпаренный, и чуть не бьёт Даяна по подбородку. Он нелепо путается в ногах, пытаясь поклониться и поймать равновесие. Даян подхватывает его вовремя, чтобы не упал снова, и Велизар наконец, потупив взгляд, даёт себе отдышаться.

– Прости, барин, – негромко говорит он, привалившись к стволу, а потом всё-таки кланяется коротко, руку к груди приложив.

– Это ты меня прости, не хотел. Кто меня знает, в курсе, что я сначала три предупреждающих звука даю. И ты теперь будешь. Ты как, слышишь меня нормально? – чуть взволнованно спрашивает Даян, заглянув в его бегающие глаза.

Тот резво кивает и тараторит:

– Я просто сил много потратил, писк скорее падающей ложкой был.

Даян усмехается – забавное выражение. Велизар же вновь опускается на землю.

– А ты откуда здесь, герцог? – спрашивает с сомнением Аркас.

Напрягшись, Даян криво улыбается. Он пытался сказать Бреславу, что это провальная задумка; он умеет врать, но есть люди, которые знают о лжи намного больше. Однако отступить некуда; выборов у него немного, и каждый из них, кроме нынешнего, ведёт к каторге.

– Рад видеть, княжич. Да ехал с поручения князя Велецкого из соседнего городка, вышел покурить и услышал вас, – Он пальцем задевает острый кончик уха, чеканя выученное враньё. – Не переживай, тут луж налило, никаких прожжённых деревьев.

Елисей кисло поджимает губы и принимается собирать побросанные вещи.

– Вы путь в Навиград держите? Я видел неподалёку, чуть на восток, самоход. Твой же, дьяк?

– Мой.

– Каждый раз диву даюсь, – начинает по мелочи болтать он, чтобы разогнать поволоку чужих сомнений. – Удивительное устройство.

– На Коляду поеду к отцу, хочу немного улучшить малышку, – гордо усмехается Аркас.

– Пошлите тогда, нам по пути, – говорит Даян и оборачивается к заковру. – Всё в порядке?

Тот кажется чернее тучи. Он держит на ладони какие-то камни и пытается сложить их воедино.

– Раздробился, – скорбно произносит Велизар. – Пытаюсь понять, все ли собрал. Что делать теперь?.. – спрашивает он без желания услышать ответ.

– Может, оно и к лучшему. – Даян хлопает его по плечу. – В ВУЗе говорили, что иногда камни непроизвольно приобретают форму того, чем должны стать. Может, из них ожерелок потом получится, как у меня, – он задирает голову и чуть тянет за стеклянные многогранники на шее. – Или кольца.

Велизар смотрит ему в глаза, ищет подвох, что ли, но лишь улыбается и приободряется в конце концов.

– Кольца звучит хорошо, да. – В его взгляде видится заинтересованный блеск. – Я...

– Велизар, мне сказали. Герцог Даян Росок, звякон. Рад знакомству.

– Взаимно, – кивает ему Вел, чуть нахмурившись, и пожимает протянутую руку.

Даян пропускает княжича и Аркаса вперёд, а сам равняется с парнишкой и подталкивает его. Идти до самохода всего-ничего, но он тут же вляпывается в грязь ботинком. Погода сегодня премерзкая.

Даян, шагнув на дорогу, выдаёт с наигранной растерянностью:

– Ну нет. Так и знал, что уедет водила. Ушлый был такой.

Он извиняется в мыслях перед добрым и терпеливым человеком за свои слова, а потом поворачивается к княжичу и ловит озорной взгляд Аркаса.

– Подбросите до города, ежели тоже туда? Извозчик уехал, – фыркает он раздражённо, и Аркас лишь машет рукой ему, мол, пошли, лох.

Даяну надо было идти учиться на лицедея; с руками бы оторвали, узнав, какой ужас его душит в страхе, что заметят измену. Однако пока всё ладно идёт.

Велизар наконец улыбается; он не выпускает камни из рук, сжимая их в кулаке; что-то в этом кроется болезненное. Они болтают о разном весь путь до марьевской махины, и это немного облегчает душу. В нём нет лицемерия и противной елейности. Парень относится к нему с некоторым подозрением, но не злым, а скорее неуверенным. Сия простота не могла достаться Даяну даже при рождении – он выходец из богатой нордгардской семьи, и всегда был аристократом. Велизар же как две копейки – ехидный, не имеющий званий, немного презрительный к богачам от бедной жизни; простота успокаивает.

Они усаживаются на задние сиденья, прячась от снова занявшегося дождя. Елисей по привычке прыгает вперёд, протянув с тоской:

– Опять в грязную воду и воздух.

Даян слышал однажды, почему Ядвигову тяжело в городе: там нет природы как таковой. Все, кроме природцев, в камнеградах чувствуют себя нормально, но, по иронии, большинство блаженных княжеских семей там и живут, близко к царю, в столицах, решают многие дела. Даян бы не смог жить в месте, где ему всегда плохо. Хотя он остаётся под покровительством Бреслава, что тоже своего рода мучка.

Он забивается в тёплый угол и задвигает шторку. Самоход погружается в полумрак, потому что Велизар делает так же – прячутся, как летучие мыши, в укромных углах. Даян понимающе улыбается.

– Когда щели заделаешь, а, холодоёб? – фыркает Даян, поёжившись от сквозящих дверей.

Благо, чин позволяет ему общаться с Аркасом на равных – дьяки лишь немногим выше, просто значимее по деятельности своей.

– Сказал же, к коляде и сделаю. Это же новенькая ещё, только изоком¹⁸ забрал, когда дома был. Хотелось на новую быстрее пересесть. Здесь и кузов побольше, неизолированный ещё, в него можно ещё троих посадить при желании, я даже там лавки сделал. И вид у неё покруче – железо, шестерёнки, знаешь, как в этой геферской моде на паровые машины, приколы? До нас не дошло ещё, но они там сильно тащатся по этому всему. В очках странных ходят, выпуклых таких, роботов механических собирать пытаются. А пока, извините, герцох, извольте терпеть, что дадено, – язвит он и вставляет одно из своих колец в руль.

Мотор сразу приходит в действие, заводится с тихим рычанием, и самоход трогается с места. Поддувать начинает только сильнее, и Даян кутается в кафтан; Елисей наоборот подставляет под ветер лицо.

– Ну что, столица, жди! – усмехается он. – Давай, рассказывай, что там сейчас, как настроения?

– Он уже у всех это спросил, – тихо бормочет Вел.

– То что вы там спрятались, не значит, что я оглох, – подтрунивает над ним княжич.

– Ой, а разговоров-то, что не хочешь ехать туда, – цокает Даян. – Даже до меня уже дошло.

– О, смотри, как спелись! Я говорил, – Елисей улыбается довольно. – Я же не пещерный человек, ну. Давай, делись, вы с Агнией сплетни едите вместо завтрака.

Даян переглядывается с Велизаром; тот откидывает голову на подушку, впихнутую кое-как между сидущей и окном, и безразлично прикрывает глаза. Даян вздыхает.

– Все тебя ждут.

– Это я уже слышал, – прерывает его Елисей. – Что-нибудь новое, герцог.

– Царь по-прежнему затворничает.

– Это тоже, Даян. Что-нибудь действительно новое, – настаивает княжич и бьёт руками по коленям в расстройстве. – Ну же, Росок, вы в таких кругах бываете с сестрой, неужели всё так скучно?

– Тебе светские сплетни? – отшучивается Даян, потому что Велизар рядом греет уши.

¹⁸ Июнь.

Он, вроде, неплохой парень, но не ему слушать о государственных делах, даже мелких, что доходят до чужака. Что-то в выражении лица Даяна заставляет Ядвига перестать настаивать и, кивнув, сказать:

– Давай светские сплетни.

Желтухи у Даяна тоже навалом; он улыбается и принимается рассказывать.

К сумеркам они оказываются в нескольких часах езды от города – осень упрямо наступает на пятки и торопит темноту. У Даяна садится голос и он, похлёбывая спиртное из фляги, лишь слушает чужие обмолвки. Он очень бережёт горло, нуждающийся в подпорке в поисках звуков, а сегодня был долгий холодный день.

Даян за путь насчитал три зачинающихся ссоры Аркаса и Вела, десять полунамёков Елисея к Аркасу и приблизительно тридцать три вопроса княжича ко всем. Ему, судя по всему, очень тоскливо в лесу живётся. Но сейчас они солидарны в желании тишины, хотя с Велизаром хорошо говорится – они изводили попутчиков шутками и пустой болтовнёй всю дорогу. Тот немного расслабился, решив, что Даян не будет против некоторой свободы. Однако скованность и настороженность беглыми взглядами и робостью слов мелькала вопреки.

Он беден, и для него чудно всё, что вокруг. Было бы некрасиво требовать от Велизара мгновенного принятия дивных обстоятельств, в которых он оказался. Даже хорошее просит времени – и Навиград не сразу строился.

В зеркале заднего вида Даян наблюдает за Елисеем, который бледнеет последний час всё сильнее – то ли от приближающегося города, то ли от измотанности дорогой. Тот хмурит брови и постоянно трёт лицо, и, в конце концов, просит остановиться. Под стремительно темнеющим небом он выскакивает из самохода и подходит к кромке леса, упирается в один из стволов. Он жадно дышит и делает несколько шагов вглубь, подальше от дороги, но сгибается только сильнее. Даян вылезает из машины следом за остальными с неясной тревогой в груди.

Аркас идёт первый, кладёт руку княжичу на спину, но Елисей выворачивается из-под неё каким-то неестественным жестом. Велизар выглядит озадаченным и, выхватив из кузова свою косу, направляется за ними.

Они идут очень долго без цели и конечной точки, но никто не задаёт вопросов; пройденные вёрсты не замечаются за волнением, кусающим пальцы. Елисей часто останавливается, держась за сердце, и приваливается к стволам. Аркас пытается остановить его каждый такой раз, но княжич отмахивается и, шатаясь, продолжает свой путь.

Потом Елисея рвёт. Он долго кашляет, отплёвываясь, но, наконец, выдавливает слабым голосом:

– Посвети.

Аркас беспрекословно слушается и включает фонарь, что взял с собой – они одни, далеко от дороги, а в лесу может встретиться разная тварь. Но увиденное пугает сильнее всяких тварей – те хотя бы известны с детства. Даян подходит ближе, равняясь с остальными, встаёт прямо на рваную и неровную границу, где трава теряет свой свет. Как и стволы, и кусты, и даже камни – всё серо-чёрное вокруг. Лес выглядит настолько извращённо, что по спине бьёт холодный пот. Дерево рядом тоже наполовину сизое – но по-прежнему твёрдое и вполне похожее на себя. Только ветви корявые и сухие, без единого живого листа – оставшиеся подобно коконам свисают над землёй.

Граница подаётся чуть вперёд, словно густая жидкость, и цепляет Даяна за сапог; из тела мгновенно вышибает воздух. Он отшатывается назад, не в силах даже вскрикнуть.

– Что это за херня? – сипит он, и пугается собственного слабого голоса.

Вакуум, думается. В вакуумах не может быть воздуха и звука, ничего не может быть, но это пугает его так же, как и странная пустота за Дверьми во дворце. Тут как будто тоже ничего нет, хотя есть всё при том. Он лишь на миг снова протягивает туда руку и цепляет инородность, что стреляет болью под кожей, пока головокружение не валит его на землю. Велизар подхватывает его и оттаскивает подальше, а потом ставит на ноги.

– Там будто пространство другое. Всё так же, но совсем не так, – тараторит Велизар, встревоженно на него глядя. – Как будто не хватает чего-то.

– Волшбы, – отзывается Елисей хрипло, встав рядом с мокрыми руками и лицом.

Аркас закрывает крышку бутылки, с которой лил воду ему на ладони.

– Там нет волшбы, никакой. Вы же знаете, она везде. В камнях, в основном, но это для вас. Она как составляющая всего сущего. Здесь её нет. Есть вода, есть земля, есть физическое воплощение всего. Но колдовского их воплощения внет.

Он вытаскивает из кармана сложенную бумажку и разворачивает её. Там виден простенький рисунок, будто труды первоклашки. Чёрные деревья, трава, земля – тоже чёрная. Аркас хмурится.

– Поехали. Сейчас мы ничего не можем сделать, – Елисей убирает рисунок и решительно направляется в сторону дороги. – Поэтому поехали.

Даян уверен, что у княжича в голове много мыслей и предположений, но тот ими не делится, будто закрыв вопрос здесь и сейчас. Приходится согласиться с его решением, хотя Даян хочет задать тысячи своих.

Эта возможность в обозримом будущем исчезает для него; он видит машину Велецкого рядом с автомобилем, и князя, что ждёт рядом, когда они возвращаются. Тот кланяется Елисею и брезгливо оглядывает остальных.

– Я уже заждался тебя, твоя Светлость, – с издёвкой произносит он. – Решил пройтись? Стёпа так расстроился, что ты не взял его с собой.

Даян не говорит ничего в ответ, будто голос отнялся напрочь. Он как русалочка из сказок, что читала ему в детстве няня.

– Изволь, блаженный княжич Елисей, я украду герцога? У нас скорые дела, надо ехать. Да и ты, смею заметить, не в лучшем состоянии.

Горизонт глотает остатки света, а ехать им ещё долго; Даян уже пропустил примерку наряда. Мысль, несерьёзная, глупая в ужасе чёрного леса, встретившегося им, дёргает губы усмешкой. Они ничтожны перед миром и барахтаются в своих маленьких жизнях и бедах, как несчастные насекомые.

– Конечно, – бросает Ядвигов и жмёт Даяну руку. – Дякую за помощь.

– Я твой покорный слуга, сам знаешь, – улыбается Даян украдкой и чувствует затылком взгляд князя.

Елисей кивает и забирается в автомобиль; Аркас лишь кивает и машет рукой, а Велизар, поклонившись Бреславу, подходит несмело.

– Был рад знакомству. Свидимся ещё, коли судьба будет, – говорит он негромко, а взгляд всё бегаёт смущённо.

– Найдёмся. Удачи с камнем, – отвечает Даян и, похлопав пацана по плечу, ловит неловкую радостную улыбку.

Что-то в Велизаре есть; не упёртость Ладьи, не язвительность Велецкого и не наивность Баско, который теперь взгляд прячет боязливо, будто наивность и растерял, разочарованный горячностью барина. Хотя это мелочи – побил посуду, прожёл скруткой ковёр, испортил вином понегу; Даян нанял его для того, чтобы не разбираться с последствиями. Нежность раздражает – не Баско же за всё это платить. Может, у того есть душевное увечье какое, о котором Даян не знает, но и оно не позволяет наглость.

Велизар кажется и упёртым, и язвительным, и наивным, но то выглядит в нём естественно; он чутко наблюдает за людьми и подстраивается, но не притворяется. Даяну сейчас не хватает кого-то попроще. В парнишке нет загадки – только ясная и простая в сравнении цель.

Самоход сразу же срывается с места, стоит в него залезть; машина Велецкого намного мощнее и быстрее самодела Аркаса, как бы тот ни старался его улучшить. Вскоре чудо-телеги уже не видно позади; воцаряется тяжёлое молчание. Князь выжидает какое-то время, чтобы начать задавать вопросы, держит напряжение, играя полуулыбкой, чтобы было сложнее уйти от ответа.

– Что увидел там? И кто этот парнишка с вами? – в конце концов переходит к делу Бреслав.

– Ты же поэтому отправил меня туда, а, князь? – отвечает ему вопросом на вопрос вдруг осмелевший Даян. Он сам себя пугается, но продолжает давить: – Ты знаешь, что я увидел.

Усталость и растерянность пересиливают страх перед Велецким; землю и волшебство жрёт какая-то неведомая сила, подкашивающая сильнейших из магов, во дворце находится что-то сродни пустоте, а вместо двух упырей на приманку прибегает шесть в месте, где это попросту невозможно.

– Невероятно! Просто класс, – вздёргивается он злобой. – Ты бы хоть предупреждал, что у нас под городом такая дрянь творится.

– Тогда бы ты не смог скрыть это от Елисея.

– А не ты ли разве хотел, чтобы он встал на нашу сторону? Тебе не кажется, что прийти и показать, как тебя это волнует, более убедительно, чем подстраивать нападение, чтобы... – Даян запинаясь, так и не разобравшись, зачем то князю понадобилось. – Попросить ничего не говорить царю до поры до времени? Господарь же не ведун, в самом деле, и не учует лжи.

Слова ложатся горечью на язык; иногда Даян совсем себя не узнаёт. Бреслав грудинно смеётся и снисходительно качает головой, веселясь.

– Что посеешь, герцог. Ты слишком поверхностно смотришь на вещи. Хотя, чему я удивляюсь, – фыркает князь и, напустив на тон гонора, говорит: – Люди очевиднее всего, когда им страшно. Елисей в своём уме. То очень хорошо, и нам будет, что сказать государю.

– Мы могли просто понаблюдать, ты же знал, что там чёрный лес, – отмахивается Даян, теряясь в его размышлениях. – И страх всё равно нашёл бы его. Ты же и о том, что бродит много чудищ вокруг, знал?

Бреслав раздражённо кривит рот.

– Елисей может встать особняком, но мысль, что ему помогли, осядет на подкорке. Доведение удобно, – рассказывает он, будто его затея очевидна, как дважды два. – Ты не заискивал перед ним, а помощь блаженному для тебя само собой разумеющееся. Княжич тщеславен, хоть и пытается казаться простым. Ему приятно раболепие, и он запомнит. У чувств, в отличие от звука, множество состояний. Управлять ими легко, – голос его становится низким, почти злоеющим. – Поверь, это ещё сработает.

Даян не отвечает, уставившись в кресло перед собой, и Велецкий усмехается довольно. Мурашки бегут по коже; он чувствует себя голым. Липкий страх сворачивается комом в горле и кислот на языке; Бреслав знает о нём всё, даже то, что Даян тщательно старается скрыть. Ведун не может влиять на мысли, но чувства не укрываются от его слепого глаза. А они порой гораздо сильнее, чем разум.

В голову лезет шальное сомнение – действительно ли тот проигрыш принадлежит ему?

– Притягательно, да? – пространно бормочет Бреслав. – Помни, что твоё место изменится, если ты останешься рядом, герцог.

Даян хотел бы поверить его словам, и на миг внутри вспыхивает надежда, но он душит её на корню. Внутри много злобы и детской обиды, но он не может подвести государя.

– Так же, как если нет, – добавляет князь.

Вот она – безвыходность, с которой Даян имеет дело; ничего на самом деле не изменится. Чин и зарплата, разве что. Он останется на поводке, который без того болтается ожерелком на шее; у ног князя по-прежнему, с руками по локоть в крови и грязи, потому что Велецкому не пристало заниматься пыльной работой. Не будет долгу конца и края, ведь достигнув своих неясных целей, князь будет продолжать играть им в игры. Даян не ищет ошибок.

Поэтому остаётся только найти способ уйти со служения, а не пытаться отдать их.

Они спешно идут по коридорам дворца; жёлтый свет всегда делает их сумрачными и болезненными. Стук каблуков о кафельный пол звенит у Даяна в ушах и раздражает перепонки. Царь не позволил отложить разговор о княжиче до завтра, и Даян пытается придать себе порядочный вид. Однако усталость берёт своё, и он надеется, что государь простит неряшливость.

Дружинники открывают двери раньше, чем они с Бреславом достигают порога. Царь расслабленно сидит на троне, недобро улыбаясь. Даян остаётся в поклоне дольше обычного, надеясь заслужить милость.

– Добрый вечер, Всемиловейший государь.

– Коли вы так считаете, – усмехается правитель, сурово глядя из-под бровей. – Выполнен ли мой приказ?

– Всё как велено, государь, – кивает Бреслав, не позволив Даяну говорить. – Княжич выглядит разумным, интересуется столичной жизнью, ждёт приём у княгини Трифоновой.

Беломир продолжает улыбаться и смотрит на них в упор, лишь чуть головой поведя.

– Что ж, – цокает он. – Убедимся на Царском Совете через несколько дней. Однако глаз с него не спускайте до того дня. Заподозрить он ничего не должен.

Даян стискивает зубы; государь продолжает говорить о нём, как говорят про обнаруженного предателя. Он мечется в сомнениях, опасаясь разжечь гнев царя-батюшки, но в конце концов мягко спрашивает, не сдержав тревожного любопытства:

– Можно узнать причину? Семья Ядвиговых всегда была предана царской семье. Есть причины сомневаться в нём?

Царь задумчиво качает головой, и во взгляде мелькает презрительная насмешка.

– Князю ли не знать, что безумие иногда не видно на первый взгляд. Я ни в коем случае не сетую на недоверие Марены-матушки. Но кто знает, как влияет близость Нави на тех, кто пока не принадлежит ей? Нам сейчас ни в коем случае нельзя, в беспокойные времена, терять самых преданных людей.

Теперь становится ясно, о какой тяжести государь говорит, так, словно не имеет представления, что с ней делать.

Что-то очень похожее Даян слышал из его уст ещё будучи подростком, да и времена, по его словам, никогда не были спокойными. Хрупкая надежда, что странным образом государя подменили, которую он допускал лишь изредка в одиночестве ночи, рассыпается. Это ранит; Даян не может принять действительность, в которой милости Беломира к нему нет и не будет уже никогда. Незнание причин терзает измотанный разум. Оцепенев, Даян больше не говорит ни слова – кланяется перед уходом и старается быстрее найти выход из этих коридоров и душных стен.

Бреслав нагоняет его и хватается за руку. Тот не выглядит удивлённым.

– Ты сказал ему, – цедит Даян. – Так какого чёрта я всё ещё делаю твою грязную работу?! Князь выглядит ошарашенным неожиданной наглостью.

– Я молчал, какой и был договор, герцог.

– И я должен верить тебе на слово? Я иду за тобой вслепую, пока ты, может, стараешься отправить меня на дно, – распаляется Даян, вырвав кисть из его хватки.

Бреслав вдруг расходится в гортанном смехе.

– И зачем мне это? Ты чужой, Росок. Сколько бы лет ты ни прослужил царству Родославскому, ты останешься гостем. И люди, и сам царь будут допускать, что ты подосланный соглядатай. Я единственный, кому ты можешь верить. Твоя душа как открытая книга для меня, и я не сомневаюсь в твоих помыслах. Как ты смеешь кусать руку, что кормит тебя? – тихой угрозой произносит Велецкий.

Пыл сразу сходит на нет. Есть правда в его словах – князю выгодно держать его рядом.

– Прошу прощения, – говорит он удручённо. – Строгость сводит меня с ума. Я не понимаю, за что попал в немилость. Я всегда был предан государю. Он дал мне кров, дом и будущее.

– Надо было думать, когда ты всё это проиграл, – язвит Бреслав и, усмехнувшись лукаво, уходит.

Даян долго смотрит ему вслед, совершенно потерянный, поработанный виной. Действительно, надо было, но время невозможно повернуть вспять или изменить. Оно подвластно только создателям мира сего, потому что такие юнцы, как он, повергли бы его в хаос, дорвавшись. Даян и не просит, признав ошибку. Он не первый такой дурак.

В проигрыше нет ничего фатального, чтобы карать его до конца дней – на кону стояла не корона и не золотой запас. Он проиграл только свою жизнь. Однако согласиться на то, чтобы её выкупили, было его личным решением.

Даян долго бродит по дворцу в сетях муторных мыслей, пока ноги сами не приводят его к выходу. Он, сумбурно извиняясь, пропускает вперёд сударыню, которую чуть не сбил с ног. Они вместе останавливаются за воротами и достают по самокрутке; Даян протягивает ей огниво молча, и она молча его принимает. Что-то в её чертах смущает, но в голову не приходит, где он мог её видеть.

На ней дорогое боярское платье и красивейшая блуза с вышивкой, какие не стоят дёшево. От таких же зажиточных барынь её отличают короткие волосы – обычно все по-прежнему отращивают косы до пояса, хотя времена Десяти уже давно прошли. Её подчёркнутые накрашевами глаза кажутся по-навыи тёмными даже под десятком фонарей. Даян переводит взгляд на дорогу, но то и дело косится на барыню. Хитрый прищур придаёт остроты чертам, но не кажется опасным. Озорной и лукавый, он не даёт ускользнуть.

Девушка издаёт короткий смешок и тушит сигарету о мусорку неподалёку, но не уходит. Даян по привычке разбирает голос на отзвуки и тона, и только тогда понимает, где встречал её раньше. Он мгновенно меняется в лице, а девушка кидает на него довольный взгляд и, развернувшись, удаляется.

Даян следит за её худой фигуркой, что скоро исчезает за поворотом. Та служанка, что он видел вчерашним днём во дворце, рядом с Дверьми, определённо ждала, когда он догадается. Будто знала о его интересах достаточно, и хотела то ли напугать, то ли дать понять, что о его сомнениях и тайнах известно. Есть ещё человек; друг или враг – предстоит ещё выяснить, но Даян не один глядит на происходящее с подозрением, которые падают и на него. Однако предстоит не сегодня: даже когда Даян срывается с места и бежит следом, она уже потеряна среди людей на площади прохладным заревым вечером.

– Потерял кого-то? – раздаётся сбоку, и Даян оборачивается.

Рядом стоит Велизар, мягко улыбаясь, и оглядывается по сторонам. Глаза его блестят восторгом от вида огромной Глатропской площади, мерцающей огнями. Разве что слюнки не текут. Он изменился; волосы собраны иначе, волнами ложатся на плечи, и воланы рубашки дрожат на ветру. Удивительно, как всего пара мелочей меняют человека – выдают Вела только глаза. Его восхищение ровно такое, каким представлялось; Даян порой скучает по детскому потрясению от новых мест.

– Что смотришь так? Там эти двое захашие сидят, а я в столице, – воодушевлённо произносит Косов. – Не буду же в четырёх стенах сидеть. Хотя стены у Ядвиговых ничего себе. Они меня пока к себе поселили. Кто не хочет посмотреть царский дворец, а?

Вел сразу отвечает на все вопросы, что вертятся на языке. Как можно так легко столкнуться в огромном городе, например. Даян собирался найти его позже, чтобы урвать ещё немного покоя. Велизар его, кажется, вообще не знает, и потому не внемлет предрассудкам; побыть обычным иногда приятно. Даян, будь им, тоже бы сначала пошёл в самое понятное место. Куда ещё идти, будучи даже не путешественником, а случайным прохожим? К дворцу или в кабак.

Велизар кланяется ему слабо, забавляясь; они условились обходиться без манер примерно на пятой шутке о дьяке. Даян от него неизмеримо далеко, но ему редко кланяются, и то выглядит странно от человека, который после зовёт его выпить.

– А ты, случаем, не знаешь какой-нибудь хороший кабак? – робким намёком спрашивает Вел.

– А ты, случаем, не хочешь в какой-нибудь хороший кабак? – передразнивает Даян и, махнув рукой, отпускает Стёпу, что мнётся в сторонке и от тоски натирает рубин на лбу.

Велизар громко смеётся. На него испуганно оборачиваются две минувшие их сударыни.

– Вот это я понимаю, – пространно отвечает Вел. – А то все напыщенные такие, аж тошно. Веди, герцог.

Даян оставляет замечание без ответа – не ему судить тех, кто может быстро опустить его с небес на землю. Он улыбается и, махнув рукой в сторону людной улицы, неспешно шагает под гордые восторги о том, что Вел будет пить с герцогом. А стоило только выползти из своего городка, – так тот говорит. Глядя на нового приятеля, Даян думает, что ему тоже иногда стоит.

6. Вьюн и терновник

Чудо-телега, как Велизар с герцогом прозвали самоход, подскакивает на очередной кочке, оказываясь, на самом деле, никаким не чудом. Она просто выглядит необычно, странно скорее, как груда металла со свалки, сшитая в механического монстра – может, в этом и была цель. Вел бьётся головой о свод, и она становится ещё муторнее.

После встречи с тем-незнамо-чем такими становятся они все.

Увиденное пугает, но больше – осадок от него. Ослабшие и усталые, они продолжают путь без бывшего веселья. Елисея тошнит ещё несколько раз, и Велизар проникается к нему сочувствием. Он чувствует себя лишними глазами, и это тревожит последствиями.

Аркас взволнован и молчалив, он бросает на княжича тоскливые взгляды, а Велизар мучается от головной боли, одиноко раскинувшись на заднем сиденье. С герцогом им приходится попрощаться – его забирает один из князей. Велизар имя того вовек не вспомнит, но залитая каким-то камнем глазница пугает. Незрячий камень будто следит до сих пор.

С Даяном было повеселее – они быстро словились. Из всех, кого Велизар встретил за эти долгие дни, только герцог кажется приятным. Тот не скрывает некоторого чванства и не пытается казаться кем-то другим – он герцог и богат, но это никак его не портит. А ещё Росок не заставляет думать, что Вел сейчас погибнет, и не смотрит на него, как на мелкую противную мошку.

Однако даже если бы им не пришлось разойтись, сил на разговоры не осталось бы. Велизар чувствует себя ещё слабее прежнего и нагло не предлагает Елисею пересесть назад. Вел проваливается в лихорадочный дневной сон. Глаза слипаются, свинцовые веки липнут друг к другу – не дают ему вырваться из тревожных и странных полусказок. Он задыхается, то просыпаясь, то проигрывая борьбу, в испуге, что сон будет стоить ему жизни.

Приходит в себя Велизар ближе к черте города – так говорит Аркас, но пока вокруг видны только дачные хозяйства и одинокие косые избушки. Рубашка неприятно липнет к телу, и волосы на затылке влажные от пота. Дьяк, глядя на Вела в зеркало заднего вида, прикладывает палец ко рту. Елисей ещё спит, изнемождённый и серый. Да и Марьев не лучше, будто его в сознании держит только дорога.

– Как тебе? – вдруг интересуется шёпотом он.

Велизар дёргает головой в немом вопросе.

– Пиздец, что мы видели в лесу, – поясняет Марьев, неопределённо махнув рукой.

Вел только сейчас замечает, что тот сидит в одной полурасстегнутой рубашке, тоже мокрой и словно душащей его даже без тугого воротника. Все рисунки, татуировки и мозаики спускаются от шеи к груди, переливаются, смешиваются друг с другом, будто сам Аркас – это большое сумасбродное пятно. Предмет странного новомодного искусства, которое никто не понимает; Велизар тоже, но сейчас в беспокойном взгляде и внезапном вопросе проскальзывает волнение. Аркасу, обычно равнодушному и дерзкому, нужно об этом с кем-то поговорить.

– Ты боишься того, чего не можешь понять, да? – говорит Вел в ответ чуть более язвительно, чем хотел.

– Бля, да ну тебя, – огрызается Аркас и переводит взгляд обратно на дорогу.

– И я боюсь, – добавляет Велизар и ловит чужой насмешливый взгляд.

Но, если правду себе сказать, то не слишком. Вот совсем искренне. Он сейчас приедет, огранит камень и уедет обратно, и беда будет далеко от него. Столицы с чёрными лесами пусть сами разбираются – до Вела это всё даже дойти не успеет. История быстро разрулится, когда всепоглощающую бездну обнаружат богачи, как случается с любой неизвестной бедой. Выглядит чернолесье жутко, опасной мёртвой землёй, но когда беды выглядели хорошо? И точно не Велизар в силах избавить мир от них, так что лучше оставить решение чужим плечам.

Княжич расскажет о чёрном лесе всем и точно найдёт выход, больше прочих заинтересованный в спасении.

Виды за окном начинают меняться. Раньше Вел видел только снимки в газетах, и те воспринимались им, сидящим в маленькой квартирке деревянного города, как недостижимое диво. Избушки исчезают, сменяются сначала железными дорогами и станицами, а потом и одиночными каменными домами. Они серые и на первый взгляд невзрачные, но даже тёмные стыки, пятна краски, с неясной целью оставленные на глухих стенах, и сетки зашпаклёванных трещин приводят в восторг. Велизар пялится в окно как ребёнок, провожая взглядом каждое строение, что встречается по пути.

– Это дома для работников станиц, – мягко врывается в его потрясение Елисей сонным голосом.

Велизар долго крутит его слова в голове прежде, чем осознаёт их и находит волю оторваться от стекла.

– Работников? – спрашивает он с такой наивностью, что самого передёргивает.

Елисей смеётся по-доброму, словно воспитатель в детском саду над твёрдой уверенностью ребёнка.

– Вел, ты как будто под кустом у болота живёшь, а не в городе. У вас же тоже богатые дома красивые.

Велизар возвращает взгляд окну; скоро домов становится больше. Они меняются в размере и цвете, перемешиваются, как суп, как лоскутное покрывало. В том велика разница, которую не замечает Елисей при своём положении. Все дома в глубинке разных оттенков дерева, некоторые, что поновее, с каким-то подобием клеёнки, как наклейки, сверху, но, так или иначе, масса одинакова и безлика. И чудо-телега вдруг не кажется чужеродной – такая же собранная из частей вещь. Дома эти есть что-то больше, чем просто здания – Велизар не может подобрать слово. Не могущество, хотя и оно; нарядность и свобода. Неограниченность в силах, формах и выдумках.

Он не верит глазам, словно околдованный безумным творцом.

Они едут по широким дорогам, мимо улиц, рек и мостов; здания меняются тоже – становятся ниже и стоят плотнее, украшенные резьбой и лепниной, наличниками и вежами¹⁹ разных цветов, витражами с божественными ликами. Людей на улицах становится больше; они веселятся, курят у дверей заведений или торопятся домой, сталкиваются, втекают друг в друга на переходах неукротимой субстанцией. Девушки в расписных саях и брюках, обвесившиеся ожерелками и бусами, парни, кто в штанах, кто в джинсах – всё по-разному и совсем иначе.

Велизар задерживает дыхание.

Он чувствует жизнь вокруг. Здесь всё дышит – горит фонарями, вывесками и мелкими огоньками скруток; гудит самоходами, музыкой уличных игроков и болтовнёй толпы. Из полуподвалов доносятся звуки музофонов, которые абсурдным месивом сталкиваются с оперой, раздающейся откуда-то с улицы. Воздух, тяжёлый и плотный, забивает лёгкие.

Магия клокочет в груди буйно, разливается по телу от камней, что Вел сжимает в руке тисками. Необъятная и вездесущая, она пьянит, сворачивается на стыке рёбер волнением и пускает дрожь. Такое бывает, наверное, всего пару раз в жизни – ощущение, что Велизар может всё, но только сейчас. Камень утром превратился в хлам, но волшебство – вокруг.

Он как дурак тратит его на глупость – цепляет взглядом мальчишку, когда они стоят на перекрёстке в ожидании зелёного на светофоре. Тот бежит за мамой, спешащей домой, задорный и взбудораженный, увлечённый петушком на палочке, прямо в столб. Велизар вскидывает руку с накрытым чувством азарта и могущества. Он, как герой кино, или мультика для школьников, тратит мгновение «всё», чтобы мальчуган утонул в вязкой заслонке и не встре-

¹⁹ Башни.

тился лбом с металлом. Тут даже фонари из металла, а Велизар может колдовать защиту, способную удержать целого человека, хоть и маленького – он захлёбывается неверием и блаженством. Пацан забавно теряется, вздрагивает от маминого оклика и, оглянувшись, убегает.

Вел ещё долго не может выкинуть мальчика из головы, раз за разом вспоминая, как тот встретился со щитом. Велизар словно всю жизнь взращивал контроль, что не дал ему сделать заслонку каменной, но он давно забросил упражняться с волшбой. От восхищения колотит.

Нужно было родиться в богатой семье и большом городе.

– За-ар, – возвращает его из дум Елисей, мягко похлопав по колену. – Тебе есть, где остановиться?

Княжич, насколько Велизар может видеть в полутьме самохода, выглядит чуть посвежее и снова находит в себе силы улыбаться. Его вопрос окатывает ушатом ледяной воды. Вел не планировал путешествие в столицу, да и денег у него только на стакан пива осталось, а в сумке – одно яблоко, которым с ним щедро поделился Ядвигов. Княжич жевал их всю дорогу, пока они не пришли к упырям в лапы. Мог бы и два дать – Елисей забил ими половину мешка.

Велизар смущённо прячет взгляд и поджимает губы.

– Понятно, – вздыхает Елисей. – У нас переночуешь, в общем.

Аркас оглядывается на него сердито.

– Кис, я слишком устал, чтобы сейчас везти его в гостиницу. Тут всё дорого же, в сердце. А у нас гостевых – во, – он машет рукой над головой. – Тем более, мне кажется, что Велизар и не думает что-то красть, – Вел ловит его взгляд в зеркале заднего вида.

В нём строгость и насмешка. Ягерь его найдёт, если подобное произойдёт, и хорошо не будет. Елисей, несмотря на свой задор, всегда напоминает, кто он на самом деле. Он встретил Велизара этим и, как бы ни извинялся потом, по-настоящему виноватым себя не считал.

Ничего не стоят звания, если Елисея не воспринимают всерьёз и не понимают, что в его руках один из ключей к самой преисподней.

– Не думаю, – отвечает Велизар без улыбки.

Елисей кивает.

– Нормально будет вообще? Я же никто, – спрашивает Вел потом.

– Нормально. Одежду дадим получше, чтобы не было вопросов. А родители до следующей недели всё равно не появятся в моём крыле. К полудню уйдёте с Касом. Сделаете, что нужно, а дальше посмотрим.

Елисей отмахивается и больше не возвращает к нему внимания. В его словах нет точки; Велизар хмурится, напрягшись – ему не по нраву незавершённость. Он не собирается задерживаться с ними – трудности ни к чему. Вел не горит желанием кому-то помогать: беды леса у столицы — это исключительно беды столицы. Пускай природа есть основа, и этому учат с детства, он будет только мешать. Он с ними рядом даже находиться не должен.

Велизар возвращает взгляд к дорогам, но глаз уже не цепляется за красоты города, людей и сотни мест, что они минуют. Лавки, корчмы и кабаки, всё сливается в один аляпистый мазок кистью. Они набирают скорость, и не удаётся поймать взглядом хоть что-то, пока всё окно не занимает собой величественный дворец с несколькими башнями, украшенными ветряками²⁰ со знаками стихий. Они настолько громадные, что хорошо видны с земли. В темноте вечера, несмотря на подсветку, особняк нельзя оценить по-достоинству, но резные арки и те восхищают своим богатством.

– Это ваш дом? – спрашивает он глупо, когда Аркас останавливается у ворот. – Похож на царский дворец.

²⁰ Флюгеры.

Елисей снисходительно усмехается, снова став простым, как медяк. Велизар вылезает на воздух, устав разгадывать. Всё равно завтра вечером его здесь уже не будет. Не хочется портить единственный в жизни день, когда он может почувствовать себя важным и состоятельным.

Вел проходит за ворота, что открываются сами, следом за самоходом, и разминает затёкшие ноги. На крыльце уже ждёт слуга, но Велизар держится в стороне и старается следовать за княжичем тенью. Лишних вопросов он старается не вызывать – пусть княжич говорит то, что считает нужным.

– Доброго здравия, Людмил, – с улыбкой голосит Елисей, поднявшись по лестнице.

Тот кланяется Ядвигову в ноги и чересчур радостно тараторит:

– И тебе, княжич Елисей. Рад видеть тебя! Смотрю в плечах раздался, похорошел как, а! А глаза всё блестят. Не забрала твой разум Навь, – облегчённо заключает он.

– А были сомнения? – насмешливо спрашивает Ядвигов.

– Не вели казнить, были. Страшно за тебя было, вот как.

Велизар оглядывается по сторонам; дворец возвышается над головой образом великой и нерушимой силы, которую нельзя недооценивать. При всей роскоши тот давит и заставляет чувствовать себя маленьким. Вел чужой и лишний, сколько себя ни уговаривай. Ему лишь позволили остаться.

– Людмил, это Велизар, он останется на ночь, – представляет его Аркас сипло. – Подготовь комнату и сменную одежду.

Вел улыбается уголком губ и кротко кивает. Нельзя кусать руку, которая кормит; и слуг кусать тоже не стоит, чтобы они не плюнули в еду. Любопытно, сколько вопросов у Людмила и сколько нужно терпения, чтобы держать их при себе. Вел действительно неважно выглядит; голодный, уставший и грязный после драки с упырями, он не похож на княжеского гостя.

Обстоятельства чуть смягчают то, что Елисей с Аркасом такие же изгвазданные. Слуга молчит, и оно к лучшему – хотелось бы остаться блёклым воспоминанием для жителей дома, чтобы тихо уйти позже. Волей Мокоши его свело с этими людьми; урока он пока не понял, но лучше постараться изобразить ясность и убраться подальше.

Только уверенность в том, что Велизар заставит себя уехать из столицы, уже не так сильна. И тогда беда от чёрного леса станет его бедой тоже, кем бы он ни был.

Мысли задержаться мечутся в уставшей голове: ему нечего делать в Навиграде, но быть всегда властным над волшебной – привлекательно, как и влиться со временем в столичную жизнь. Велизар не может представить себе человека, который бы этого не хотел. Он никогда не грезил о столицах так, как многие, и не рвался поступить сюда в учёный дом, но теперь понимает Никиту, который уехал за лучшей жизнью. Вел принимал жизнь, какой она была, за незнанием пределов, но теперь сбит с толку. Огромный город кажется Велу бескрайним и приглашающим, как никогда достижимым даже без попыток – простой дорожкой.

Никто на самом деле не хочет идти сложным путём. А те, кто говорят обратное, непременно врут.

Его окликает Людмил; Велизар спешит подняться по лестнице и пройти внутрь: он оказывается в доме, величию которого нет равных. Вел видел лишь подобное в здании главного ведомства города или в народном доме²¹. Расписные сводчатые потолки кажутся бесконечно далёкими, а резьба идёт даже по наугольникам²²; на перилах лестницы деревянной скульптурой изображены символы всех богов. И это только прихожая – в узком просвете дверей видится гостиная и угол громоздкой печи. Велизар готов поставить свою жизнь на то, что комната огромная, и он испугается её площади.

– Пройдём, – выдёргивает его из потрясения Людмил.

²¹ Дом культуры.

²² Плинтуса

Они долго поднимаются по лестнице, минуя ступеньку за ступенькой; Велизар оглядывается по сторонам, пытаясь ухватить всё сразу, но теряется в бесконечных рисунках. Вокруг пестрят сказки и былины; он успевает рассмотреть лишь в один из сюжетов, когда они достигают четвёртого яруса. Слуга, однако, не торопит.

На приглушённо-зелёном выцветшем камне Вел узнаёт сказание о Таре, взрастившей цветок у Алатыря. Божьи сказки у каждого в голове с детства – хоть ночью буди, любой расскажет, как она, в попытках отвлечь путника от дороги, вырастила страшной красоты цветок. Тот был неопасен издали, но слепил с одного взгляда, стоило оказаться рядом. Так она хотела уберечь дом Семи солнечных дисков, где, по поверьям, после Первой войны скрылись все боги того «солнца», о котором так любят слагать небылицы.

– Сказка о верном пути, – подтверждает его слова Людмил. – Одна из моих любимых. По нему приходится идти через страх, вслепую, чтобы лишь в конце узнать, оказался ли ты прав.

– Дай угадаю, – Велизар вздрагивает и ступает в проход. – Ты пошёл не им.

– Кто знает? – хмыкает Людмил, учтиво сложив руки за спиной.

Больше они не разговаривают – Людмил пропускает его в комнату и думает, что Велизар сможет воспринять хоть что-то, оглядывая небольшую спальню. Из стен винного цвета по сводам к потолку тянутся выюны, что будто проросли из краски. Между ними петляют чёрные терновники с мёртвыми шипами. Мебели немного, по необходимости: стол, шкаф и тумбочка у кровати с ажурными сеньями²³. Это хорошо – его выбивают из колеи большие и роскошные пространства. Но дорожную перину он точно хочет опробовать.

– Ты меня слушаешь? Как тебя по-батюшке...

– Никак, – отмахивается Велизар. – У меня нет ни отца, ни чина.

Тот поджимает губы неловко и немного пренебрежительно – наверное, тоже задаётся вопросом, что Вел вообще здесь забыл, в княжеском-то доме. Странно чувствовать снисхождение, будто тот выше. Даже в подмётках у правящих семей человек не больше, чем обслуга. Если ты не Аркас и не водишь странные близкие отношения с самим княжичем: тогда ты из простого торговца превращаешься в дьяка и можешь утирать нос большинству.

– В общем, здесь два набора одежды и кафтан на выход. Как помоешься и соберёшься, спускайся к ужину, тебя на первом ярусе встретит слуга.

Велизар кивает и тихо благодарит его; он дожидается, когда неприятный дворецкий уйдёт, прежде чем разворошить костюмы. Один попроще, с косовороткой и штанами, а второй больше напоминает западную моду – рубашка с оборками и цепями на вырезе. Вел усмехается – есть в ней что-то из историй про пиратов. За границей они получились более романтичными, чем их ушкуйники²⁴ – истории Империи Хаос чище и живописнее. Но лишь на словах – на деле Пиратская гавань прослыла тёмным и жестоким местом.

Хорошо жить в месте, которое никогда не появляется в новостях; Гёрмос находится там постоянно.

Велизар оставляет рубашку на постели, не в силах бороться с желанием надеть что-то иноземное; хотя ему бы быть попроще и не отсвечивать, но впредь такой возможности не представится. Он мог бы купить что-то похожее на рынке, но это каждый раз загадка: найдётся гжель на оборке или кисточки на верёвке вместо цепи. Да и ткань под пальцами ощущается совсем другой – в ней хочется жить, а не только носить её.

Пар расслабляет, а вода смывает чрезмерный восторг. Вел находит даже фен – мама мечтает о нём уже который год, но они не могут себе позволить. Он влезает в самые дорогие и хорошие штаны, какие когда-либо носил, и суёт ноги в домашние туфли – его бы на родине на

²³ В конкретном случае – балдахин.

²⁴ Ушкуйники – новгородские пираты, преимущественно речные, далеко проникали на север и восток, много содействуя расширению торговли и колоний Новгорода.

смех подняли за такое. Велизар смотрится в зеркало, расправляя рукава-колокола, и видит в нём какого-то другого себя. В роскошной одежде бледная кожа выглядит румянее, а выющиеся волосы ложатся на плечи не лохматым и секущимся сеном.

Он с задорной улыбкой кланяется отражению, будто почитаемому князю, а не плебею из глубинки, дорвавшемуся на миг до богатой жизни. А ведь для Ядвиговых это обычный вечер.

Прежде, чем выйти к ужину, Вел подходит к окну и глядит на улицу. Внизу переливается серебром тёмная река, по набережным бредут люди разного толка и туда-сюда ездят самоходы. На стогне совсем рядом проезжает токовоз²⁵; скользит почти бесшумно по рельсам со своими усиками, иногда искрящимися на стыках. Таких в маленьких городах не бывает – слишком дорогой вид доправы. Вел наблюдает за ним, как за диковинной зверушкой, пока тот не скрывается из виду, цепляет взглядом яркую вывеску подземки – спуститься бы туда, любопытства ради, посмотреть, как поезда железными червями мчатся под землёй. Общеходы он хотя бы может себе позволить.

Вздохнув, Вел наконец идёт к лестнице. Тара на стене смотрит в самую душу, держа руки над тем самым цветком – по телу бегут мурашки. Как будто знает, какой дорогой он пойдёт, и ждёт исхода этого пути снова и снова для каждого сумасшедшего.

Внизу, как и было обещано, его встречает слуга; молча ведёт по коридорам и залам дворца. Велизар уже не старается что-то разглядывать, чтобы душу не травить, да и толку нет в этом – в княжеских хоромах столько мелочей, что не посмотришь и за тысячу дней. Перед ним открываются огромные арочные двери. Вел делает глубокий вздох, прежде чем ступить в столовую, будто там ждёт не ужин, а новая жизнь.

В какой-то мере так и есть – он вряд ли вернётся домой как ни в чём не бывало и скажет матери: «Я познакомился с блаженным княжичем, герцогом, дьяком, побывал в столице и в огромном дворце, а теперь прости, мне пора на работу на завод». А что скажет? Что он, вправду, теперь собирается делать?

Велизар прикусывает губу, охваченный волнением, и запинаясь о порог. Он ловит чужой взгляд, нелепо выпрямившись, и тревоги вмиг становятся незначительными. Десятки мелочей собираются в единый образ. Тонкие руки кротко сложены на животе. Русые прядки, выпущенные из низкого пучка, мягко ложатся на кожу тёплого оттенка – на снимках не было ничего от этой нежной человечности. В жизни Лады красивее, хрупкая и изящная, замершая в длинном платье, и совсем непохожая на хозяйку крохотной комнатки. Её образ строг и выверен, а цепкий, серьёзный взгляд на мгновение кажется любопытным. Но это точно она – Лады, их спасительница – и его спины.

Вел кланяется ей, не в силах отвести глаз бысстыдно.

– Велизар Косов, закров, – чеканит он.

– Я знаю, – мягко улыбается она.

Велизар робко отвечает ей и выпрямляется. Они замирают неловко в одиночестве огромной светлицы. Карие глаза ищут что-то, редко соскальзывая на его лицо. Княжна нервно поджимает розовые губы и, будто одёргивая себя знанием, что на неё смотрят, старается расслабить лицо. Она красива, не вычурно, а как-то просто – и от её красоты тянет в груди. Велизар не знает, как описать своё чувство и чужую жизнь в трогательных чертах.

Он, очнувшись, смятенно отступает и опускает взгляд.

– Прошу прощения, княжна Лады, – мнётся он.

Она мягко улыбается; горы падают с плеч. Велизар ловит глупую и юношескую мысль, что жаждет её внимания, но старается смотреть куда угодно кроме; скоро придёт княжич – поймёт неправильно ещё. И вовремя.

²⁵ Трамвай.

– Ну, хоть на человека похож стал, – ехидно бросает Аркас, появившийся первым; а сам-то, будто в золоте по стране колесит.

Тот сменил дорожные тряпки, и, судя по виду, не слишком этому рад. Дьяк постоянно одёргивает рубашку с жилеткой, теребит митенки, а кафтан с мехом и вовсе сразу бросает на стул. Но цепи никуда не деваются – они идут через всю грудь от большой броши со знаком княжеского дома – Избы с вороном на крыше. Но одежда не отвлекает от его бледности и усталого вида. Аркас тяжело дышит и расслабляет галстук.

Велизар молча садится за стол, не уверенный, дозволено ли ему до прихода княжича. Радует, что старших Ядвиговых, в том числе и княжны Агнии, за ужином не будет. Стол накрыт на четверых. Велизару хватает того, что он чувствует себя белой вороной среди роскоши и напыщенности.

Хотя Агния бы разбавила неловкую тишину. Елисей с Аркасом говорили о ней как о весёлой и лёгкой на подъём барышне. С ней Велизар, если выдастся случай, желает познакомиться больше всех.

Вел усмехается – ещё час назад он был готов свинтить от их семейки подальше. От своих слов он не отказывается, но пути Мокоши неведомы.

Княжича Велизар узнаёт не сразу – от смешливого рубахи-парня остаются только кольца-усилители и серьга с косым крестом. Кудри убраны в строгий хвост, из которого не выбивается ни одного «петуха», а, грудь стиснута строгим ферязем с золотой вышивкой. Штаны так облегают его ноги, словно он пытается свою свободу сжать до тесной одежды. Но держится в ней так, как подобается – приосанивается и складывает руки за спиной.

– Ого, – несдержанно выдаёт Вел.

– Что поделать? – пожимает княжич плечами. – Нельзя порочить честь фамилии. Будь моя воля, я бы так в косоворотке да кроссовках и остался.

– Без сомнений, – отзывается Ладья-Ладья так, будто и ей саян жмёт.

Ужин проходит тихо и неудобно: кожей ощущается, что, не будь Вела здесь, они бы галдели и обменивались последними новостями. Он сам, разве что, постоянно ловит на себе взгляды княжны. Ладья прикидывается безразличной каждый раз, когда Вел замечает, и это очень веселит – пожалуй больше, чем что-либо за этот вечер. Внимание Ядвиговой льстит – только дураку не будет приятно. С хитрой улыбкой Велизар постоянно пытается уличить её в любопытстве, до тех пор, пока она не бросает вилку на тарелку и подходит.

– Ну это невозможно просто, – пыхтит она, выудив из-под рукава резинку. – Такие волосы губишь.

Велизар давится, и она дёргает его голову назад за пряди. Елисей еле сдерживает смех, а Аркас даже не старается. Вел позволяет княжне творить что угодно, но, когда она возвращается на своё место, стыдливо затихает, приуныв. Он успел уже напридумывать всякого, а всё её внимание и кончилось на волосах – лишь однажды он встречает снова озорной взгляд.

– А ты думал, что случилась великая любовь? – ехидничает Аркас и отпивает вино из кубка. – Но, по правде говоря, она права. Так тебе лучше.

Дьяк тянет ему говорник вместо зеркала, и Велизар нехотя принимает его; передние пряди убраны в хвост, чтобы остальные в глаза не лезли. Те свободно рассыпаются по плечам. Удобно, по крайней мере – он перестанет купать космы в супе.

Он молчаливо доедает ужин и собирается уйти, но пошатывающийся Аркас останавливает его.

– Не перепил ты, дьяк, а? – с насмешкой спрашивает Вел и тут же ловит его, теряющего равновесие, под локоть.

Всякое веселье сходит с лица Марьева – он вцепляется в спинку стула, хлопая глазами растерянно.

– Да нет, я полбокала выпил-то, совсем ничего, считай.

– Ну, княжич Елисей говорил, что ты как пьяный в столице, может, тебе и...

Договорить Велизар не успевает; глаза у Аркаса закатываются быстрее. Тот валится на него всей своей тяжёлой тушей – от падения их спасает только подскочивший тут же Елисей, который перехватывает Марьева за плечи.

– Я попрошу нашатырь, – бросает княжна и торопливо уходит.

– Нехорошо, – говорит княжич. – У нас тут такие загулы были, и ничего подобного. Он всегда магией захлёбывается в Навиграде, но до обмороков – никогда, – тараторит он, легонько пошлёпав Аркаса по щекам.

Вскоре возвращается княжна с нашатырём, и дьяк тихо стонет, поднимая голову.

– Что за?.. – хрипит он.

– Ты сознание потерял, – встревоженно бормочет Елисей. – Совсем плохо?

– Да, плющит. – Аркас садится и приваливается к стене. – Раз – и всё. Словно меня сейчас задушит, или я взорвусь от силы, не знаю.

Он заламывает руки, будто ему сводит суставы – Вел видит, как на кончиках пальцев пляшут маленькие молнии, и Аркас не может держать их в узде. Тот поднимается по стеночке.

– Может, это от той черни, – выдыхает Елисей, закинув его руку себе на плечо. – Поди знай. Хотя странно это всё, Даян говорил другое. Ладно, мы пошли отдыхать, завтра будем разбираться. Доброй ночи, – бросает он и неспешно уводит дьяка.

Велизар с княжной напряжённо переглядываются; неясность тревожит.

– Изволь, я пойду пройду? Никогда не был в столице, – говорит он, чтобы не отчитываться потом.

– Конечно. Я тебе не хозяйка, сударь. Только выйти через заднюю дверь, тебя проводят, – отвечает она, задумчиво глядя, как слуга убирает со стола.

Она сиротливо прижимает руки к груди; волнение омрачает нежные черты. Сердце не на месте от её вида. Чужой незнакомец ничем не поможет ей, но он не может уйти. Вел даже не поблагодарил её за помощь и за постель. Он долго стоит рядом, теряясь в сомнениях. Тревога ноет в руках и берёт дрожью коленки, но Велизар цепляет её ладонь мягким, невесомым жестом, и подносит пальцы к губам. Он замирает на миг, оставив на них короткий поцелуй. Сердце заходится и не встаёт обратно под растерянным взглядом. В том не видится гнева; Ладья не отнимает руки. Велизар сам отпускает её, шепнув тихое «дякую», и кланяется напоследок.

Тело пылает даже под прохладным ветром; Велизар часто дышит, застыв на пороге, когда за ним закрывается дверь, и не может найти покой. Трогательная растерянность не оставляет память, и сердце по-прежнему мечется в груди. Велизар трёт лицо и, тряхнув головой, устремляется к дороге.

Велизар бредёт по главной улице – от дворца до неё рукой подать. Навиград и правда никогда не спит: по стогне гуляет хмельная молодежь, зазывалы до сих пор мечутся между людьми, хотя уже двенадцатый час, самоходы то и дело проносятся мимо. Из заведений грохочет музыка, а на одной из улиц скоморох-искрец веселит толпу.

Он как будто гуляет по сказке – здесь нет ни одной невзрачной стены, а каждый дом разный, пестрящий вывесками, рисунками, резьбой и изваяниями. Ветер гуляет по притокам и ворошит любезно сделанную княжной причёску.

Краем глаза Вел замечает знакомое лицо на одной из остановок. С рекламы на него смотрит герцог в странных, вычурных одеждах какого-то модного дома.

Велизар не может наглядеться на город и старается не бежать, хотя чувства быют ключом. Он нарочно замедляется, хоть и страстно жаждет узнать, что ещё увидит в пути. Здесь

больше пространства, воздуха, свободы – Вел то и дело забавляется, раскидываясь простенькими заслонками, и не чувствует себя уставшим. Красота и сила сливаются воедино – и множество других слов. Но может, дело не в городе, а в расколотом камне – завтра проверит.

Вел звонит маме и делится впечатлениями – та немного волнуется, но Велизар успокаивает её; сейчас всё в порядке, а дальше он подумает, как быть. Вел обещает позвонить завтра и кладёт трубку, когда достигает царского дворца, и застывает с открытым ртом. Роскошный каменный терем стоит волшебным замком. Десятки веж венчают знаки стихий, которые больше напоминают детские прописи.

С них и начинают учить дошколят дурацким стишком, который вовек не забудешь. Огонь-палочка, круг-земля, воздух крестиком, ромб-волшба, что взгляд чарует. Воду рисуют треугольником; её отчего-то называли «люд» ещё до того, как выяснили, что люди взаправду из неё состоят. Велизар бубнит стих себе под нос с улыбкой, разглядывая расписанный дворец.

Его видимая неприступность поражает, но туда заходят дружинники и знатные лица в одеждах непостижимого богатства. За ним плещется река и разходятся мосты удивительными конструкциями. Он теряет дыхание и ощущение настоящего, стоя будто в картинке с телевизора, прямо за выпуклым стеклом.

Вокруг очень много света – здания горят лампами, чудные в извилистых тенях от резьбы и лепнины. Фонари отбрасывают блики на стены, встречаясь с осколками цветастых руд, играют спектром, плутая на каждом столбе дворца и огромного терема рядом. Дети бегают вокруг столпа, царапающего небо – он оказывается изваянием потрясающей красоты: в несколько ярусов предстают боги.

Их глаза переливаются разными рудами, каменные ткани выются от одной фигуры к другой. Их величает Род-создатель, возвышающийся над всеми и держащий в руках копьё осью мира. Велизар никогда не видел столь изящной работы. Среди лиц он находит и Чура, покровителя закровов. Глаза божества мерцают голубым – Велизар глубоко кланяется его точёной фигуре, в безмолвной просьбе о благодати.

Тот навряд ли слышит его, но на войне – все средства. Ему бы не помешало ещё немного помощи; люди не могут знать наверняка, наблюдают ли за ними – иначе давно перестали бы чувствовать. Проверять не желает никто, страшась их огромной силы.

Лишь одна мелочь возвращает ему, потерявшемуся в невозможном, рассудок – неестественно нервный для совершенства времени-места-действия мельтешащий образ. В копне рыжих волос узнаётся Даян, и по сверкающему костюму – у герцога, кажется, нет чего-то простого в шкафу. Тот будто на Коляду или Масленицу одевается каждый день; даже по делам за город в нарядных шмотках поехал.

– Потерял кого-то? – голосит Велизар с улыбкой, когда подходит поближе.

Росоков выглядит не на шутку взволнованным. Он дёргано оглядывается и хмурится, будто перед ним кикимора в красных сапожках.

– Что ты смотришь так? Там эти двое зачихшие сидят, а я в столице, – оправдывается Велизар. – Не буду же в четырёх стенах сидеть. Хотя стены у Ядвиговых ничего себе. Они меня пока к себе поселили. Кто не хочет посмотреть царский дворец, а?

Велизар кланяется ему едва, веселья ради, и Даян улыбается.

– А ты, случаем, не знаешь какой-нибудь хороший кабак?

Неплохо было бы чуть успокоить нервы – или, наоборот, распалить душу. Если он увидит ещё что-то непривычное, то воспламенится и превратится в кучку пепла, настолько поражают повсеместные чудеса. Да и почему бы не пообщаться с герцогом побольше, раз случилась встреча.

Грудь колет тихая радость – хотелось, чтобы она снова произошла.

– А ты, случаем, не хочешь в какой-нибудь хороший кабак? – с довольной улыбкой отвечает Даян и, махнув пареньку поодаль, поворачивается.

Его передразнивание звучит забавно – нелепый хохот рвётся с уст.

– Вот это я понимаю. А то все напыщенные такие, аж тошно. Веди, герцог.

Даян улыбается и утягивает его в косую улочку рядом.

– Я буду пить с герцогом, это же, ну, с ума сойти просто! – усмехается Вел, как ребёнок гордись. – А стоило только выползти из своего городка.

Много вещей не дают покоя и повергают в сомнения, лукаво уговаривая свернуть с простого пути, оправдывают риски. Но это пока он не оказался в гуще событий. Велизар точно знает, что нужно держаться от чёрного леса подальше. Его даже совесть не будет мучать, если он скроется завтрашним вечером – безусловно оставив записку княжичу. Тот должен понять, что у каждого свой выбор и степень ответственности.

Велизар им ничего не обещал.

– А тебя, я смотрю, приодели? – спрашивает Даян.

– Да, чтобы своими лохмотьями не позорил. А над причёской княжна Ладья старалась.

– Да, она это любит. Она мне тоже всякое плела пару раз на гостиных, когда виделись, хотя, казалось бы, из чего плести. – Он зачесывает пальцами недлинные рыжие пряди.

Они скоро подходят к двери в полуподвальное помещение, украшенной ветвями и красными лентами. Вывеска из куска заусенчатого дерева горит надписью «Упыря кровь».

– Это его пьют или тебя? – спрашивает Вел, и Даян коротко смеётся, словно птица кричит.

На скамейке около входа курят люди; они провожают их любопытными взглядами. Внутри царит приятный полумрак, а из музфона играет песня, что сейчас всюду слышится, про какую-то плохую девочку. Барышни за столиком поют её во всё горло. Кто-то приветствует герцога громко, но тот лишь натянуто улыбается.

Велизар усаживается за стойку и долго изучает яствопись в поисках, что по карману. На самом деле, по карману ему только воздух с табаком. Но герцог добродушно говорит, что он проставляется, раз позвал.

– Тогда мне «Ягопыль» и гренки с сыром.

– Даже не пиво?

– Пиво по горло уже, в моих краях пьют только его и водку.

Он даже не читает состав меселя²⁶, просто название напоминает о доме. Хотя из потомков Яги в Ягополе только затворник, которого никто никогда не видел.

– У нас среди молодёжи приколы ходят, как «рак на горе свиснет», только «ягерь появится», – рассказывает он, мягко пихнув герцога локтем, чтобы тот перестал бесцельно пялиться в стену. – А ещё шутки, что мы раньше сдохнем от нашествия навий, чем от чего-то ещё.

– Ты с гор?

– Нет, это чуть подальше от Южной Косы и Купальева. Небольшой городок, почти посёлок, деревянный. Там из перспектив – пьянство, завод и отдел связи при нём. Мама с завода, я со связи.

– А папа пьяница, – бормочет Даян, разглядывая полки с хмелем за стойкой, а потом осекается. – Прости, плохо прозвучало.

Велизар тихо смеётся.

– Нормально. В каждой шутке есть доля шутки.

– Хочешь откровенность на откровенность?

– Не буду врать, мне любопытно. – Вел усмехается, откидываясь на спинку и болтает в стакане месиво странного цвета. – Я не то чтобы, знаешь, знаком с дворянами. Не могу упустить возможность выпить с герцогом.

²⁶ Коктейль.

– Это я уже понял, – миролюбиво отвечает Даян. – Я сирота. Всё, что у меня есть, в общем-то, не моё.

– А имя?

– Моё первое имя – Даввет Росок. Я по роду нордгардец. Потом царь-батюшка дал другое, чтобы проще жить было, но это не мешало никому найти способ меня задеть.

– Сейчас угадаю, давалкой обзывали?

Даян улыбается.

– Скукота, скажи? Хотя в поздние годы школы ещё звали Морковным. Как сок. Там хоть какая-то фантазия, до этого ж дойти ещё надо было, – весело рассуждает он.

– Не боишься раскрывать тайны?

– Это не тайна. Каждый дешёвый вестник считают своим долгом назвать меня тунеядцем и лазутчиком. Да и не думаю, что ты можешь что-то сделать со знанием моих школьных прозвищ. Их просто станет больше.

Велизар прыскает, а потом залпом выпивает половину меселя. Он крепкий, травяной, и по рукам начинает течь хмель.

– Почему ты пошёл со мной? Ты же, вроде, с детства богатый, должен быть, как княжич. Я птичка не твоего полёта. Нет, лучше, – он важно поднимает указательный палец. – Я червяк, пока ты – птица. Во.

Даян заливается гоготом. Он вообще много смеётся и улыбается, даже не сказать, что неискренне или от дурачины; но как будто по привычке.

– Да ну. С одной стороны да, пропасть, все дела. Но мы ехали днём, и ты мне как-то сразу понравился. Простой, не стесняешься говорить, когда тебе позволяют. А простота – это роскошь. Либо передо мной выслуживаются, либо меня ставят на место.

– Трудности богатых, – фыркает Велизар.

– Я вот об этом.

– Я просто не ищу бед на голову, герцог. Ты, конечно, тоже можешь их устроить, если я зайду куда-то не туда, но ты не злой. Ну, наверное.

Даян усмехается и качает головой.

– Могу понять.

– Давай за знакомство и за простые пути, – предлагает Велизар, подняв стакан.

Они чокаются.

И стаканами, и головой, видимо одинаково растерянные среди нового – мест, событий, ощущений. Месель идёт за меселем, за пивом, за водкой и настойками – выбор тут приличный. Люди оглядываются на них, хохочущих и болтающих по пустякам друг с другом и с окружающими. Велизар не знает, нормально ли в столице курить у дверей с незнакомцами и герцогом, обсуждая цены на гречку, о которых Даян почему-то в курсе. Для Вела это что-то из выдуманного, из фильмов про неожиданные встречи и «ой, как удобно»-сюжеты. Вера в действительность так и не приходит.

Велизар решает её не ждать, да и с каждой каплей думать становится только сложнее. Он берёт Даяна под руку, тащит в толпу и втягивает в хороводы.

Кабак выплёвывает их утром, растрепанных и в край охмелевших. Все труды княжны над его волосами канут в лету вместе с опрятным видом. Ноги ноют от плясок и песен, а голова – от выпитого, но Велизар всё равно выхватывает самокрутку из чьей-то забытой пачки.

– Подбросить тебя? – спрашивает, еле ворочая языком, Росок.

– Не откажусь.

Через пару минут к ним подъезжает самоход обычного вида и цвета. В сравнении с металлической хтонью Аркаса он такой простой, что радуется глаз. Из окна высовывается водитель, сонно хлопающий глазами.

– Стёпа! Прости, Стёпа, – тянет Даян, криво обнимая его за шею. – Дякую, Стёпа. Велизар, это...

– Стёпа, я понял. Привет.

Водитель, тряхнув кудрями, поджимает губы в подобии улыбки и машет ему рукой. Во лбу, прямо над переносицей, у него сияет яркий камень аккуратным ромбиком – и хватает же ему. Он выглядит как мальчишка – явно младше Велизара; лишних вопросов не задаёт.

Они нелепо забираются внутрь машины и разваливаются на задних сиденьях. Степан сразу протягивает им небольшие склянки – внутри плещется жижа бурого цвета.

– Снадобье от похмелья, Даян, – говорит тот сипло и сонно, и Велизар, несмотря на огромное желание избавиться от ноющей головы, не берётся откупорить бутылёк сразу.

Даян же тут же выливает зелье в рот и морщится.

– Дорого, герцог, – бормочет Вел.

Для таких штук нужен доверенный целитель, готовый делиться своей кровью и не стремящийся тебя отравить. В снадобниках, что подешевле да попроще, продавались одни подделки, подменыши с искусственной кровью в составе, и они не давали даже половины пользы, которую могли бы.

– Считаю, что это приветственный подарок. В честь прибытия в столицу и с надеждой на сотрудничество в будущем.

Велизар качает головой, и тут же жалеет об этом – мир вокруг плывёт.

– Чем я могу помочь тебе? Не смейся.

– Был бы человек, а дело найдётся. Ежели ты не собираешься пока обратно в глушь. Тебя здесь никто не знает, и это может быть полезным.

Герцог не скрывает, что Вел может быть удобным, но не насаждает; шальная мысль цепляет сознание – Велизар бы поработал на него, если так смог бы остаться. Речь Даяна становится внятней, а кожа наливается цветом, будто они не пили всю ночь. Велизар смотрит пристально то на него, то на склянку и, вздохнув измучено, вытаскивает пробку. Склянка издает тихий хлопок.

– Я верну. Потом. Ты и так сделал мне много подарков, оплатив наш счёт.

– Как знаешь, – равнодушно бросает герцог.

Велизар, запрокинув голову, выпивает жижу. Та горчит и отдаёт кислым, и его чуть не выворачивает наизнанку. Но он заставляет себя проглотить её, глядя, как Даян уже бодро болтает со своим водителем.

Легче становится почти мгновенно – мысли проясняются и мир перестаёт плыть. Остаётся лишь общая усталость, с которой бороться можно только сном. Очень повезёт, если Аркас поднимет его хотя бы в восемь – часы идут к пяти. Было глупо уходить в отрыв перед огранкой, но больно привлекательным казалась мысль выпить с Даяном; а где один стакан, там и другой, и ничего не волнует.

Лекарство действует исправно, значит, он поспит без желания влить в себя ведро воды.

Самоход тормозит перед дворцом Ядвиговых, и Велизар выходит на улицу.

– Дякую, – наклонившись к окну, говорит он. – И за вечер, и за милость. Авось свидимся.

Велизар бы очень того хотел – свидеться; Даян дарит свободу в мире чужих и строгих людей. Вел тянется к карману и достаёт подвес с ловцами, а потом делит красный напополам и протягивает одну его часть герцогу.

– Возьми, вдруг пригожусь всё-таки.

Тот усмехается и принимает камешек.

– Решишь остаться – сообщи. И удачи с камнем, – вторит Даян самому себе.

Велизар кивает и пожимает им со Стёпой руки. Он стоит на дороге, наблюдая, как самоход исчезает между домами. И после ещё стоит, облокотившись на ограду моста, и дышит глубоко утренним воздухом. Город сонный и тихий – каждый звук делается громче в тысячу

раз. Когда Велизар заходит в дом, то старается пройти на цыпочках к лестнице, но в гостиной замечает княжну, которая пялится в стену пустым взглядом. Волнение тянет зайти.

– Уже проснулась, барыня? – полушёпотом спрашивает он.

Кажется, что Вел будит весь дворец.

– Не спится, – говорит она, даже не вздрогнув.

Ладья переводит на него уставший взгляд, особенно тёмный.

– Город давит? Елисей говорил, что с вами такое бывает.

– Не без этого.

Велизар перекачивается с носков на пятки, руки в карманы пихнув, и глядит на милую глазу, несмотря на утомлённый вид, княжну. Не отпустило его с вечера, хоть и забылось в хмеле. Есть в Ладье что-то от семьи отличное, делающее её так же недостижимой, как и привлекательной. А может, снадобье не убрало опьянение до конца, или он заблуждается, судя её по обёртке. Да и суждено ли ему разрешить сомнение, он пока сам не знает. Об этом ещё предстоит подумать, но завтрашним днём.

Но Велизар всё равно не может заставить себя уйти.

– Заплетёшь меня перед огранкой? Чтобы волосы не лезли. Даян сказал, ты это любишь, не сочти за дерзость.

Она слабо улыбается.

– Коли хочешь, сударь. А теперь иди спать, чтобы Аркас не причитал завтра всё утро.

Велизар радостно улыбается, довольный подколкой.

– Пойду, – говорит он ей и, поклонившись, покидает гостиную.

Из последних сил миновав лестницу, Вел падает на кровать усталым телом. Постель мягкая, словно он оказался в Яви. Полежать бы без сна подольше, чтобы прочувствовать её каждой мышцей, ведь такого больше ему не сулит. Но под вьюнами и терновниками как в божественных садах Тары морит без всякой возможности ощутить рубеж нового дня – и нового времени.

А оно кажется таковым.

7. Чем кончается темнота

Ладья смотрит на костяное солнце, висящее над постелью словно иноземные «ловцы снов»; оно подсвечивается лампой и горит почти как настоящее, судя по картинкам в книжках. Из окон веет ночной прохладой, где-то на набережной играет трубач. У рек всегда шумно – они сердцем города притягивают людей в любое время суток, и гомон ей вместо колыбельной.

Ладья поднимается и, сменив сорочку на простенькую рубаху, закидывает мешок на плечо. Дверь, спрятанная между столиком с накрашествами²⁷ и книжным шкафом, легко открывается одним поворотом ключа. Длинные петляющие коридоры кончаются узкой лесенкой. Порушка встречает её там, но ничего не говорит; они обмениваются понимающими улыбками. Служанка кланяется и бежит по своим делам, румяная. Сейчас в её помощи нет нужды – родители уже спят. Они думают, что её тянет к лесам, но её тянет в юность.

Свежий ветер бьёт в лицо и разгоняет марево тяжёлой головы. Обогнув главный вход за версту, Ладья оказывается на людной улице, полной веселья и неспящей молодёжи. Обмотавшись шарфом, она подходит к трубачу, которого слышала из окна, и бросает ему пару серебрянных. Тот восторженно ей улыбается и благодарит в спину, когда Ладья уже продолжает путь. Она старается убежать от тревоги, петляя мелкими улочками. Ей вспоминается снова и снова теряющий сознание Аркас, что крепкий всегда, как скала. Им бы побеседовать о чёрных лесах – брат их, конечно, видел.

Ладья чувствует тянущую усталость, что накрывает каждую осень, когда они возвращаются во дворец – бессилие и требование телом силы, которой не найти в грязной серой реке и дохлых травинках, проросших меж каменной кладки. Но у набережной всё равно легче, чем в каменных переулках, поэтому Ладья становится у ограды и дышит воздухом, вечно сырым, но тёплым в конце зарева. Она любит леса, но город – больше, если бы не удручающее ощущение слабости и оков, что удерживают её в доме.

Ладья мысли в голове катает кубиками для игры в кости: о чёрном лесе, о тоске по полям, о парнишке с именем «великой зари». Хотелось бы узнать, как эту зарю видели предки века назад и действительно ли она была яркая, как рассказывают. У Велизара восхитительные волосы, из которых впору сделать много красивых причёсок, неожиданно тёмные брови, а ещё интересная улыбка, немного смятённая и озорная. Было забавно делать вид, что она не замечала его внимания. Велизар словно ребёнок, пытающийся охватить все впечатления сразу.

Он смотрит очарованно, словно она чем-то отличается от других званных девушек, чьих снимков полно в Паутине. Пальцы до сих пор колет его поцелуй, неуверенный, но искренний; и смелый, даже слишком, для него.

– И как можно прятать такие волосы в хвост? – с усмешкой повторяет она.

Ей представляются на нём, как на кукле, разные укладки – косы, хвосты, пучки. Раздолье для рук. Если он останется и подпустит к ним, осень будет хоть сколько-то привлекательной.

Ладья вспоминает коляду с некоторой иронией – Порушка была бы в восторге от удивительных, почти сказочных поворотов.

Она не знает ни его мотивов, ни целей, да и брат сказал, что Вел надолго здесь не задержится; так не кажется. Елисей найдёт применение неизвестному парню из глубинки – и не только он. Никто не отпустит его с тайным знанием; складывается впечатление, что о чёрном лесе известно только им и немногим зевакам, любящим шарахаться по чащам.

Любая неразбериха сейчас помогла бы в собственных затеях; всё, что доступно в городе, это слушать людей и покупать сведения у Эдгара. Читальни и книгохранилища Ладья уже обыс-

²⁷ Косметика.

кала, но все данные о дамраках хорошо скрываются, превращаются в вековую пыль – кто-то их хорошо подтёр после восстания оных с десятков лет тому назад.

Остались только правильные статьи и спутанные, редкие заметки о тех днях в Паутине. Им нельзя верить – люди были в ужасе, а сети тогда только появились, и мало кто оставил там след.

Дамраки завораживали её с детства, когда их магию ещё можно было украдкой заметить на улицах. Волшба слова совсем юная и единственная выдуманная людьми. Она состоит из частей многих, что делает тёмных почти всемогущими, но отчего-то к ней редко обращаются. Она считается запрещённой, и с плакатов, как про вред веществ, на них смотрят люди с пустыми глазами. Настоящие причины по сей день неизвестны; статьи обещают потерю рассудка и ужасную смерть, но так пугают всем неизученным.

Ладья чутко прислушивается к ощущениям, но не замечает ни съехавшей крыши, ни ужасающей боли, и продолжает искать. Может, люди просто боятся дамраковой мощи и божественного гнева.

Она не использует темень направо и налево, лишь изредка позволяя себе окунуться в привлекательную вседозволенность, до тех пор, пока не найдёт способ лучше. Несчастные зачатки каменной волшбы погребены настолько глубоко, что при желании не достать уже, хотя, казалось бы, природцы могут больше, чем остальные. Учителя с гордостью говорят, что они отличаются от обычных колдунов особо тонким чувством; ведь волшба везде, она пятой стихией пронизывает мир. Некоторые из них овладевают властью и над природой, и над рудой, но к этому нужно привыкать с детства. Научиться простому, познав прежде сложное, гораздо муторнее.

То может занять годы; сила нужна ей сейчас.

Ещё Эдгар говорит, что и дамрак не стоит на месте, заикается о венцованных детях, помеси, которой всё дозволено с рождения. Тёмные живут среди них и где-то далеко в таборах, до куда почти невозможно добраться, создают семьи, меняют поколения. Мир меняется, и волшба подстраивается под время; его проходит слишком мало, чтобы она стала частью жизни, да и память о крови, пролившейся в столицах, ещё свежа, чтобы люди приняли тёмных обратно.

Ладья не может ждать. Ей нужна свобода и возможность себя защитить; летать хоть иногда над лесами вороном, не быть беспомощной, уйти из-под родительского надзора. Дамрак может всё, что угодно, и в словарях первородного языка, что пишется на коже чернилами, точно обнаружится слово «воля» или хотя бы «доверие». Ладья боится навредить им, хоть и раздражающим, но всего лишь недалёким, тщеславным родителям. Чтобы узнать больше, нужно поискать где-то за пределами изученного донельзя города.

Всё от тщеславия; и Ладья в пёстрых нарядах тоже от него.

Понять бы только, как колдовство тёмное всецело заполучить, а не обрывками надписей чернильных, что только разум путают, пока истоки пытаются с мраком бороться. Дамрак искусственный, и места в теле ему нет. Она тоже ещё поборется и, освобождённая от тревог и слабости, сможет начать жить.

Ладья не знает, чем заканчивается темнота; пока на горизонте нет той конца и края.

Она гуляет вдоль реки, пиная какой-то мелкий камешек, выбившийся из кладки. Они слабые, почти «нулевые» на волшбу, но почему-то в древоградах до сих пор предпочитают землю покрытию. Может, тянутся к природе и предкам, кто знает – надо спросить у Велизара.

Сон всё ещё не идёт.

Она садится на скамейку какой-то закрытой корчмы и разглядывает дом напротив; окна там почти не горят. В одном видится мужчина, застывший в одном положении со скруткой в руках; в другом ушами вертит кот. Ладья не мнит себя отличной от других, и беды её такие же человеческие, как и чужие. Может, мужчину оставила жена, или трудности на работе мучают

его голову. Даже коту, наверняка, не нравится стекло, за которым он сидит. Будто счастья и покоя совершенно нигде нет; Ладья подтягивает ногу к себе и кладёт подбородок на коленку.

Рядом садится сударыня, уткнувшись в простенький говорник. И у неё, наверняка, полно тревог, что мелькают частыми сообщениями на крохотном экранчике. Она всхлипывает, достаёт помятую пачку скруток, порывшись в сумке, и ей предлагает, но Ладья качает головой.

Слышится тихий вздох, а потом вдруг собственное имя.

Ладья оглядывается; рядом, заплаканная и похудевшая, сидит Соня. Узнаётся она не сразу – они виделись очень давно. Волосы у неё как будто другого цвета, тёмные, каштановые, и нет больше броских стрелок. Ладья не уверена, что правильно её помнит; образ затерялся в прошедшем времени, там, где темени ещё не было.

Карцева всегда шутила, что душа у Ладьи – потёмки, и котёнки тоже, на манер старого прикола из Паутины²⁸. Говорила, что она сама на буйного котёнка похожа, тыкала пальцем в экран со смешными снимками, когда они только просыпались на ночёвках.

И оказалась права, хотя Соня совсем не предсказательница, и даже не ведунья; закровка тоже, что творит над их головами залонку, когда начинается дождь. Ладья хмурится; память расцветает затерявшимся воспоминанием. Прохлада скользит по лицу и колет нос. Ладья оглядывается; странное чувство задевает все органы чувств – шум стогны становится громче, а здания вокруг перестают быть плоскими, словно картонки. Сливовое, тучное тебо кажется большим и далёким. Она и не заметила, как, погружённая в мысли, потеряла ощущение пространства – сколько уже месяцев назад? Капли над головой тонут в вязкой защите, застревают там, стиснутые волшбой. Вот и Ладья так же – мелкой, беспомощной каплей.

– Как дела? – раздаётся неловкий вопрос.

Ладья смотрит на Соню, что взгляд прячет. Та нервно бьёт по скрутке кончиком пальца, хотя весь пепел уже осел на мокрую дорогу.

– Давно не виделись с тобой, – говорит Ладья совсем не к месту и забирается на скамейку двумя ногами.

Соня усмехается, будто она сказала что-то смешное. Правда же, очень давно. На выпускном, кажется, и тогда – уже мельком. Ладья так устала, что не нашла сил провести там больше, чем положено, и уехала, как обычно, в усадьбу. А там уже и осень, после – зима. Она всё занималась чем-то, страдая от безделья, просматривала Паутину в поисках сведений о дамраке, выходила в свет по просьбе родителей. Они были несказанно рады, что она оставила дурь свою и перестала общаться с теми, кто ей не ровня. Не то чтобы из-за них; просто сложилось, что сообщения непрочитанными стали месяцами висеть.

Ладья не может ей ответить, как дела, заплутав в неожиданном незнании, как; обычно. Жизнь идёт своим чередом.

– А твои? – спрашивает она с внезапной стыдливой искренностью.

Соня так же не находится с ответом, качает головой только, подбородок поджав. Ладья, может, и догадалась бы, почему, но раньше – не теперь. Знала ведь всё о ней, о близкой, одной из немногих, с кем можно не прикидываться, а быть – мышками, каплями, лентами.

Случайная встреча тянет скорее уйти и спрятаться в стенах дома, чтобы не ощущать глупой, потрясающей растерянности от незаметного течения времени. Правда с кривдой не сходятся – это тоже Соня говорила раньше, а теперь не сдерживается и всхлипывает снова. Ладья мягко притягивает её к груди за плечо; заслонка исчезает, и дождь начинает накрапывать им на головы. Они не говорят, словно нечего больше сказать, но Соня прижимается к ней по-прежнему доверяющая. Ладья, может, и затерялась где-то в течении, но не сгнула там.

Она прислоняется щекой к тёмной макушке; лоб болит уже, как брови заломаны – Соня то и дело скользила мельком в мыслях всегда, будто никуда не делась, а прошёл уже год. Ладья

²⁸ Паутина – аналог интернет-сетей. Единая мировая система.

всё понять не может, как такое могло произойти – не ругались же. Она перебирает месяцы по очереди, и вполне неплохо помнит их, не сказать, что несчастные, но пустые. Не находится причины, как Ладья упустила потерю.

Из загадок уже можно собирать пирамидки – где-нибудь там, где некогда любимый город не мозолит глаза.

Соня проводит её до дома, смущённо, досадливо лишь рукой махнув на прощание, и оставляет Ладью в смятении, будто невероятно далёкая и чужая. В говорнике находится сообщение, оставленное без ответа ещё прошлой осенью. Нелепая картинка, вызывающая лишь вялую ухмылку; не потому, что не смешно – им всё было смешно. Просто становится худо – одеяло заставляет тело гореть, а его отсутствие оборачивается ознобом. Но Ладья всё равно отправляет в ответ улыбку.

Голова будто набита ватой; она подрывается от лихорадочных кошмаров, когда в состоянии вырваться из них и, глядя на лесистое костяное солнце над головой, утешает себя, что это временно. Она чувствует себя измученной, словно в городе природы стало ещё меньше, чем было раньше, и потокам не за что уцепиться – ни за реку под окнами, ни за сад неподалёку.

Ладья плачет, сжимаясь в судорогах, от собственной слабости, и смотрит, смотрит, смотрит на костяное солнце.

Спуск по лестнице дается невероятным усилием, но постель противна; губы уже слипаются от жажды, а в горле сворачивается противный ком. Она забивается в угол понеги²⁹ и подтягивает к себе ноги, зажимает чашку коленями. Ладья вливает в себя несколько кружек горячей воды, чтобы стало легче – пару раз за этим же спускается и Елисей. Он проходит мимо призраком, оболочкой мага, серый и взмокший. Они даже не разговаривают – взгляд брата пустой и безжизненный. Он раз за разом забирает две кружки и уходит к себе.

Город перестаёт шуметь и меняет радостный гул на сонную тишину – затихают музыканты, люди, самоходы. Мир сужается до размеров комнаты, будто за её пределами нет ничего, кроме серой мглы. Ладья наедине с немощностью и кошмарами сидит, не зажигая свет. То сбрасывает покрывало с плеч, вытирая пот со лба, то укутывается в него от дрожи. Воздуха не хватает, она задыхается, глядя в окно на бесконечно серое небо, которое занимает весь вид, словно кроме него действительно не существует мира.

Так ночь меняется на бесконечно серое утро.

Она слышит сквозь постепенно утихающий грохот сердца, как кто-то идёт мягкой поступью по коридору. Сначала Ладья думает, что это снова Елисей, или Аркас вместо него, но в гостиную заходит Велизар, порядком растрёпанный, будто бегал от разъярённых домовых полночи. Ночнушка и неприглядный вид не смущают, хотя будь здесь родители, то непременно пристыдили бы. Опрятность – последнее, о чём хочется думать, когда каждый вдох даётся с трудом.

– Уже проснулась, барыня? – спрашивает он.

Ладье нужно время, чтобы осознать вопрос.

– Не спится.

Нет сил объяснять ему мелочи, и она лишь виновато оглядывается. Велизар всё понимает как-то сам.

– Город давит? Елисей говорил, что с вами такое бывает.

– Не без этого.

Закров не спешит уходить, стоит поодаль, нервно покачиваясь и будто не зная, как закончить разговор. Но Ладью не тревожит его присутствие, лишь бы не дёргал её куда-то. Жар наконец начинает спадать, и сон накатывает постепенно.

²⁹ Диван.

– Заплетёшь меня перед огранкой? – в конце концов решается сказать Велизар. – Чтобы волосы не лезли. Даян сказал, ты это любишь, не сочти за дерзость.

А герцог всё болтает. Ладья улыбается, кажется, как-то криво, но не собирается отказываться – почему бы не посидеть после тяжёлой ночи, спокойно перебирая чужие пряди? Им лишь немного силы придать, и будут шёлковые, сечья перестанут. Лицо Велизара осунувшееся и бесцветное; не спасают от слабости никакие столицы. Но она его не уродует, лишь прячет очарование; Вел, наверное, красивый будет, если немного над ним поколдовать.

– Коли хочешь, сударь. А теперь иди спать, чтобы Аркас не причитал завтра всё утро.

Он одаривает Ладью светлой улыбкой, которая кажется чужой его лицу, но вполне искренней. Может, Велизар им ещё пригодится – ей бы хотелось. Хорохорится как взрослый, а на деле такой же юнец, как и она. В лишнее не лезет, ничего не спрашивает, а если и осуждает их, то незаметно, наедине со своей душой. Союзник бы не помешал.

– Пойду, – отвечает тот и кланяется прежде, чем уйти.

Забавный он, этот закров.

Ладья клюёт носом, допивая очередную чашку уже остывшей воды, и засыпает в конце концов прямо на понеге. Позже Порушка трясёт её за плечо и ведёт за руку в комнату, причитая что-то про гнев князя. Ладья для вида с ней соглашается и, завернувшись в одеяло, снова засыпает.

Порушка будит Ладью будто через минуту, но проходит больше трёх часов. Сил совсем нет, но встать всё-таки приходится. К тому же, она пообещала заплести Велизара.

– Знахарка уже пришла, барыня, – говорит Прасковья. – Ждёт всех внизу.

– Дякую, – тихо отзывается Ладья и через силу садится на постели.

Теперь костяное солнце словно смеётся над ней, хотя у него даже нет лица.

Вода немного приводит в чувство; Ладья долго стоит, пихнув руки под кран с горячей, и сонно хлопает глазами. Выглядит она из рук вон плохо, но хотя бы не одна: внизу будет собрание нежити вместо семьи. Только Агнии положено быть серой и мёртвой.

Порушка помогает и одеться, и причесаться, потому что руки от усталости дрожат и косы не получаются. Она делает косу попроще, а потом протягивает простой венец чёрный, без всяких изысков, под цвет рубахи. Приходится влезть в саян снова, хотя в обычные дни родители не имеют ничего против штанов. Елисей вернулся домой, и это из праздника превращается в важную встречу, словно он не меньше, чем царь.

Они, на самом деле, просто хотят найти повод, чтобы просить его остаться здесь, а Агнию отправить в Избушку. Порченная её волшебство или нет, родители считают, что, пока сестра жива, её место там. Пренебрежение желаниями детей – их любимое занятие.

Ладья спускается вниз и наблюдает любимую картину – все, даже Велизар, которого не перемалывает столица, выглядят одинаково страдающими и истощёнными. Это не должно радовать её, но единство греет душу.

– Утро, – говорит она без всякого желания называть его добрым.

Велизар оглядывается на неё и снова на мгновение замирает.

– Прекрасно выглядишь, княжна, – говорит он, дёрнув уголок губ смущённо.

Начинает казаться, что за пределами столиц не то что нет красивых девушек, а нет девушек вообще. Она улыбается.

– Мы все одинаково хреново выглядим, – отвечает Ладья, чем вызывает ужас знахарки, престарелой Алевтины Ивановны.

Она давно служит их семье, но никак не может привыкнуть к своевольности и острым языкам младших. Знахарка распахивает глаза и смятённо отворачивается. Аркас прыскает.

– Что правда, то правда, – говорит он, поглаживая Елисея, прикорнувшего на его плече, по спине.

Брат совсем плох – она видит каждую косточку, и морщинку, и сухие потрескавшиеся губы, и синяки под глазами большие и тёмные.

– Пусть Алевтина Ивановна начнёт с вас, я обещала Велизару сделать волосы.

– Какие дела, а вы уже закорешились? – ехидничает Марьев. – Мы пропустили что-то? Причёсочки делаете, скоро включите кино на подростковых волнах, намажетесь масочками и устроите бой подушками.

Ладья цокает и легонько бьёт его по плечу, а потом садится на понегу рядом с Велизаром. Она резким движением разворачивает его спиной и, отделив несколько прядей сбоку, начинает плести косу. С чужими волосами легче управиться. Отстранившись от окружения, она выверенными движениями перекидывает их друг через друга под тихие разговоры.

Ладья каждым пальцем чувствует грубость чужих волос, что рассыпаются в руках, длинные, по ощущениям, бесконечные – она молчит и глубоко дышит, пока гребень не прочесывает каждый колтун и последняя резинка не связывает косу. Она любит свои труды – косички, свитые у висков, превращают его в альва³⁰ из нордгардских сказок, в пору острым чертам лица. Велизар же тянется за зеркалом.

– Прикольно. – Он довольно улыбается.

Ладья, кивнув, поднимается и наконец подходит к знахарке. Дышать становится легче, но усталость никуда не уходит. Она протягивает знахарке руку. Алевтина Ивановна протирает ладонь спиртом и обезболивающим, а потом делает аккуратный надрез поперёк линии жизни. Он не болит, но ощущение лезвия, распарывающего кожу, вызывает тошноту.

Что-то не даёт отвести взгляд, и она смотрит, как из надреза сочится кровь. Алевтина Ивановна дрожащей сухой рукой обхватывает её ладонь и прикрывает глаза. Жаркая волшба инородным телом бьётся под кожей, толкает вены, будто они ей тесны. Колдовство прокатывается волной и, достигая плеча, расходится по всему телу как по ветвям великого дерева. Ладья вздрагивает, запрокинув голову, и стискивает зубы; в исцелении нет ничего приятного, кроме последствий.

Проще выпить зелье, или чистой знахарской кровью полить раны, но это быстрая, грубая сила, часто оставляющая шрамы, и спасающая внешнее, но не внутреннее.

Волшба стремительным потоком поглощает вены, как в кинофильме, что Ладья смотрела когда-то. Ей нравится представлять, как волшба подобно бессмертию стягивает даже самые мелкие раны, как волосы наливаются цветом, силой и сходит бледность лица. Она чувствует: спина перестаёт болеть, сухие губы становятся мягче. Колдовские потоки очищаются и впускают зачашую волшбу городской природы. Ладья чувствует себя сильной на короткое мгновение – действительно бессмертной. Она чутко следит на путём исцеления, пока оно не заключается в пальцах, замыкая круг.

Рука знахарки исчезает – после не остаётся и следа от раны.

Ладья сидит с закрытыми глазами ещё пару минут, а потом уступает место последнему лечимцу. Велизар несмело поднимается с понегу, сомневаясь в дозволенности, но Елисей кивает с мягкой ухмылкой. В его щедрости видится умысел.

Ладья вместо того, чтобы гадать, встаёт позади Алевтины Ивановны, чтобы посмотреть со стороны, как человек, никогда в жизни не прибегавший к знахарству ради красоты, будет меняться. Она желает взглянуть на чужое секундное бессмертие.

Велизар оглядывается боязливо по сторонам, когда знахарка берёт его худую, немного побитую ладонь. Видно, как он старается не дрожать, стучит по полу ногой, спину выпрямляет

³⁰ Альвы – существа в скандинавской мифологии, обычно считающиеся добрыми и духовными; часто то же самое, что и эльфы.

в струну, хотя обычно гнётся запятой. Алевтина Ивановна нетерпеливо дёргает его за пальцы, чтобы перестал. С уст срывается смешок. Ладья ободряюще улыбается Велу; как с маленьким ребёнком играя в прятки, она закрывает глаза ладонью с намёком. Велизар, ухмыльнувшись, следует её совету.

И снова происходят чудеса.

Кровь алеет на его ладони чуть рваной раной, потому что он всё-таки дёрнулся. Но поджатые губы понемногу расслабляются – Вел ловит то же чувство.

Ладья чутко следит за путём исцеления.

Кожа розовеет, а синяки на ключицах стремительно желтеют и исчезают насовсем. Знахарка хмурится в усилиях – с княжичами легче, они повторяют это несколько раз в год. Велизар же сильно потрёпан, однако ей удаётся убрать голодную впалость щёк и глаз, а выразительные, чувственные губы становятся пухлее. Ладья наблюдает нежную, степенную волну, что красит волосы в здоровый, платиновый оттенок, словно художник ведёт по холсту кистью вторым слоем, убирает осечки и тщательно работает над кудрями, чтобы те идеально лежали на груди. А ресницы не нуждались в покраске.

Ладья видит, сколько сил нужно знахарке, но та продолжает с упрямством творца, с юной бойкостью доводит до совершенства своё создание, делом принципа и силы. Алевтина Ивановна сидит над ним очень долго, корпит до тех пор, пока из невзрачного болезного паренька Велизар не становится красавцем, здоровым и мужественным. Он по-прежнему худой, и скулы выступают над щеками – волшебство не может исправить всё. Она не двигает зубы замест скоб, и не обращает вспять старение, но помогает, хотя бы немного, быть лучше.

Вел опускает руки на колени аккуратно, будто боится сломать собственную выдумку; сидит в полной тишине, лишь губы облизнув, и нервно, рвано дышит. К тому времени они остаются в гостинной одни. Он медленно открывает глаза: чёрные, как ночь на севере, как соблазнительный бескрайний мрак. Их, глубокие и прекрасные, тоже прятала слабость.

Ладья не может оторвать от них взгляда: даже под ответным и нерешительным чужим.

– Потрясающе, – шепчет она едва слышимо.

Ладья с восторгом ребёнка хочет увидеть его первый взор на себя самого. Мягко погладив по плечу ворчащую знахарку, она идёт за Велизаром тенью на верхние этажи. Он замирает у зеркала, долго и молчаливо бегаёт взглядом по своей фигуре, а потом нерешительно ведёт пальцами по щекам, зарывается в волосы, свободные от кос.

– Выйди, милая княжна, – просит он стыдливо. – Я сниму рубашку.

– Здесь никого нет, – спокойно отвечает она. Вел, на миг замявшись, нехотя покоряется её воле.

Срамно наблюдать за малознакомым парнем, когда тот полураздет, но уж больно любопытны пределы знахарского могущества. Ладья лишь немного лукавит.

Велизар робко кивает и взгляда с отражения не сводит, скинув рубашку с плеч – в нём нет гордыни или самолюбования; только безмолвное восхищение чужой работой. Он, худой и сухой, вытягивает шею, будто впервые ощутив мышцы. Ладья замечает на груди простенькие металлические шарики, проколы бесполезные, которые стали ходкими у ровесников. Те потёртые и не отдают почти никакой магией, но добавляют остроты ему неброскому виду.

– Нравится? – спрашивает она озорно, подняв глаза смущённо на рисунок выюнов и терновника на потолке.

Там нет ничего нового и хоть сколько-то интересного; она видит его всю жизнь на потолке своей спальни, но кусачее тепло пробирает тело. Ей всего двадцать, она одинока и невинна, но продолжать смотреть было бы пошло, чего бы ей, скукающей, ни хотелось.

– Я никогда не был... – Велизар теряется в словах, – таким. Как она исправила годы так скоро?

Ладья мягко улыбается.

– Чудеса, – говорит она и добавляет серьёзно: – Но это не навсегда, Велизар.

– Я знаю, – тоскливо отвечает он. – Но меня как будто перезапустили. Как будто я начинаю с нуля.

– Цени это.

Велизар кивает и, едва ли в силах оторвать взгляд от зеркала, и возвращается в гостиную. Он тихо и чувственно благодарит Алевтину Ивановну, глубоко ей поклонившись; в лице видится что-то страждущее.

– Я скоро вернусь. Не уезжайте, пока я не приду, ладно? – просит Ладья и направляется к себе.

Она знает, чем покажется жест, но, быть может, Велизар и сейчас поймёт её верно. Он кажется милым, гораздо более интересным, чем думается на первый взгляд. В своём городе Вел, вероятно, посредственный – но отличный от всех знакомых. Ладья не может объяснить, почему открыта с ним. Отец никогда не позволит простолюдину быть ей даже другом – у Сони хотя бы мелкий чин есть. Бессмысленные предубеждения преследуют Ладью всю жизнь, но надежда, что однажды родители устанут бороться, ещё живёт.

Велизар глупо нравится ей.

Ладья копается в шкатулке с кучей мелких бесполезных камушков – Марьев отдал ей эту труху, расщедрившийся в хмеле. Они могут пойти только на сплавы сомнительного влияния и на всякие украшения, так что он ничего не потерял. На дне находятся пару кусочков красивой руды, что переливается разными оттенками сливового и синего. Она сжимает камешки в руке и спускается вниз торопливо – Аркас и Велизар уже стоят на пороге.

– Держи. Поменяй себе проколы. Они ничего тебе не дадут, зато красиво будет. Да и знаешь – в каждом камне.

Велизар удивлённо смотрит на её раскрытую ладонь и усмехается.

– Есть доля камня. Дякую, княжна Ладья. Я всё верну, – бросает он, сунув их в карман.

– Не нужно. Они ничего не стоят, – говорит Ладья вдогонку.

Вел отмахивается, на миг задержавшись на пороге.

– Я должен вашей семье гораздо больше, – отвечает он и, слабо улыбнувшись, исчезает за дверью.

Спорить здесь не о чем – коль не Елисей, то Аркас, жадный делец, точно задержит его.

Тяжёлые двери открываются с грохотом и впускают в светлицу, где уже ждут родители. Они пристально осматривают всех, будто год не видели. У мамы на губах играет извечная невинная улыбка; её взгляд всегда полон безусловного доверия к миру. Ладье даже жаль её, ведь однажды что-то предаст эту веру: единственное постоянство – перемены. И они наступают – на пятки ли, на шеи – уже всюю.

Строгость привычно уродует лицо отца, неуместным, искусственным гонором. Родители не плохие люди, только излишне волнуются о мнении окружающих. Ладье кажется порой, что они в страхе так же ищут взрослых, что погладят их по голове и дадут совет. Но потом отец ждёт поклона, а мама с смотрит неодобрением, поддерживая его.

Они с жалостью и разочарованием глядят на Агнию, и с большим – на неё. Не злым, но печальным, как будто им запрещено чувствовать что-то иное, и несуществующий взрослый будет ругать за «слабину». Ладья подбирается, направляет носки туфель ровно вперёд, покорно сложив руки на животе; тело само принимает удобную им манеру и гнётся в поклоне. Злые слёзы сворачиваются комом в горле – она точно обученная зверушка.

– Доброго здоровья, дети, Аркас, – кивнув, говорит отец негромко.

Его степенный голос расходится по просторной комнате.

– Елисей.

Тот, сложив руки за спиной, делает несколько шагов вперёд и мягко улыбается.

– Рад видеть тебя дома, – оттаивает отец и, приобняв, хлопает его по спине. – Кафтан тебе к лицу.

– Коли ты так считаешь, отец, – отвечает Елисей уклончиво.

– Как обстоят дела? Как добрались?

– Избушка здорова. Топчет землю, – тихо посмеивается Елисей. – Граница в порядке. Добрались нормально, но нас шайка упырей встретила средь бела дня, представь?

Мама испуганно прикрывает рот рукой, будто Елисей маленький мальчик без волшбы.

Отец меняется в лице; в его чертах проскальзывает суровость.

– Аркас, подойди, – цедит отец и поджимает губы.

Марьев шумно вздыхает и, расправив плечи, вольно выходит вперёд.

– Как это случилось?

– Не знаю, барин. Сами удивляемся.

Ладья переглядывается с Елисеем, и тот встаёт рядом с Аркасом, голову гордо подняв. Он выдерживает строгий взгляд отца и говорит:

– В лесах беда. Тень нашла, князь, – подчёркивает он звание, обращаясь к нему как к члену правительства, а не к родному отцу. – Там нет волшбы, а ту, что рядом оказывается, она забирает. С нами был герцог Росок, он ощутил влияние чёрного леса на себе.

– И как это касается тебя? Твоё дело – Изба. Никак не шарахаться по лесам.

Егор немеет на миг от возмущения и вспыхивает в следующий:

– В смысле, «как это касается меня», отец? Я – природец, а эта херня леса жрёт!

– Не выражайся при матери! – гаркает папа. – Аркас, как ты вообще допустил, чтобы он пошёл туда? Ты должен был охранять его.

Елисей озадаченно оглядывается на Марьева, хмурится и отстраняется в недоверии.

– Я не соглашался, барин, – твёрдо заявляет Аркас. – Елисею не нужна защита, а у меня есть работа. Я держу ответственность перед государем. Моё звание есть ваша воля, – разводит руками он и одёргивает жилетку.

Елисей заметно расслабляется.

– Ты уже не мальчик, понимаешь, что твоё согласие или несогласие – лишь условность. Ты должен охранять его, дьяк.

– Он ничего не должен, – цедит Елисей. – У нас за городом чёрт пойми, что творится, и беда накроет всё Царство, если оставить, как есть. Что дальше? Упыри будут обедать сельскими детьми?

Отец тяжело вздыхает и отводит взгляд, причитая себе под нос.

– Ты не веришь нашему царю, Елисей? – подаёт голос мама. – Коли царь-батюшка ничего не говорит, то и волноваться не о чем.

Ладья прикрывает глаза, чтобы не выдать тоски; наивная вера, что кто-то другой исправит катастрофу, вызывает злое отчаяние. Особенно, если беда их не касается – ведь чувствуют перемены только дети. Отец всегда был посредственным слегодом³¹, а мама, волонья, тратила силу на то, чтобы перевесить в доме картины и подвинуть мебель. Места в Большом Совете они держат за фамилию – родной мамы уже давно нет вживых. Ладья её совсем не помнит, и потому забывает иногда: Раде чуждо понимание, что такое быть блаженным. Иногда думается, что им завидно. А ведь они, по меньшей мере, получили высокородное имя, оставшееся от мамы настоящей, наследницы Избы – дарёному коню не смотрят в зубы.

– Вам действительно не о чем, – сердито говорит Елисей и поджимает губы, а после разворачивается и уходит прочь.

³¹ Слегоды – колдуны, влияющие на температуру и, как следствие, на агрегатные состояния вещей.

Отец окликает его недовольно, но сдаётся, когда не получает внимание. Он безвредный, как мелкий жук, ругаться с Елисеем не станет. Припомнит потом, понимая, что перед сыном слаб, и всё на этом – нужно лишь научиться терпению. Брата, конечно, заденут его слова, ведь он всегда был любимцем, но Ладья привыкла пропускать их мимо ушей. Хотя до сих пор, отчего-то, вытягивается в струнку при встрече с отцом. Тот нервно теребит обруч на запястье.

– Позволишь? – спрашивает Аркас и, поклонившись, идёт следом.

Ладья не задерживается – о её делах родителям известно. Лишь бросает напоследок на Агнию сочувствующий взгляд. Они снова заведут разговор о замужестве, раз она не едет в Избу. Родителям нет дела, что традиции давно отмерли, от Агнии у Избы будут беды, а сестра – одна из самых известных устроителей приёмов в столице – зарабатывает едва ли меньше них. Так будет правильно в глазах общества – ослабевшая княжна находит пристанище в браке.

Ладья накидывает куртку на плечи и спускается по чёрной лестнице. Если бы родители согласились помочь, то вряд ли смогли бы. Их никто не воспринимает всерьёз. Тьма поглотит горы, и тогда они вряд ли начнут мыслить здраво – ведь на всё воля богов.

Придётся самим, как всегда, и она начинает с малого. Ладья не знает, как ощущается чёрный лес, но знает, у кого спросить об этом.

Даян опаздывает, сославшись на дела; наверняка просто отходит от весёлой ночи. Он чересчур беззаботный для своего места, но герцогу всё прощают. Зачем-то государь держит его, чужого и бесполезного, рядом. Может, князь Велецкий настаивает – тот играет Даяном как безвольной куклой и таскает его за собой, как ручную собачонку. Ладья мало знает о том, что происходит в Совете, но у некоторых званных есть отвратительная привычка болтать лишнего на разных интервью.

Может, поэтому герцог и пьёт; мало кто способен трезвым выдержать давление. У каждого свои причуды, и не ей судить, что у Росокоса за душой. Он может рассказать о чёрном лесе то, что больше никто не сможет – и опоздание становится пустяком.

Герцог заваливается в лавку, запыхавшийся и растрёпанный, но выглядит хорошо, словно не пил всю ночь. Пристрастие Даяна к выпивке известно всем, но тот мало того, что не стыдится, но и чудом избегает разборок. Росокос отмахивается и с улыбкой называет себя ценителем. Правды ради, Ладья ни разу не видела, чтобы он пил что-то дешёвое и гадкое.

Он приглаживает волосы и старается отдышаться, а потом кланяется. Кроме них в книжной лавке никого нет, но Даян всё равно держится на почтительном расстоянии.

– Удивила приглашением, княжна. Позволь, к делу, – говорит он спешно. – Вряд ли ты решила позвать меня на свидание.

Ладья усмехается и стучит в служебную дверь рядом. Через мгновение оттуда вываливается Эдгар с кипой книг и бумаг в руках. Он смотрит на неё и улыбается, поправив шляпу.

– Давно не видно тебе, кн-яшна, – произносит он с привычным геферским говором. – С-сам херцог ко мне пошаловал, чудес-са, – шипит он. – Ну проходите, вы же определ-ённо не купит-ть книг.

Он касается одного из изданий, и видимость книжного шкафа рассеивается, открывая им проход в небольшую каморку. Эдгар оглядывается с довольной улыбкой и, чинно поклонившись, пропускает их вперёд. Герцогу приходится наклонить голову, чтобы не удариться о проём.

– Зашем пришли?

Даян смотрит на них растерянно, а потом протягивает книжнику руку.

– Виконт Эдгар Гатри, ведун, к твоим услугам, херцог, – елеинно тянет Эдгар. – Рад виду. Приятно видеть кого-то столь же чушой.

Росоков поджимает губы и говорит негромко:

– Я живу в Родославии уже больше пятнадцати лет. Зачем мы здесь, Ладья?

– Ты единственный, кто ощутил чёрный лес на себе. Эдгар – сильный маг, и я хочу, чтобы вы подобрали самое близкое к тому чувству под его влиянием. Никакого реального вреда он тебе не нанесёт.

Даян сомневается – ищет взглядом то ли помощь, то ли выход, но в конце концов вздыхает.

– Давайте, – нехотя соглашается он.

Герцог, не терпящий неудобств, непременно боится черни в лесах так же, как и они. Он протягивает Эдгару руку, и тот коротко смеётся.

– Мне не нужна рука, херцог, чтобы одуришь тебя, – говорит он с игривой угрозой и упрямо на Росоква смотрит. – Расскас-ши, как это б-ыло.

Даян морщится и пытается отвести взгляд, но у него не получается, как ни старайся.

– Как будто у меня отняли силы, волшбу, всё. Боль ужасная, я чуть сознание не потерял, – цедит Росок, с каждой секундой хмурясь только сильнее.

Эдгар жуёт губы под кустистыми усами, и требует:

– Закро-й глаза и перес-стань слушать.

Просьба нелепа, но Даян, боязливо дёрнувшись, взмахивает пальцами. Он знает, что боль – это тело, и ведунам неподвластны разумы, чтобы заставить её ощущать. Герцог – напыщенный пьяница и слуга, но не дурак.

– боль, – раздаётся змеиным шипением.

Желваки ходят, настолько сильно Даян сжимает челюсть, терпит страдание, что навязывает Эдгар. Плечи герцога ссутуливаются, и слёзы срываются с ресниц, но он не просит остановиться. Ладья нервно переминается в испуге, сжимается, наблюдая за его мучением; ужасает, что слабость ворона оказывается лишь малой долей губительности тех мест.

Глаза Даяна в ужасе распахиваются, и он безудержно кричит; от писка трезбежит в ушах. Он проскакивает все частоты сразу, потеряв контроль над голосом, гибким, словно вода, по своей природе. Лопается стеклянная ваза, трещинами идут дверцы шкафов. Ладья отшатывается, закрыв уши; герцог приваливается к стене и загнанно дышит.

Эдгар растерянно тупит взгляд и проводит рукой по густой щетине.

– Если ваш ш-ёрн-ы-й, – он собирает буквы, как кубики, в одно слово долго и ругается, – лес — это так, то будут проблемс.

– Сделай мне, – выдаёт Ладья, едва оправившись от писка в ушах.

– Нет! Нет, – по-прежнему задыхаясь, хрипит Даян, но она отмахивается.

Боль сбивает с ног мгновенно; Ладье кажется, что она – песок в часах, что она – ничто, агония без тела. Она не может дышать. Пальцы сводит судорога – Ладья пытается вцепиться в стол, но всё равно падает в слабые руки герцога. На миг взгляд застилает темнота, из которой она выныривает как из водной толщи.

– Прошу прощения, – глупо извиняется Ладья, соскребая себя с пола на стул невероятными усилиями.

Эдгар садится в кресло напротив и, сложив руки в замок, долго молчит. Даян даже не предпринимает попыток встать – сидит, привалившись к стене, разметав полы кафтана по полу, и редко на неё поглядывает.

Виконт прав – если золистый кошмар ощущается так, то они все сгинут. Зато у неё будет шанс переродиться мышкой – эта мысль некстати лезет в голову вместе с десятком других, лихорадочных столь же. Дамраковы слова на рёбрах горят, будто пытаясь перебросить её из тела без указа – в оконную раму, в ручку на столе, в книги. Просят её стать костью над кроватью и больше не чувствовать и не думать – сменить существо вовсе.

Но сейчас в кругу любопытных глаз она не может позволить отдать часть себя вещи. Ладья не готова делиться тайной с герцогом – впрочем, не готова ни с кем, кроме тех, кто её марают. Разве что Велизар смог бы понять её мотивы, такой же ищущий и слабый. Тот сейчас идёт, наконец, к свободе; у него за душой, наверняка, долгая и мучительная история.

Ладья грезит о свободе, но не надеется на неё. Она берёт со стола бумажку, и, вздохнув, неровно поднимается. В ящичке лежат бутылки; с виду это обычные чернила, чёрные да красные, а рядом палитра, которую Ладья тянет следом. Она работает с Эдгаром давно, и её кровь в одной из склянок красит стенки: чернила смешиваются с кровью на доске. Слово не высыхает на бумаге, а остаётся влажным, похожим на желе, и переливается загадочным блеском. Гатри усмехается, глядя на записку, зажатую у княжны между пальцами. В нём нет злобы, даже малейшего раздражения. Только довольная насмешка, когда он скидывает пиджак фрака и вычурную рубашку на плечи.

– Прошу, если найдёшь место, – говорит. – Сколько дашь?

Водить знакомства с торговцем тайнами очень удобно. Он по нежной дружбе не станет передавать сведения о ней и может помочь в случае чего. Жаль только, что всё известное о дамраках уже продано Ладье или кому-то другому. Он не может проронить ни слова больше, даже если бы хотел, а остальное – бабка надвое сказала. Эдгар никогда не торгует тем, в чём не уверен – само благородство.

– Пять золотых устроит?

– Нормально, – соглашается Гатри.

Даян кривит губы, взглянув на него исподлобья.

– На себя ставить не дам, – цедит он зло.

Виконт улыбается, как сытый кот.

– Не нушно. Если ты расскаж-ешь, то хуш-е будет тебе, – тихой угрозой говорит он.

Кто бы ни стоял за ним, Эдгар знает своё дело.

С тёмной магией всё непросто – она сходит за обычную наколку, и потому имеет такую форму. А там уже несправедливые обвинения, показательная борьба с бандами и группировками тёмных – всё это вызывает только усмешку. Там, где убирают одних, тут же, как плесень, возникают другие.

Так уже было однажды и будет ещё – когда их станет слишком много. Даян должен помнить то время лучше, но спросить его Ладья не решится, ведь князь Велецкий всегда где-то за его спиной. Пока герцог знает, что она прибегает к дамраку на других, а не на себе, как делают многие богачи и, возможно, малодушничает он сам. Пусть так оно и остаётся.

Вся спина Эдгара запятнана чернилами с одним бесконечно повторяющимся словом. Язык магии – первородный язык, что пришёл вместе с богами. Обмануть его не получится – на любой земле он будет понятен, меняясь от места к месту. Он кривой и нескладный, ему не учат в школах. О нём всегда молчат в надежде, что никто не найдёт старые словари, но знающим щедро платят. Первородный язык прост: у него нет падежей и времён – только волшба и пожирающая власть.

Всюду на спине Эдгара написано лишь слово *млчати*. Молчать о детях, молчать об измене, молчать о сумме – Ладья цепляет разные концы клятвенных приказов. Это не удивляет – Эдгар сам соглашался на все эти сделки, – а вот Даян выглядит искренне печальным, глядя на следы, беспорядочно разбросанные по плечам тысячей почерков.

– Многие ис них навсегда останутс-я со мно-й, – говорит Гатри в тоскливой тишине. – Их авторы никогда боле не придут. Боят-ся. Самих себ-я больше, чем мен-я. Но ни-чего, это не слошно. Мол-ча-ть.

«*Млчати вечер 19 зарев 1537*» остаётся на его коже. Цифры выбиваются из общей массы слипающихся букв. Эдгар вздрагивает и, тяжело вздохнув, накидывает рубашку и фрак обратно на плечи.

Даян поднимается устало и стремится поскорее уйти, но останавливается на пороге и оборачивается в ожидании. Учтивый и обходительный, он не может позволить сударыне идти по вечерней темноте в одиночку, конечно – есть в нём что-то кроме пьянства. Ладья принимает помощь, не считая себя вольной распоряжаться чужим временем, и, опасливо выглянув из дверей лавки, ступает в ночь.

8. Горный король

Даян жадно хватает воздух, вывалившись на улицу из книжной лавки. Усталость глухо бьёт по голове и к земле тянет. Он чиркает зажигалкой и скрутка в зубах начинает тлеть. Ладья долго глядит на него – напоминает о девушке, что игриво ловила понимание причастности. Даян озирается, будто может увидеть её, подсознательно и бессмысленно. Незнакомка найдёт его сама, когда заблагорассудится, но он не хочет поддаваться течению времени. Узнать бы всё, лишь ради успокоения; чтобы ничто не могло неожиданно-негаданно зацепить.

Во взгляде Ядвиговой озорства нет – только виноватая печаль, что колет грудь неестественно.

– Такое творится, княжна, – вздыхает Даян, отгоняя бредовые мысли.

И правда: «так-о-ое», – хочется завывать. Он никогда не думал, что дамракову магию искоренили совсем и навсегда; все люди страстны. Чернила дороги; цена останавливает многих. Цена и вера. Но странно видеть чернь на пальцах Ладьи, лишь волей удачи в былых смутах не пострадавшей. Чернила есть и у Бреслава; такой расклад несколько напрягает, но не удивляет, вопреки, хоть князь и стоял в первых рядах, когда подавляли мятеж тёмных.

Велецкий всегда говорит, что без меры и воздух – яд; разница между ним и теми, кто поднял бунт, в мере жадности. Даяну кажется, что разница в страхе. Так или иначе – это не дело его ума. Пока княжна никому не вредит, пускай.

– Прости, что заставила тебя снова почувствовать это, – тихо говорит она, опустив взгляд.

Даяна передёргивает от памяти ощущений; слёзы до сих пор чудятся на щеках.

– Если не найдём причину, то все будут на моём месте, – Даян пожимает плечами и выбрасывает окурок.

Всюду вода, лужи, а воздух тяготит сыростью. Заметно холодает. Город окутан вечерней мглой, и переулок, где они стоят, кажется страшнее. Всё теперь напоминает о черноте леса, будто и мрак улиц может сожрать без остатка, оставить обглоданным и бездыханным телом на тёмной-тёмной земле. Даян не знает, что будет после бедствия – перерождение или конец времён. И от того, и от другого кровь стынет в жилах. Даян не желает ни отстраивать, ни погибать – впереди вся жизнь, которую он хочет прожить хотя бы так, как сейчас.

– Пойдём провожу, время позднее, – говорит он и поворачивается к темноте улицы; вдалеке видны огни стогны.

Если долго говорить с тьмой, однажды она вам ответит – такая есть поговорка. Но будут ли это хорошие слова?

Ладья неспешно шагает по улице, будто та совсем её не пугает. Может, это Даян ищет во всём ужас, впечатлившись событиями последних дней. Ворона из него получилась бы отличная – каркать умеет; будто сама вселенная мысли понимает неправильно и видит в них желание испытать что-то ещё.

Навстречу, стоит им отойти от лавки, идут трое мужчин маргинального вида, неопрятные и охмелевшие. Даян делает шаг вперёд, оставляя княжну за плечом.

– Вы от змеёныша? – хрипит тот, что покрупнее.

Даян наклоняет голову, нахмурившись.

– Простите, судари, я не понимаю.

– Ну этот, хер, лавку якобы книжную держит. Да видели мы, что оттуда, не отпирайтесь, – фыркает он и плюёт под ноги.

– К чему тогда спрашиваете? – огрызается Даян, поморщившись. – За такое получить можно, знаете?

Он себя ругает тут же; дерзить мужикам не стоит. Им ещё мордобоя не хватало. Пьянка, боль и драка – неотъемлемые части лучшего дня.

– А ты чё борзый такой, а, пугало царское? Герцог, смотрите на него. Да если б у нас все бедные сиротки отсталые твоё место держали, так полцарства царями бы были, – насмешливо горланит крупный. – А господарь знает, что ты промышляешь гадостью чёрной? Но ничего, мы лавочку этого великого слепого прикроем и погань вашу иже с ним.

Мужик руки в кулаки сжимает и подаётся вперёд, замахнувшись; Даян едва успевает повода звуков схватить ладонью и удар ботинком о землю превратить в грохот, эхом разошедшийся по переулку. Пьянчуга теряет равновесие и пятится назад, а Даян даже не вздрагивает, только от звука морщится. Благо, никого нет больше на улице, и до стогны далеко – иначе завтра вся столица бы знала об их делах.

Обычно к званным не лезут, все ходят без охраны, в отличие от знаменитостей; люди боятся государева гнева. Но некоторые как за чарку, так и за драку – от всего не спасёшься.

Ладья отходит назад мягкой поступью лазутчика ли, лисы ли, с ловкостью царской ищейки. Хотя так должен вести себя Даян, но ему хватает одной, причем сильно заметной колдобины, чтобы потерять волны.

В его силах – или в несостоятельности мага – есть одна загвоздка: пока все машут кулаками, он музицирует как дурак. Хоть оно и выглядит, как дивная сцена из кино, но часто выходит ему боком; и сейчас. В голове от удара в нос шумит. Есть толк в желании Аркаса скорее стрелять, чем творить колдовство – грубая сила бывает полезной.

Даян подскакивает, но не успевает ухватиться за любой звук – шуплый полурослик, ударивший его, замахивается снова. Перекатившись, он отскакивает к стене и хватается за кистень³² с тремя «ежами», спрятанный под ферязью на всякий случай. Шипы, хоть и плохо заточенные, всё равно оставляют на спине коренастого несколько рваных царапин. Даян берётся за первые попавшиеся волны и перенаправляет их, раскинув руки, чтобы звук ударил тому в уши. Он глушит мужика и гнёт к земле.

А потом гнёт и Даяна – в спину прилетает что-то тяжелое. Тот крепкий хам оказывается волоном и валит его на брусчатку каким-то мусором. Шея неприятно хрустит, а руки саднят, но ударов больше не следует.

– боль, – раздаётся позади загробно.

Даян подскакивает и оглядывается – Ладья стоит, вытянув руку. Под невидимым напором скрюченных пальцев мужик корчится. Ужас берёт оцепенением и дёргает губы в кривой усмешке – Даян в своём роде и правда ворона. Отвращение накачивает – к дракам с пьяницами, живучи в столице, легко стать равнодушным. А к тёмной волшбе – нет.

Мятеж, что пришёлся на его юность, помнится живо и ярко – люди до сих пор говорят о нём шёпотом, будто если позвать зло, то оно обязательно откликнется. Кровь – не чёрная, а невинно и совершенно обыкновенно алая, реками лилась по дорогам и площадям. Густой тяжёлый воздух забивал ноздри запахом, ни с чем не сравнимым и неопишуемым – он основа колет нос. Первородный язык гудел в ушах – Даян мог бы и сейчас назвать десяток гадких слов, что обращались страданием.

И только на заклятие молчания все закрывают глаза, боясь за свои секреты. Однако не Ладья – молва пойдёт, ежели её семья не задушит сплетни прежде. Кровь будет на её руках, ведь отчего-то княжне недостаточно могущества. Мера жадности – вот, о чём говорил Велецкий. На искривлённое жестокостью лицо противно смотреть.

Зачем ей, знатной природнице, повелевающей самим миром, пачкаться о дамрак? Рукотворный и низменный, он как насмешка над предками. В руках хрупкой княжны сила кажется хищным зверем, что обглодает её до костей. За власть над недоступным, безусловно, полагается своя цена, и она может быть чем угодно.

³² Почти то же, что и моргенштерн – не рэпер, а холодное оружие с шипастыми шарами на палке на цепи.

Где-то поодаль невозмутимо и без единого касания Эдгар держит третьего на игле своего влияния. Даян чувствует себя дураком, единственный, кому нужны время и пространство на волшбу. Он злится и заставляет тело работать вопреки боли, дрожи и тошноте: поднимается на ноги и подбивает жертву Ладьи, ударив легко по ногам кистенем. Мужик валится на землю и одиноко вскрикивает.

– Ладно, хватит с них, – говорит Даян, размяв ноющую шею и оглянувшись по сторонам.

Коренастый лежит с закрытыми глазами и до сих пор зажимает уши. Крепкий вьётся ужом от мук, что дамрак причиняет ему. Последний забивается в угол и шепчет что-то в помешательстве.

Им больше ничего не грозит; мужики со стыда будут молчать о том, что сегодня произошло, но Ладья почему-то продолжает истязать одного из них. Взглядом кровожадным она словно снимает с него кожу, слепым и чужеродным желанием причинять вред. Даян подходит и дёргает Ладью за плечо, но та, окоченев, даже не вздрагивает. Эдгара на улице уже нет.

Мужик удушенно кричит, лишившись сил на крик. Даян кличет Ладью, трясёт её за плечи тщетно. Время уходит, и он боится, что вечер кончится смертью – княжна её приближает, полностью оторванная от Яви властью мрака. Если нет воли держать тьму в узде, не берись – Даян стискивает зубы в гнев. Юность княжну не оправдывает – у Велизара тоже было много шансов; он не собирается никого жалеть.

Даян устаёт церемониться со всем и всеми и, ухватив тихий, но внезапный стук капель о козырёк над лавкой, закрывает княжне уши ладонями – не даёт звуку разойтись. Ладья распахивает глаза и теряет равновесие, взыв от боли. По красивому молодому лицу проходит боль силы сравнимой со смертью – не чужой, а собственной. Даян ловит её и ставит на дрожащие ноги. Она взглядом ищет поддержки, задыхаясь от ужаса, но в ответ выходит лишь губы поджать. Он подхватывает княжну под локоть и утаскивает из переулка, нырнув в его тьму без былого сомнения.

Теперь Даян знает – она везде. Тьма во всех людях, и лишь страх быть пойманными сдерживает их от бесчинств. Глядя на прохожих, он задаётся вопросом, какие из надписей на колки, а какие – дамраковы слова, что в силах убить его прямо сейчас. Ладья сорит вопросами, всхлипывая, но Даян не может ей ответить – только тащить к своему самоходу и затолкать туда молча.

Стёпа испуганно оборачивается.

– Выйди, – приказывает Даян.

– Ты же знаешь... – мямлит Стёпа, и гнев раздаётся в груди.

– Выйди, сказал, для твоего же блага! – рывкает Даян, и Норский, пристыженно потупив взгляд, вылезает из машины.

Рядом с Даяном нет болтливых людей, что не смогли бы хранить тайны – он отыгрывается за всех, клоунничая и смеясь. Иногда он задаётся вопросом, почему настолько им доверяет, что не накладывает молчание, и с чего решил, что кто-то ему друг. У людей много поводов подставить его: Даян богатый, известный и хрупкий. Они молчат из уважения ли, из страха – или строят козни за его спиной, о которых он не знает. Но только пока.

Ладья трясётся, рвёт на себе волосы в истерике, и Даян верит ей – она просто маленькая и глупая. Беда в том, что однажды рядом не окажется никого, кто бы выдернул. И потому дамрак опасен – им может стать кто угодно, и сотворить можно что угодно, если быть готовым заплатить.

– Зачем? – резко спрашивает он, встряхнув Ладью, красную и опухшую от слёз.

Она в испуге забивается в угол между дверью и сиденьем и сжимается в комок, глядя на него беспомощно, но плакать перестаёт. Даян откашливается и настраивает голос.

– Ты понимаешь, что убить его могла? А если бы увидел нас кто? Тебе ни блаженность твоя, ни брат не помогли бы. Это подсудное дело!

– Ты не понимаешь, – слабым, неровным голосом отвечает она, наконец отмерев. – Это свобода, герцог.

– Какая... да ты... шутишь что ли? – он нервно смеётся от абсурда. – Ты только что чуть не убила человека, потому что эта «свобода» не отпускала тебя!

– Зато у меня в руках весь мир, вне зависимости от рек, ветров, леса. Я могу быть мышкой, вороной, кем угодно. Я могу за себя постоять перед хтонью и перед такими людьми. Я не хочу рассчитывать на защитников, чтобы быть в порядке.

– Да это уже больше, чем у всех! – восклицает Даян, безмерно уставший от глупости бессущественной. – Ну побудь ты Вереском, достань из-под природной магии обычную. Вас боги в лоб поцеловали, а вы приняли и расслабились. Любая волшба требует времени, но ты просто не захотела напрячься, да? – ядовито бормочет он. Так обращаться с блаженными тоже подсудное тело, но желчь рвётся вопреки здравому мыслу. – Ты привыкла, что всё на блюдечке приносят. Ваша семья сильнее большинства, не тебе о слабости говорить! Приложить хоть какие-то усилия, Ладья. Хоть немного, честности ради.

Даян поучает её, но она смотрит на него воспалёнными глазами как бессовестная юная дура. Да и какое ему дело; рано или поздно Ладье придётся отвечать за свои поступки. Он немного унимается, устало откинувшись на спинку кресла. Даян не станет палкой в колесе столь важной семьи; бед по горло.

– Не тебе меня судить, росок.

Слово сечёт по ушам; напоминает о своей природе. Он не верит в новомодные образные карты, в науку цифр, в значения имени, но его фамилия правдива. Соглядатай; разведчик; шпион. У каждого есть свои тайны, запрятанные по шкафам и шкатулкам, и чужие приходится принимать.

– Позволь мне, в таком случае, не становиться свидетелем этой грязи. Я не скот, сдавать тебя не стану, но ты знаешь, на кого я работаю. От князя Велецкого невозможно хранить тайны, так что рано или поздно, княжна.

– Не боишься так говорить о своём господине? – фыркает она, нацепив гримасу насмешки и безразличия; такую же лживую.

– То, что он мой начальник, не означает, что я обязан его любить. Я предостерегаю тебя. В первую очередь, от самой себя, – отвечает Даян и машет рукой Стёпе.

Княжна выглядит раздражённой и уставшей. Может, он не первый, кто ей это говорит. Даян кидает Стёпе отмашку, мол, вези. Город стихает, людей становится меньше, а дождь снова начинает барабанить по окнам. Только подсвеченные, мерцающие камнями башни дома Ядвиговых бросаются в глаза. Конечно, это подделки. Никто не сделает из драгоценных пород крышу, витраж, ножку для светильника, – даже семья природцев, которым они едва ли нужны. Это кощунство и хвастовство. Когда-нибудь руды кончатся – снизойдут ли боги снова, чтобы дать миру пожить ещё? Потому что без руд уже не получится – одна только мысль лишиться камня вызывает душасущую тревогу. Бессилие страшно.

Ладья спешно собирается, когда они подъезжают к воротам. Даян задерживает её касанием. Она, по-прежнему обиженная и разозлённая, останавливается нехотя, замирает у открытой двери.

– Можешь слушать меня, можешь нет. Потрясающе, наверное, ощущать себя мышкой или вороном, но рано или поздно это тебе вернётся. Не зря всё названо так, как названо. Ты платишь не медяком, а чистым золотом. Это больше, чем нам дано, – болтает он околицей, Стёпу от больших тайн уберегая, а потом вздыхает и добавляет: – Я не могу говорить с людьми по утрам, потому что у меня любой шум в ушах звенит. Я ненавижу толпы, потому что они глушат меня. Но это проходит. Тьма – нет.

Ладья ничего не отвечает ему и уходит, дверь захлопнув, но Даян не чувствует ни вины, ни стыда. Несмотря на свой недетский возраст она наивна и чрезмерно уверена в своей правоте.

Лишь иногда в её взгляде чуть больше серьёзности, чем должно быть. Возможно, и Даян не прав, чтобы советы раздавать, но он продолжает.

Если хочешь изменить мир, стоит начать с себя, – так говорила няня. Её слова по-прежнему кажутся глупостью, ведь мир останется прежним – глупым и несправедливым. Изменись сотни, тысячи и миллионы человек сразу, это приведёт к другому, но беспорядку.

Даян выбирает свой, вполне понятный и давно известный. Вино и сон никогда ещё не подводили.

Даян приходит к Дверям. Он благоговейно думает о их с большой буквы из-за пугающего величия слишком простых створок. Темнота снится и грызёт мозг: а если вакуум тоже мрак? Даян подозревает в ней всё – иногда даже сам себя. Тревоги сменяются одна другой, и цикл принятия приходится проходить с начала.

Даян никогда не считал себя слабаком; в десять он оказался в незнакомой стране без семьи и знания языка. Всю юность приходилось оправдывать ожидания царя-батюшки. В двадцать два он попал во служение к одному из самых своенравных князей. Принимал всё как должное, кивал и соглашался, никогда не поддавал сомнению решения тех, кто старше; язык учился, а князю просто нужно было понравиться.

Невовремя вспоминается глупая шутка. «Доктор, у меня насморк и слабость – значит, вы слабак и соплик. С вас пять золотых». Даян – герцог, и с него дерут намного больше.

Он смотрит на Двери – пространство за ними по-прежнему безмолвствует. Даян не ищет загромождённо шум за ними больше, а лишь ласково, с чуткостью охотника старается нащупать самые тонкие из отзвуков. Найти подтверждение, возможность с вакуумом бороться – про дамракову волшбу известно хоть что-то. О местах, где нет ничего, он никогда не слышал.

Но ни одной волны не достигает пальцев; только гам мира снаружи.

Даян скрывается за одним из арочных сводов, когда слышит торопливые шаги – звуковые волны рассыпаются безделушками. Увидеть, кто сюда пришёл, незамеченным не получится; успокаивает одно – это аккуратная женская поступь.

Даян хватается за отголосок птичьего пения в приоткрытой форточке и заставляет его стать громче, чтобы хотя бы на миг выглянуть и оценить опасность, захватив чужое внимание. Нелепый план, удивительно, работает, но скрываться не оказывается нужды.

– Ты, – шепчет он, сделав голос ещё тише.

Даян усилием обрубаёт волны у лестницы – их невозможно услышать из коридора. Он действительно отличный соглядатай со своими способностями. Его не услышит ни одна мышь. В искусственной – и искусной – тишине девушка пугается его фигуры. Она оглядывается – и ветер шевелит шторы, и птицы на ветках клювы открывают по-прежнему, но вокруг них нет ни звука шагов по ковру, ни шума дыханий. Даян держит слышимым только свой голос. Он крайне доволен собой.

– Нам не довелось поговорить в прошлый раз, – язвит он. – Кто ты и что ищешь?

Девушка определённо хотела поиграться с ним в кошки-мышки. В этот раз она уже не в образе служанки и не в боярском наряде, а в дорогом платье притворяется кем-то ещё. Даже черты лица немного переменились – стали мягче и проще. Морокунья заставляет людей думать, что выглядит именно так, но Даян присматривается к бликам спектра на изломе пространства. Девушка открывает рот, и только тогда он пропускает её голос через плотное беззвучие, ему подчиняющееся.

– То же, что и ты, глупый вопрос, – фыркает она в ответ, напустив небрежности. – Если ты хочешь как-то назвать меня, зови меня Эн.

Девушка Эн – любит числоведение и позёрство.

– На кого ты работаешь? Зачем вам нужны Двери?

– Ты же не дурак, герцог, думать, что никто, кроме тебя, не видит перемен и тем более не ищет с них выгоды. Молва идёт. Люди замечают, просто пока мало кто им верит. Чащи тёмные и глубокие, но они уже рыщут по ним, – тихо произносит она.

Даян поджигает губы и сжимает руки в кулаки, нахмурившись – на мгновение звуки перестают существовать совсем. Эн делает к нему шаг, второй, улыбаясь уголком губ. Даян напрягается, но она останавливается в полуметре и выуживает свёрток из пышного рукава.

– Fjallakonungur³³ надеется на твою помощь, – вкрадчиво шепчет она.

Даян столбенеет, удивлённо уставившись на Эн. Она улыбается шире, довольная впечатлением. Вереск ищет подмогу среди тех, в ком он не разочарован за годы правления в горной столице. Он слишком далёк, чтобы приехать незамеченным и разобраться самому.

Из первородных слов, что дамраки пищут на своих телах, безвозвратно потеряны только три: «верность», «ведать» и «солнце». Они стёрты из умов то ли божественной волей, то ли страшной неуютной историей. И потому приходится искать соратников вслепую, лишь надеясь, что они не подведут.

Даян несвободен только на словах – это оставляет ему место для изворота; и для неожиданной надежды, пришедшей в лице дурящей голову незнакомки с картой и с полузабытым прозвищем, передающимся из уст в уста. Прозвищем царевича, который в далёком детстве звал себя будущим горным королём.

– Такое творится, – вторит Даян себе вчерашнему, разглядывая старую, хрупкую бумагу.

На карте дворца находятся коридоры и комнаты, в которых он раньше не был и которых не видел ни на одном из чертежей. Жест доверия, задаток за помощь – Вереск будто передаёт с рисунком обещание союза, а не повеления. Царевич тщеславен, но не слеп; расчётливость возвращена в нём огромным городом, который, будучи неблизким к остальным, живёт по своим правилам и ни с кем, кроме наследника, не считается. Даян вцепляется в возможность; личная просьба царского сына отрезает любые вопросы – и ослабляет пути Бреслава.

Старый друг, близость с которым, правда, утеряна, находит его, когда не на кого положиться и оправдывает юные и смелые слова. Даян делает глубокий вздох, сворачивает бумагу и, повернувшись к Эн, протягивает руку.

– Þitt mannlegur verður í nágreinninu, – Родной язык чужеродно на уста ложится, выуженный из глубин памяти. – Передай ему, поймёт. Он может на меня рассчитывать.

– Попробую, – с усмешкой отвечает она и сжимает его ладонь.

Всякое недоверие к Энн уходит; царевич никогда бы не разделил их общую тайну с чужим. Значит, на неё можно положиться, хоть Даян не имеет никакого представления о том, кто она на самом деле. Но то к лучшему – ему, чуть что, не о чем будет свидетельствовать. Он чувствует себя освобождённым и уверенным, будто ему ничего и никогда больше не может угрожать.

Он возвращается к карте и долго разбирается, где на жёлтой бумаге стоят они – вертит её по-всякому, хмурится, закусив губу, и выясняет, что за дверьми есть ещё несколько ходов, прежде словно наглухо замурованных.

– Ты жил во дворце, не был тут?

– Был, но эти вижу впервые. Будто на них заклятие лежало, – бормочет он тихо, разглядывая замок с рядом выемок; дело хитрое.

Волшба в связи с рудой как отпечатки пальцев – неповторима, хоть с виду и одинакова. При огранке камень меняет свойства под воздействием сил владельца, и с тех пор не найти

³³ Горный король (пер. с исландского)

ему подобного – так стали делать и колдовские замки. Это дорого, сложно, и они прекрасно вскрываются слесарями, но их нельзя взломать, а туда, где такие есть, слесарь незамеченно не пройдёт.

Даян опасается касаться замка, будто может превратиться в тень; откусывал бы тот руки по локоть, он и то смелее бы был.

Эн выуживает из кармана кольцо. Камень странной формы отдаёт серым блеском. Такой был у Вереска с детства; «поломанный» наследник, что управлялся с каменной волшебной силой лучше, чем с родной природной, заставлял общественность косо на себя поглядывать. Царская семья – единственные из блаженных, кто безусловно наследуют природную магию в каждом поколении, наречённые наместниками божеств на земле; и здесь нашлось лукавство.

Эн, однако, не торопится с тем, чтобы открыть двери, боязливо отступив; Даян хмурится.

– Они постоянно меняют свой вид, – тихо делится она, блуждая взглядом по углам. – И перекидывают замок в разные места. Сейчас были синие с вензелями. Теперь красные дубовые. Так же было и в прошлый раз.

Они вполне обычные, белые, обшарпанные, с позолоченными ручками; девушка смотрит на них так, словно они не меньше, чем пляшут, злорадно посмеиваясь. Даян изучает её лицо, брезгливо всматриваясь в черты, но безумной Эн не выглядит; хотя он сумасшедших никогда не видел. Закрадывается подозрение; она морокунья, и двери меняются в её глазах. Даян – звякон, и он ничего за ними не слышит.

– Там есть какие-то звуки? За дверьми, – неуверенно спрашивает он.

Эн смотрит на него с тем же сомнением в здравомыслии.

– А ты сам не слышишь? Там стучит что-то, и голоса.

Даян хлопает глазами растерянно; такого не может быть. Он прощупывал волны за ними не раз, и никогда ничего не находил; стук он бы услышал непременно.

– Они морочат нам головы, – шепчет он и, забрав у неё кольцо, уверенно вставляет его в замок.

Эн чутко следит за движениями, и взгляд её торжествующе блестит, когда ручка поддаётся, самодовольный, словно это она разгадала тайну загадочных Дверей. Подстать Вереску – Даян всегда выбивался из его окружения золотых детей, чванных и ничуть в себе не сомневающихся.

Перед глазами предстаёт глухой и тёмный проход с несколькими дверьми, которые на карте сплетаются в хитрую систему помещений и проходов. Даян пристально рассматривает бумажку, выстраивает путь и подбирает нужный вход, чтобы добраться хотя бы к одной из комнат. Надо начать с малого.

Торопиться нельзя, чтобы не угодить в ловушку или беду, хотя Даян, конечно, хочет всё и сразу, взбудораженный неожиданными открытиями.

– Та, что в середине, – задумчиво бормочет он. – Дорога к ней проще прочих, потеряемся, если по остальным пойдём. Колдовские замки оставляют след?

Эн тихо смеётся, качнув головой.

– Это же не Паутина, чтобы отчёты о работе отправлять. боишься?

– Узнают и быстро поотрывают носы любопытным Варварам.

– Тогда сделаем так, чтобы не узнали, – игриво подмигивает она и мягко дёргает за ручку маленькой, ветхой дверки, которую увидишь – подумаешь, что чёрные ходы для прислуги.

Света в узком ходе почти нет – глаза от напряжения начинают колоть. Они ступают по нему неспешно почти как слепые мыши, минуя поворот за поворотом. Беспокойный стук сердца мешает слушать, но теперь стук и отзвуки голосов слышны отчётливо и уместно.

Какое колдовство, известное государю, скрывало их прежде? По спине проходит холод – царь-батюшка не стал бы прибегать к дамраку, сполна столкнувшийся с последствиями оногo,

но на ум только тёмная волшба и приходит. Что происходит за стенами научного центра, неизвестно – Даян очень хочет верить, что ходы прячут сумасшедшие открытия младшей царевны.

Комната, что они ищут, оказывается спрятана за одним из многих подражаний дверям. Неприметная, как и прочие, и закрывающаяся только снаружи, она ведёт в закоулок, настолько тесный, что они проходят туда боком. Тусклый свет ламп лижет роскошную резную мебель, притом бездушную. На ней не лежит ничего, что принадлежало бы человеку – ни одного листка, книги или шкатулки. Только хриплое, будто предсмертное дыхание даёт понять, что внутри кто-то есть.

Эн осаждаёт его касанием руки к груди; рыжину легко запомнить. Она выглядывает из-за угла и долго всматривается в полутьму, а Даян слышит, как под телом шуршит постель.

– Живая, – доносится сиплым вздохом, жадным и вождедеющим. – Ты живая.

Голос мужской и молодой; может, Даян надумывает себе с растерянности, но будто отдающий безумством. Он прижимается к стене так сильно, что болят лопатки.

– Отдай мне хотя бы немного, – просит дрожаще человек. – Крови, совсем немного. И я никому не скажу, что ты была здесь.

Даян слышит его шаги, хищные и медленные, поджидающие жертву. На секунду всё гложет, но тишину разрывает испуганный вдох Эн и стук каблуков где-то далеко, за несколькими стенами – сюда есть ещё один вход.

Бреслав голосит так, будто его никто не может слышать; Даян дёргает девушку за локоть и тащит обратно, простреленный страхом, под ужасные истеричные вопли:

– Помоги мне! Помоги мне! Хотя бы чуть-чуть!

За захлопнувшейся дверью и щёлкнувшим замком слышится уродливый крик, полный страдания и ненависти, а следом вопросы Эн, топот их ног, всё на свете, но Даян продолжает петлять коридорами, подталкивая Эн, собранный, как никогда, содрогающийся лишь от звона в ушах и от режущих ладони волн звука, чтобы снова стать мышками – чтобы Велецкому приходилось прислушиваться.

– Нам нужно уйти как можно дальше, пока он не почувствовал нас. Он узнает меня, – тараторит Даян подёрнутый собственным безумством.

– Он?

– Бреслав, – кривится Даян.

Звук сильнее поволок, потому что вещественнее; у них есть некоторое время, чтобы скрыться, но не больше нескольких мгновений между пресловутыми «до» и «после», на которые снова и снова делится мир. Крик стоит у него в ушах по-прежнему ярко; но больше – чужой голод, что сквозил в каждом шаге.

Их выплёвывает туда, откуда они пришли.

– Герцог...

– Потом, – отрезает он и, схватив её ладонь, тянет за собой в один из служебных ходов.

Дворец огромен, и путей выйти отсюда – множество. Его колотит, как ребёнка, от задора и преследующей опасности. Даян бежит по ступеням, одной рукой печатая сообщение Стёпе и промахиваясь мимо половины букв на телеграфе.

– У тебя есть купленная стража? – спрашивает Даян. – Потому что у Бреслава и Совета точно, если не вся, то большинство.

– У Вереска есть, около четвертой арки. Проведёшь?

Даян кивает и припускает шаг. Любопытно, как глубоко пророс здесь Вереск, будучи телом в тысячах вёрст. Он согласился на своё место, занял положенное по праву второго, но умудрился оставить здесь уши, глаза и души, чтобы всегда ведать о происходящем. Из недоверия ли к царевне, к отцу своему или Совету; будто он всё же готовится занять престол после Беломира. Или же знает, что его попытаются выдворить подальше из-за непокорного нрава.

Вереск играет обаянием, деньгами и связями как скоморох, чтобы получилось представление, и никогда ничего не упускает. Это восхищает, но заставляет размышлять – бесконечная ли удача у царевича или однажды всё разом пойдёт ко дну.

Даян выводит их в маленькую горницу, миновав ещё несколько лестниц и ходов. Стражники кланяются им, стоит Эн показать кольцо. Он чувствует их взгляды исподлобья, но они ничего не спрашивают.

Их с Эн можно было бы объединить в безупречного разведчика; полудохлого и на полчаса, но лучшего в своём деле, когда нужно быстро. На узкой улочке, куда они выходят, уже высовывается из самохода Стёпа.

Стоит дверям закрыться за ними, на Даяна накатывает жаркая слабость и нервный, усталый смех. Эн поддерживает его в этом, и они гогочут, как дети, скрючившись на задних сиденьях до слёз, что щиплют глаза.

– Какой кошмар. Как воры, Рода ради, – сипит Даян и заливается снова.

– Кровь у тебя, княже, – мрачно бормочет Стёпа и пихает в руки платок.

Даян и не заметил, и того, что слышит мир через пелену. Он утирает подтёки у носа и откидывается на спинку. Ворот рубахи холодит остывшая кровь, но разбираться с ней сейчас у него нет никаких сил. Он, волей Бояна, потратил сегодня всего себя.

Хочется оказаться в полном беззвучии. Он устал бесконечно что-то слушать воле вопреки; Даян слышит, как рычит мотор, как меняется положение в коробке передач, как шуршит Стёпина куртка. Он слышит всё это, бессильный перед собственной сутью.

– Домой вези, – просит, прикрыв глаза, и пресекает попытку Энн начать разговор одним жестом.

Не помешали бы тишина и время, в себя прийти, да и Стёпу впутывать страшно в нахлынувшие беды. Норский никто, звать его никак, и потому дать ему спокойно прожить свои годы кажется правильным. Даян знает, что у того было трудное детство в семье тёмных, постоянные бега и прятки. Не те, в которые играют дети, а совершенно взрослые. Забавно выходит, что даже один из его ближайших соратников, и тот связан с мраком, хоть и нехорошо о нём отзывается. Спросить о тёмной волшбе, тем не менее, стоило бы – хотя бы ради любопытства, может ли быть их второе пришествие.

Но Даян дремлет вместо; Стёпа живёт в одной из комнат для слуг, значит, то ещё непременно успеется.

– Ты хоть кому-нибудь доверяешь? – спрашивает Эн, бросив туфли в горнице.

Даян, нахмурившись, дёргает подбородком в немом вопросе.

– Ты не дал рассказать при своём водителе. Как ты доверяешь ему свою жизнь?

– А, нет, я не поэтому. Стёпа хороший, не хочу ставить его под удар.

Она понимающе кивает. Даян забирает её накидку и приглашает в дом: внутри тихо. Слуги уже разошлись, но это только радует – не придётся напрягать слух ещё больше.

Даян проходит внутрь, глубоко дыша затхлым, прокуренным воздухом, что неизменно пахнет домом.

– Пить будешь?

– Есть коньяк?

– У меня всё есть, – усмехается он и тянется к полкам, где выставлено самое разное спиртное. – Что там было? – пригубив настойку на огненной воде, спрашивает он.

– Парень, с виду молодой, может, нашего возраста, худой очень, – нервно заламывая руки, бормочет Эн. – У него язвы по всему телу, но руки... Чёрные до локтей, как будто он в золе измазлся.

Даян вздрагивает; чёрный лес не оставил следов, но картинка явственно предстаёт перед глазами. Он садится, царапнув ножками стула пол. Что-то ещё задевает сознание, но не облекается в мысль; будто Даян уже видел подобное прежде, но не может сказать ни где, ни когда. Быть может, и вовсе в лихорадочных снах после встречи с чёрным лесом.

– Почему он просил крови? Как в кино, абсурд какой-то.

– Я не знаю, – обречённо продолжает она. – Я не знаю, что это такое, и зачем она была нужна ему.

– Если бы мы знали, что это такое... – тянет Даян старую шутку. – Не могу даже представить. Что князю от него было нужно?

Каждое их слово выглядит абсурдной картиной безумного художника, в ней всё не на своих местах.

– Мне кажется, что Велецкий просто дурит меня.

– Всё так и есть, – признаёт Энн.

– Взгляд у него всегда такой... будто он видит насквозь, и проверяет, можно ли брать меня в лучшее будущее, которое он строит своими затеями. Иногда мне кажется, что князь хочет занять престол.

– Всё может быть. Даже если Вербя позволит ему, то Вереск нет. Но она не глупая. А хочешь ли в лучшее будущее ты? – спрашивает она, чуть прищурившись.

– Я хочу хотя бы дожить свой век в том, что есть. Но если ты о том, предам ли я царя ради денег или страстей, то нет. Это против меня. Если бы не Беломир, меня бы здесь, – он обводит ладонью шикарную гостиную, – не было.

Кажется, ответ её устраивает, и она расслабляется.

– Интересно, как далёк от нас князь в знаниях об этой жести, – вперив взгляд в стол, шепчет Даян.

– Я думаю, нам его не догнать, но можно попробовать пропустить пару ходов, чтобы оказаться впереди.

Даян оглядывается на карты, выставленные на печи ровно точно рота стражников.

– У нас есть один шанс к четырём. Если выбросить Алатырь вместе с Рудой, то они обернутся тузом. Только так.

Эн улыбается почему-то и отхлёбывает из стакана. Даян следует её примеру: обжигает горло настойкой, те, что на огненной воде, берут сильнее, но не шадят кошелек. Ничего нового он сегодня уже не придумает – ни кто этот человек за дверьми, ни кто такая Энн, – и в разуме нет толка. Досада плещется где-то на краю мыслей – почему он ничего не может понять?

Ну не тупой же он, в самом деле.

Хотя Бреслав не поклонник казней, зато – медленных и мучительных пыток. Одна из таких до сих пор шрамом пересекает ладонь – искать волны звука ей Даян учился долго. Между ним и князем, на самом деле, есть лишь одна разница – Даян несвободен. Он тоже лезет, куда не просят, тоже ищет решения, и кто знает, чем это обернется ему позже, хорошим ли, плохим. Но он несвободен.

Может, парень за дверьми такой же, как и он; большая пытка или долгая игра. Если в мире найдётся ещё какая-нибудь бездна, то Даян просто выстрелит себе в голову.

– А есть ли у тебя Алатырь или Руда?

– Не знаю, насчёт «у меня», но княжичи Ядвиговы все в столице. Елисей в курсе, Ладья тоже. Они точно полезут, – с беспомощной надеждой говорит Даян и тянется за бутылкой снова.

– Дружишь с ними?

– Вожу знакомства. Они на меня, конечно, косо поглядывают, но у них есть человек... Он на всё немного по-другому смотрит. Но он, может, скоро уедет.

– Поделишься?

Даян улыбается и качает головой.

– Пускай он будет подальше пока. Я не стану на него давить. Он здесь чужой всем, и я не буду человеком, который путами его привяжет.

– Но найдётся тот, кто привяжет.

Правда горчит на языке. Никто не даст Велизару уехать теперь; он слишком много знает. Елисей не жесток, он не станет мучать его, но и не отпустит. Даян мог бы их опередить, но тогда он станет ничем не лучше князя. А Велизар совсем юный, на всё огромными глазами смотрит и восхищается, не лишённый наивности и глупой веры.

Они ещё встретятся, и он станет Велу другом, потому что тот ему понадобится куда больше, чем повелитель. А может, Даян заблуждается, сам желающий хоть одной неосквернённой дружбы.

– Ты не ответил на мой вопрос, – в конце концов говорит Эн. – Ты хоть кому-нибудь доверяешь?

– Конечно, – кивает он. – Я доверяю тебе, иначе я бы всего этого не сказал. Давай пить. От нас нет сейчас никакого толка, не считаешь?

Возможно, и безусловная вера в царевича глупа, но всё лучше, чем стать пушечным мясом для Бреслава; не так жалко будет стать им для кого-то ещё. Даян морщится от настойки, колющей язык, и стуком рюмки по столу ставит точку в беседах об ужасах этого мира.

– Ты каждый раз от малейшей тревоги накидываться собираешься? – говорит Эн, усмехнувшись.

– С чего ты так решила?

– Ты постоянно бежишь в кабаки. Тревожно, весело, в злости, в усталости, жарко, холодно. Странно было бы думать, что ты дома ни капли в рот, ни пальца...

Даян хихикает пьяно и трёт разгорячённый нос. Энн, любопытно голову наклонив, как птичка, наблюдает за ним; тёмные растрепавшиеся кудри рассыпаются по плечам. Её облик красив, созданный, чтобы вызывать доверие наивными юными чертами и привлекать очарованием. Красивым людям открыто больше дверей, особенно, если совместить их обаяние с остроумием. Видна работа мастера – она, непременно, долго работала над ним и выверяла вторую кожу до мелочей. Чувственные пухлые губы растянуты в открытой и весёлой улыбке, а огромные глаза подчёркнуты пыльными, чёрными стрелками, и кажутся столь же опасными, сколь легкомысленными.

Нежная девичья прелесть привлекает, даже со знанием, что на самом деле ей не принадлежит.

– Следила за мной? Хотя, конечно следила, что за вопрос.

Язык развязывается. Даян старательно держит образ человека умного и порядочного, но сейчас слишком измотан, чтобы фильтровать ещё и базар. Пиво может быть нефiltroванным, но базар обязан быть таковым – что-то такое Велизар под хмелем сказал пару дней назад. Зато шум в голове притихает – Даян прислушивается к сердцу, как к метроному, считает до десяти, нащёптывает заклинанием. Утешает сам себя – ведь никто кроме.

– Ты не думала, что я просто люблю ныть? – говорит он. – Себя жалеть. Это не значит, что я сопляк. Но здорово разгружает нервы – смачно пострадать. Да и крепкое приглушает звуки, не даёт сосредотачиваться на них.

Эн заливается смехом так, что хрюкает, и потом расходится от этого снова.

– Восхитительно, – выдавливают она. – Но со всего?

– Ну, не скажи. А если надо будет, то и со всего. Остальным-то какая разница. Я не требую жалости от других, терпеть её не могу. Но сам себя – это целебно, что ли.

– Надираться каждый день?

Даян качает головой, но не желает больше объяснять: пусть думает, что хочет. Он болтает настойку в рюмке – тревоги медленно утихают; не уходят совсем, но перестают так надоедать.

– Наталья? Настя? Надежда? Найда? – перечисляет задумчиво Даян. – Так тебя зовут? Эн усмехается и качает головой. На секунду её губы кажутся тоньше, чем были.

– Я не скажу, как меня зовут. Но ты даже не рядом.

Даян закатывает глаза; мнимый пафос кажется глупым и бесполезным в борьбе.

– Тогда буду называть тебя Энн.

Сомнений в том, что они ещё встретятся, быть не может.

– Слишком заметно. По-иностранному, привлекает внимание, – задорно отвечает она.

– Иностранцы сейчас не новость. Приехала узнать город. Ты посмотри, сколько их. Даже я, – Даян с привычным безразличием подчеркивает свою чуждость. – Да и любишь ты иноземщину, – он кивает на стакан с коньяком.

– И меня, иностранку, так легко пустили в царский дворец на экскурсию? Не смейся.

– Ты же можешь быть кем угодно, даже покойной царицей.

– Не без усилий.

– Конечно, – кивает Даян. – Так, может, у тебя есть другие способы бороться с невыносимой брэнностью бытия?

Она смотрит на него долго и меняется в лице; не буквально, колдовство сохраняет прежнюю форму, но во взгляде проскальзывает игривая искра. Энн допивает свой хмель одним глотком; губы натягиваются в улыбке. Они взрослые люди, и ходить вокруг да около с необязывающей близостью им уже поздно.

Если он доверился ей, что мешает отдать и своё тело? Из их путей принятия получится буйная и исключительная смесь, которая не оставит им и шанса на страх или тревогу. Будет у него любовь или нет никак не повлияет на мир. Тот если бы и переменялся за ночь, то Даян бы проспал её так или иначе. Может, они все завтра умрут, а сегодня, вопреки всему, что он увидел и почувствовал, это будет самым сладким из ощущений.

Людам не подвластно всё на свете, и перемены не будут ждать их.

Поэтому Даян, в один шаг оказавшись рядом, дёргает её к себе за подбородок и впивается в губы остервенело и забвенно. Энн ловит его лицо в ладони и отвечает ему, гладит шею, пальцами цепляя ворот.

– Закрой глаза, – шепчет, и Даян беспрекословно слушается приказа.

Она тайну своей личности бойко хранит, но им обоим нужно расслабиться и перестать держать мир в узде колдовства. Он до спальни доведёт её и вслепую; Даян знает все звуки своего дома – где скрипят половицы, сквозят окна и шумят часы. Ручки хрустят под его руками, и защёлка озорно прячет их ото всех, кто будет сновать здесь утром. Даян слышит, как из шкафа скользит платок.

На глаза ложится шершавая ткань; пускает по телу мурашки.

Шорох постели под её телом пробирает громогласным звуком. Он ищет застёжки судорожно, и Энн помогает ему оголить нежную кожу живота от тряпок и корсетов. Даян ведёт пальцами по изгибам, по чертам куда более худым, чем дуриет её волшба, тонким и чётким. Картинка рисуется сама собой.

Её кожа пахнет странно и неопишуемо – для запаха колдовства нет названия, но Даян точно может сказать, что это оно. Колкий, едва уловимый, внепространственный аромат, в мире существующий на правах благодати. Он целует её родинки и изгибы рёбер, сминая в пальцах ткани саяна и тонкие колготки. Они рвутся от неосторожности, как и ворот рубахи собственной от резкого движения, пока Даян выпутывается из неё.

Энн сдёргивает его штаны с бельём, и Даян сдавленно ахает от холода, ударившего по телу. С чернотой перед глазами мир кажется ярче и чувственнее; совсем не голодным и страшным, как весь мрак, что довелось увидеть. Он яркий и жгучий, и её руки на плечах, толкающие на перину, горячие, царапающие ногтями. Касание языка на груди остаётся морозцем, и голову

кружит, как её бёдра прижимают к постели. Даян с поцелуем к губам льнёт, сжимая задницу ладонями, охваченный пьяной и слепой страстью.

– Кто же ты такая, Энн?.. – сипит он, шаря рукой по столику в поисках резинок.

Она не отвечает ему; лишь выхватывает из рук вещицу и через мгновение вышибает из Даяна стон в одно движение. Удовольствие расходится по животу цепкими молниями, и кровь бьёт в забитые мышцы, когда он выгибается ей в такт. Он хочет прочувствовать трение кожи о простыни, каждую царапину, что своими длинными ногтями она оставляет на животе, и жар тела, и каждый кусачий поцелуй, больше напоминающий лишь попытку поцеловаться. Даян касается её груди и обводит пальцами соски, скользит руками вниз, к пояснице. Он находит все неровности и несовершенства, но это приводит в восторг, коим он захлёбывается вместе со стонами.

В них нет любви, но есть усталость и вожделение; этого хватает, чтобы Даян начал ругаться на родном.

– Fokka³⁴, – хрипит он сжимая руки в кулаки на простыни.

Тьма расступается в пятнах, что от напряжения расцветают перед глазами, а воображение пляшет образами того, как выглядит настоящая Энн. Привлекательная одними только касаниями,двигающаяся на бёдрах, бесстыдно стонущая и доводящая его до сладострастия, в которое Даян падает, как в кипящий котёл.

Он сейчас есть лишь тело; сипящее рваными вздохами и матом на кончике онемевшего языка.

Расслабление растекается по нему постепенно, пока Энн лежит рядом, а после шебуршится в тканях своего наряда. Действительность возвращается так же спешно, каким спешным был секс.

– Скажешь, когда я смогу снять эту тряпку, – бормочет Даян, схватившись за халат, что висит на крючке рядом.

– Может, я просто поеду?

– Покурим, поедешь.

Она соглашается со вздохом и сама развязывает платок. Перед Даяном снова предстаёт та Энн, что ему известна. Темноволосая, круглолицая, с невинным и светлым взглядом, лицом, которое никогда нельзя уловить цельным образом, а лишь рассмотреть в деталях. Оно просто не запоминается – он не сможет вообразить его после того, как Энн покинет дом.

В её глазах видна измотанность, но в жестах – мягкость и расслабленность. Она улыбается уголком губ.

– Неплохой способ, согласишься, – заигрывает она, скользнув плутовски по его плечу кончиками пальцев.

За окном уже темно; на небе собираются тучи. Они грузно висят над рекой и раскинувшимся городом. Воздух влажный, как перед большим дождём, и ветер играет с их волосами, словно с проводами электричества над стогной. Зажигалка долго прячет огонь, но скрутка рано или поздно всё равно начинает тлеть. Они с Энн друг на друга не смотрят, но в Даяне совсем нет стыда.

Ему уже много лет, и он может переспать с кем-то без всяких метаний совести. Но недостаточно, чтобы быть статным и спокойным, принимать трудности с холодным сердцем, как очередную кочку в долгой дороге. Ведь страсти – удел юных. Они меняются и обретают осознанность, но не более того. И никак ему не сделаться мудрее, чем положено; Даян может становиться мозговитее, собраннее, но не мудрее. Разум приобретается не так.

³⁴ То же, что и английское "fuck" (с исл.)

– У меня есть ответная просьба, – говорит он совсем тихо, но ветер всё равно доносит до Энн его слова. – Мне понадобится защита.

Однако что-то по крупницам Даян всё равно мотает на ус.

– Я не думаю, что это станет трудностью, – с нежной улыбкой отвечает она. – Он будет тебе рад.

Даян очень хочет в это верить. Он чувствует мечущийся взгляд Энн на себе, то и дело. Будто решительность в ней тоже закончилась, хотя она ничуть не кажется робкой.

– Говори уже, изведёшься вся.

Она усмехается и тушит самокрутку об ограду выстенка.

– Позволь узнать, – бормочет она, – Что ты сказал мне? На своём языке.

– Сейчас? Как будто всё довольно очевидно, – веселится Даян, и Энн сокрушённо качает головой, однако не перестаёт улыбаться.

Он, дёрнув плечами, тянется ещё за одной.

– Мы с Вереском знакомы с детства. Он, на самом деле, был первым, кого я встретил после государя, и первым, кто с принял меня без задней мысли. Когда я едва ли болтал на местном, он пытался общаться со мной на нордгардском. Важный такой ходил, говорил, пригодится, чтобы общаться с соседями по разным государственным вопросам. Ég verð fjallakonungurinn. – Некоторым словам просто не суждено быть забытыми, проводи Даян хоть сотню лет вдали от звука родной речи. – Он очень хотел сказать это. А я всегда отвечал ему: «Þitt mannlegur verður í nágreinninu».

Даян держит загадку, чиркнув зажигалкой, и оглядывает сонный город, что притихает в наступлении новой недели.

– В нордгардском нет выражения «свой человек». Мы с ним собрали странную фразу, которая поломаёт уши местным. И когда он говорил: «Я буду горным королём», я отвечал ему... – Даян затягивается будто не табаком, а самим временем, что легло на скрутку пылью. – «Свой всегда будет рядом».

Энн улыбается особенно тепло и задорно. Думается, что пора оправдывать поступками слова.

И только дождь просто начинает идти.

9. Колдун

Велизар идёт по проспекту, едва поспевая за широким шагом Аркаса. Он перебирает части заринита в руках, опустив голову; шумные, мечущиеся мысли терзают её мгновением, когда хилое тело стало меняться, напиваться чужой кровью, кусачим жаром колдовства пробрав до кончиков пальцев.

Велизар тормозит у стекла одной из лавок и смотрит на размытое отражение: на мягкие волосы, не торчащие больше секущимися концами, на свежее лицо и тёмные ресницы, на здоровые губы, прежде обкусанные в тревоге. Вел никогда не считал себя красивым, никак себя не оценивал, в зеркале равнодушно встречая вполне обычное лицо, но у знахарки удивительная способность превращать что-то в нечто.

Игрушки за стеклом глядят пуговичными глазами и смеются широкими ниточными ртами над странным прохожим; Велизар улыбается им в ответ, расправив плечи. Он поднимает голову и смотрит по сторонам, чтобы ощутить мягкие, ладные мышцы. Не верится по-прежнему; он в новом теле пока чужой. Но чудо пленит его, подбрасывает мысли, словно камни-блинчики на воду, которые тонут, не вернувшись в колею. Мысли о том, что так может быть всегда: так здорово, свободно и хорошо.

– Ты чё застрял там, э? – окликает его Аркас, оглянувшийся с недовольством. – Стоит любитесь он. Пошли, у меня дела ещё. Когда вернёмся, поплялишься. Ты хоть Алевтине Иванне "дякую" сказал?

– За такое в ноги кланяться надо, – бормочет Велизар, поравнявшись с ним.

– А я думал, у тебя спина ломается от любого поклона, – язвит Марьев. – Чё-то я не видел, чтобы ты за эти шмотки и знахаря Елисею так кланялся.

Велизар отводит взгляд – в чём-то Аркас прав, но он однажды вернёт им должок; а вот знахарке не получится – это неравноценный обмен. Новое тело взамен пропитого подростковыми пьянками, потрёпанного блужданиями по лесам и плохой едой, побитого нелепыми попытками стать сильнее или хотя бы научиться держать в руках меч. За это не расплатиться; но они сколько-то сочлись экспериментом, в котором Велизар был подопытным. Знахарка так рьяно принялась за работу, словно сама ещё юна и ей нужно что-то кому-то доказать.

Скорее, самой себе – Вел понимает.

Завернув в один из переулков, они спускаются по лестнице к ржавой полуподвальной двери, увешанной шестерёнками с серпом и молотом по центру – знаком кузниц. Тому впору начать снится, намозолившему глаза. Велизар столько раз бывал в подобных местах, что пальцев не хватит посчитать, и только от вида нутро сжимается страхом и безвыходностью. Если и из этой двери Вел выйдет ни с чем, то надежды не останется – и он возьмётся за меч. Повезёт, если Елисей даст забрать с собой косу, что дал – хотя бы из жалости. Она хорошо ложится в руку – несовершенно, но вполне неплохо, – и кажется легче воздуха.

Возможно, Велизару и нужно что-то легче воздуха, раз тот ему не поддаётся.

Суровый взгляд Аркаса заставляет забыть о бесполезных тревогах; либо получится в этот раз, либо нет. И гадать тут не о чем – всегда есть только две стези. Вел, вздохнув, тянется к кованой ручке, но его останавливает чужие сочувствующие, но твёрдые слова:

– Нет руды, с которой нельзя ничего сделать, Велизар.

В тоне дьяка слышится неожиданная поддержка; тот знает, о чём говорит. Велизар кивает, не испытывая желания язвить в ответ – даже усмешка не дёргает губ.

Он тянет дверь на себя, будто за ней окажется точка невозврата. Есть лишь две субстанции, которые неподвластны никому, кроме богов и мира – это свет и время. В полутёмной комнате подвала нет будто ни того, ни другого: только сотни медных труб, вентелей и устройств странного вида, издающие множество звуков от тихого свиста до грохота. Кузница кажется

заморской лабораторией со снимков, полной паровых машин и механизмов. За её пределами будто не существует мира; она – кубик с несколькими дверьми, а снаружи только пустота и неведомая гадость. Стоит выйти – и ничего не будет; впрочем, это звучит лучше разочарования.

Аркас беседует с женщиной, что стоит у стола и, глядя на Марьева, не прекращает бить по какой-то стекляшке молотком. У того на глазу выпуклая линза, а усы забавно завиваются на концах. Кузнец выглядит вполне добродушным, если не считать молота в его руках, которым он точно и бесперебойно отбивает ритм на стекле. Велизар слабо кланяется ему, когда слышит своё имя; тот зовёт за собой в тёмный проход, на котором, кажется, и кончается мир.

– Я заеду после, – коротко бросает Аркас и уходит, даже не пожелав удачи – видимо, в нём кончилось благодущие.

Велизар цокает, глядя ему вслед, и идет за кузнецом, ныряет во тьму прохода, где находится вторая дверь. В комнате не стоит огромных машин, но на стенах развешано столько инструментов, словно они в пыточной, а не в кузнице. Среди многообразия железа, дерева и стали внимание привлекает большое роскошное красное кресло. Вел не сдерживает смешка.

– Поверь, тебе пригодится. Не ты первый, кто ржёт, – басит кузнец. – А потом соскребай вас с него.

Велизар удивлённо глаза таращит, не уверенный в своём слухе. Теперь гогочет уже мужик.

– Да не буквально, шо ты, – ещё посмеиваясь, добавляет тот, но улыбаться перестаёт. – Хотя легко не будет.

– Я знаю, – подаёт голос Велизар. – Не впервой.

Сколько раз он ни пытался и сколько ни сменил кузниц, старания не принесли пользы, но испытал Вел весь спектр чувств – обещанное и неизвестное. Если волшба просит соразмерное взамен, то Велизар боится представить, какая сила прячется у него внутри; если только судьба безжалостной насмешкой вновь не обставит его.

– Да, дьяк сказал. Но ты, это, не дрейфь, пацан. Тут у меня со всего света штуки, что-нибудь да подберётся. Правда, может, придётся не один день сидеть, ещё ждать, пока волшба тут накопится... – болтает он.

Велизар давится воздухом и кашляет натужно. Кузнец снова смеётся.

– Садись, уважаемый, – похлопав его по плечу, говорит мужик.

Всё, что происходит потом, Велизар знает наизусть и делает без указки. Протягивает руку к креплениям, кладёт на маленькую подложку камни, вплоть до пыли, осевшей в карманах, садится так, чтобы спина заболела попозже – обычный набор действий для страдальца, как он – только руку сжимают сильнее, а кресло оказывается поразительно удобным, что не предвещает ничего хорошего.

Руководство кажется надоевшим облонком³⁵, что заел музофон. Кузнец говорит те же слова, словно на выпускных контрольных порядок проведения – Велизар с улыбкой вторит ему. Мягко давить на камень волшбой, не дёргать руку, не отпускать колдовство, пока не позволят. Вел ничего уже не ждёт, оставив мысли за темной коридора и двумя дверьми, но так или иначе надежды горечью пробираются под кожу и не дают сосредоточиться; кузнец ворчит на него и причитает насмешливо.

Мужик хохочет над всем подряд, и забава перекидывается на Велизара странным весельем. Он не может запомнить, над чем именно; он просто улыбается, откинув голову, пока под слабым воздействием его сил кузнец пыхтит над камнями с тщательностью ювелира. Велизар в мареве волшбы темного теряется, и взгляд плывёт. Над дверью тикают часы, которые почему-

³⁵ Подобие диска, но меньше диаметром.

то показывают только пятнадцать и тридцать пять минут, сменяя стрелки, стоит моргнуть. А кузнец смеётся и стёсывает с камня верхнюю защиту. Смеётся и пускает пыль.

Вел никогда не задумывался о том, что, может, потому закровские камни такие упрямые – они прячутся под слоями пыли и камня; будто владельцу должно забрать защиту камня себе. Вместе с этой мыслью приходит другая: они сидят все в пыли. Серебряная вышивка на рукавах косоворотки поблекла, настолько грязи много, а на зубах скрипит песок. Но среди сора проглядывает удивительной красоты руда. Сверкающий заринит оголяет неземные фиолетовые грани с блеском чуда, ещё не обнаруженного людьми.

– Не может быть так просто, – заплетающимся от накатывающего бессилия языком говорит Велизар. – Никто не мог этого сделать.

– Руда непростая, всё правда. Редкая, состав странный. Заринит обычно так не выглядит, видишь прожилки? – Велизар даже не пытается присмотреться. – Поэтому ерепенится. Откуда раздобыл?

– На заброшке в моей деревне, – выдыхает Вел, поморщившись от боли в затёкшей кисти.

– Любопытная вещица. Есть ещё такие?

– Не видел. Как вы это делаете? – упорствует Вел.

– Другие просто не пытались иначе, – отвечает пространно кузнец и, отняв руку от камня, сжимает ладонь в кулак.

Поддон выгибается медленно, заставляя камни скатиться к краям.

– Ты волон образа, – ошарашено шепчет Велизар.

Редко такие, как он, меняющие форму вещей, идут в кузнецы – слишком большая трата. В том вся разница – Велизар бы не нашёл самородок со своими грошами в карманах. Кисть мастера алеет от крови; та продолжает течь по губам неукротимым потоком и красит усы. Волон-кузнец едва ли возьмётся делать огранку; если только его не попросят об этом лично – и очень настойчиво.

Тревога ползёт под кожей, хищно пожирая тело.

После того, как Вел выйдет отсюда, останется два пути – стать пешкой семьи Ядвиговых или бежать. Такие долги не прощаются, значительные и стоящие усилий. Хоть Аркас и говорил сначала, что ему не в тягость помочь, раз по пути, теперь всё меняется. Или изменилось уже давно, но Велизар, вскружённый мечтами о светлом будущем, не заметил. Он удобен им, огранка удобна им, чтобы рядом был защитник, пока они будут искать способ излечить чёрный лес; защитник, который сам его видел, достаточно боязливый, чтобы не болтать, и достаточно должный, чтобы использовать его силу. Не зря дьяк сказал в лесу, что никто не откажется от закова любого толка.

Велизар бы тоже не отказался, не будь он собой, но страх никуда не уходит. Зато жар, ударивший в тело, отлично сметает мысли.

Вел жмурится, часто дыша; комната теряет чёткость, очертания плывут. Он смотрит на выгнутый поддон, где лежат пять маленьких полосок и одна – длинная и широкая. От камня почти ничего не остаётся; утешают слова Даяна, что руда сама решает, какую форму ей принять, но душу всё равно скребёт тревогой – Велизар не может позволить себе потерь.

Кровь жжёт язык горячим железом.

– Осталось немного, – говорит кузнец, когда Вел со стоном откидывается на спинку и вжимается в неё затылком.

Болезненное изнеможение берёт его лихорадкой, что пробирает до костей. Кости и суставы ломает, он пытается найти положение, в котором будет легче, мечется на кресле. Вел, кажется, отрывает пару пуговиц от ворота, оттянув его в удушие, марают пальцы в крови, что льётся и по его губам, царапает колено. Руку не дают вырвать только тиски, от которых на запястье остаются белые полосы. Велизар воет, сгорая в муке, трясётся, как умирающий; воздух разит пылью и потом. Он не знает, сколько проходит времени в агонии и страхе смерти

– изредка, когда хватает сил удержать на чём-то взгляд, Велизар видит, как в руках кузнеца пластинки заринита гнутся с причудливыми формами, ищут зачем-то красоту, испытывая его на прочность.

– Сколько я здесь? – хрипит Вел и скулит от пронявшего его озноба.

– Часов десять, – хмыкает кузнец; чужое жаркое дыхание на пальцах сечёт стеклом.

Кажется, что прошло несколько секунд или столетий; он заставляет себя держать веки, то и тянущиеся друг к другу; открытыми, хоть спички вставляй. Велизар ищет, на чём задержать взгляд в помрачневшей, будто задымлённой комнате. На заскорузлых руках мужика множество разных колец-общаков для придания силы – потому тот продолжает над ним корпеть, несомненно уставший, но всё же не засыпающий. Надо было попросить Ладью одолжить и ему; она выглядит хорошей. Немного не от мира сего, но всё-таки хорошей.

Ладья – обычная богачка на первый взгляд, красивая девушка, но в ней видится куда больше, чем прелесть черт – смелость и невинное бесстыдство, которое хочется поддержать. Её озорство, меняющееся волнением, скрывающееся за печалью, завлекает; она чудится многогранником, необыкновенной рудой, которой больше нет в природе; она не нуждается в огранке, но едва ли подпустит к себе чужих – Велизар постарается найти к ней дорогу. Но руда в её обличье помогает ему уже сейчас – заглушает другие чувства на какое-то время загадочной привлекательностью и жалким, исступлённым желанием стать ей другом.

Её жаль терять, но Вел то ли засыпает, то ли теряет сознание; когда он открывает глаза, кузнец цепляет серебряные цепочки к небольшим крючкам; ворож обнимает руку, сев как влитой. Ни одной грани не тревожит кожи – совершенные на тонких суставчатых пальцах, кольца будто греют руку владельца, скорбящего о том, чего даже не знал. Цепи соединяют их с обручем на запястье. Украшение переливается разными цветами, на нём виден узор, но Велизар не может его рассмотреть помутневшим взглядом.

– Выглядишь хреново, – раздаётся с порога.

Аркас стоит, привалившись к косяку, и с доброй усмешкой смотрит на него. Велизар снова прикрывает глаза. Руку освобождают от зажимов; он блаженно улыбается. Волшба бьёт в ладонь нежным электричеством, лениво расползается по утомлённому телу блаженством, не сравнимым ни с чем на земле. Он чувствует себя живым и настоящим, будто все годы до был не плотнее тени, наконец-то полноценным с колдовством, бурлящим в крови. Но сейчас оно боится слабости и плещется где-то в верхнем слое кожи. Подняв свинцовые веки, Вел вытягивает руку и разглядывает её, будто впервые видит. Прозрачные, смоляные витки узора переливаются под лампой. Пальцы по привычке сгибаются, чтобы обхватить камень, но ловят лишь пустоту.

Он подрывается с кресла.

– Охуеть! Аркас, охуеть! – голосит Вел; слезы щиплют глаза. Его в разные стороны дёргает, словно тело слишком тесное для восторга. – Поверить не могу, Марьев! Ты... дякую. Дякую, Аркас, – голос скатывается в благодарный, бессильный шёпот.

Велизар поднимает руку и направляет туда остатки сил, не обращая внимания на дрожащие колени и голову, идущую кругом. Пространство перед ним мутнеет. Аркас тянется к заслонке пальцами и вязнет в ней, как в густой-густой патоке. Вел улыбается, смахивая с щёк слёзы – получилось. От счастья сосёт под ложечкой, и вместе с тем приходит долгожданный покой, не требующий ни участия, ни тревог.

Ноги наконец подгибаются.

Вздых даётся тяжело, словно Велизар не умеет дышать вовсе и делает его впервые. Воздух, затхлый и густо пахнувший травами и пылью, заливается в лёгкие дёгтем. Вел зарывается

в одеяло и отворачивается от света, что бьёт по прикрытым векам. Тело неподъёмно тяжёлое, и каждое движение требует усилий – кажется на секунду, что он стал героем какой-то сказки – о болезном Хорсе, о бесчувственной Дивии. Хотя последнее – неправда, Велизар тонет в ощущениях; но больше, конечно, в усталости. Сухие губы липнут друг к другу с противным кислым ощущением, а горло будто покрыто трещинами от жажды, но открыть глаза труднее, чем пережить это. Поэтому он начинает с малого – ложится на спину и глубоко дышит, надеясь согнать тяготу.

Над головой поныне пестрят и путаются вьюн и терновник. Глаза слипаются, но Велизар держится – растения плывут и двоятся, и он надеется, что они дотянутся до него и помогут подняться, даже если ценой будут раны от шипов. Обхватят запястья и поднимут куклой-дергунчиком, словно ниточки, и Вел будет одной из игрушек из лавки, что только улыбается и смотрит на прохожих глазами-пуговицами, пока кто-нибудь не купит её по уценке и не выберет ей другую жизнь.

Только выбирать придётся самому, да и ветви остаются там, где им начертано быть – на потолке чужой комнаты. Он упирается ладонями в кровать, чтобы сесть, забирается по изголовью и подушкам, влажным и помятым – его, похоже, лихорадило. В пальцы впиваются холодные камни, они давят кожу так, что её начинает жечь. Рука словно телу не принадлежит. Украшения смотрятся чужеродно – Велизар привык видеть её голой и сжимающей серый невзрачный камень. Теперь кольца с обручем переливаются разными цветами завлекаяще, столь ярко на руке, что Велизар сначала щурится – и боится, что видение пропадёт.

Они просят себя использовать, нашёптывая лесть о бескрайней мощи, но нет сил поддаться им. Вел соскальзывает обратно в постель. Он прикрывает глаза и оказывается на границе сна и яви, путаясь в мыслях; в них камни вдруг превращаются в воду и стекают по рукам, потом тянут его к земле, грузные точно чугун. Велизар чувствует противный холод промокшей рубашки сквозь дремоту, дёргает её от себя, укутывается, зарывается в одеяло, пока не просыпается снова.

Мысли становятся чище, а глаза оказывается не так уж и сложно открыть. Он сбрасывает дорогую косоворотку с плеч как половую тряпку – это первое, на что находятся силы. Дышится всё ещё тяжело; Вел садится и набрасывает одеяло на плечи – озноб колотит. Он снова выпрастывает руку – придётся привыкать. Велизар всё ещё не понимает – он столько лет жил с камнем за пазухой, и ныне ворож на ладони кажется просто украшением, дешёвой безделушкой. А обошлась она Велизару дорого – и не только ему.

С этой мыслью на него внезапным пробуждением обрушивается весь предыдущий день.

Сердце клокочет в груди заполошно; усталость уходит с концами, сменяясь тошнотворным волнением. Больше не беспокоит ни озноб, ни бред: только вьюны и терновые ветви над головой. Он должен княжичу многое, но, зная о нищете, Елисей непременно втянет его в историю с чёрным лесом без права на отказ. Это могло бы стать возможностью, путём, даже интересом, не будь так страшно. Велизар ни за что не желает делаться спасителем увядающих лесов и тем более участником чужих игр.

Хотя зачем иначе камень, приходит в голову: отталкивать уличных крыс в своём захолустье да пыль ловить при ветреной погоде? Вел горько смеётся, уткнувшись лицом в ладони. Для чего он вообще искал кузнецов? Велизар вскакивает с постели и, едва ли поймав равновесие, одним движением руки творит заслонку; совсем неплотную, но теперь намеренно. Потеряв сознание от бессилия, он ударится головой об утварь. Жалко трудов старой знахарки, которые и без того коту под хвост пошли. Защита неоднородным полотном колышется, но, стоит бросить в неё маленькую и непременно дорогую вазу, та утопает в щите и замирает над полом.

Велизар смеётся и почти плачет, зная, что это не предел, и не нужны ему для силы никакие пропасти. Он мог бы сворачивать горы и преграждать дорогу морям. Жаль, что страх сильнее.

Ваза раскалывается, встретившись с полом; возникает чувство, что ломается он сам. Простор раскидывается буйной стихией, рвётся из-под кожи, острый и необузданный. Мир полнится углами, очертаниями мебели, обломками качающейся у ног вазы. Вел чувствует каждую дощечку пола и малейшую дрожь штор, они сводят его с ума, будто уже несколько часов на голову падает по капле жестокой пыткой. Велизар умоляет его замолчать, укутаться снова в рёбра, беспомощный перед сотней мелочей, скребущих тело навязчивым присутствием, но злость только распаляет простор. Жадная сущность, погребённая тоской, вцепляется в новую силу и душит голову.

Велизар снова чувствует себя школьником на первых уроках волшбы. К новой силе надо привыкать, и то дело небыстрое. Он, шатаясь точно пьяный и вздрагивая от любой мелочи, хватая вещи с кресла и, пока никто не заметил его пробуждения, наспех собирается. Волосы снова утягивает в хвост, влезает обратно в шкуру, из которой вырвался ненадолго. Тело липкое от пота, и каждый миг приходится бороться с истомой в теле: во времени на передышку нет.

Велизар не станет менять одни оковы на другие.

Он на цыпочках и почти вслепую идёт по коридорам в надежде увидеть что-то знакомое. Простор гуляет всюду, цепляет даже далёкие шаги слуг, и заставляет прижаться к стене. Вела водили чёрным ходом: тот теперь становится возможностью скрыться раньше, чем пропажу заметят. Ковры душат звук шагов, пока он минует ярусы, воровато оглядываясь. Кольца впи-ваются в кожу, но это самая желанная боль, которую он когда-либо ощущал. Только без камня в руке пусто, и это не даёт взаправду вернуть себе себя, а только притвориться, что он хочет того же, чего хотел раньше.

Велизар самой далёкой частью души желает, чтобы его остановили: не потому что затея вдруг становится привлекательной, но потому что жаль тратить силу на глупости вроде спасения кружек. Он давно искал её, он мечтал о волшбе долгие годы, думающий, что сможет стать колдуном, которому нет равных. Однако теперь Велизар бежит подальше от цены, что придётся заплатить за неё. Он трусит и почти не осуждает себя за это: от чёрного леса и отнимающей жизнь золы сбежал бы кто угодно.

Кроме наглухо отбитого княжича и его пособника, что не уходят от простора, но слишком быстро оказываются рядом, чтобы успеть что-то предпринять.

Велизар вскрикивает от тока, прошедшего по шее оглушающей болью, и на мгновение теряет сознание; этого мгновения хватает, чтобы его затащили в незнакомую комнату. Вел прибивается к стене, выкрутившись из крепкой хватки и выпрастывает руку, когда Марьев дёргается к нему. Тот наталкивается на заслонку мутную всем телом; она выдерживает его массу, а дьяк – парень немаленький. Тот продирается через неё точно через топи.

Велизар сгибает пальцы потихоньку, пытаясь ослабить Аркаса удушьем, и усмехается, глядя на забавляющие попытки его достать. Но не хватает силы и навыков – слабость бьёт по телу волной от внезапного напряжения и неужённости власти. На шее сжимается рука, а плечи вдавливают в стену до боли. Теперь очередь усмехаться Аркасу; тот злорадно скалится.

Быть неудачником – тоже дар.

Велизар пытается вырваться из его хватки жалким, загнанным зверем, оглушённой рыбой, из последних сил; он бьётся, как припадный, о стену, сцепив зубы. Ток, рассёкший пространство, выгибает его дугой. Он даже не касается тела, но прошивает простор жгучей, пронзительной стрелой. Вел скребёт пятками пол, сорвавшись на крик – он хнычет и жалко скулит. Ощущение молний в просторе почти невыносимо, оно режет голову в труху, тело пропускает через мясорубку, будто его сунули в электрощиток.

– Прекрати! Прекрати, пожалуйста, умоляю тебя, прекрати! – орёт Велизар истошно.

Слёзы льются рекой, он расходится в рыданиях и захлёбывается вздохами. Аркас возмущается и трясёт его за плечи, но мучение глотает без остатка. Ещё мгновение, и Вел сойдёт с

ума; ток забирается в череп и кривит лицо судорогой. Он, прежде отказавшийся от простора, больше не желает к нему прикасаться.

Ток глохнет; раненое пространство тут же затягивается. Велизар выдыхает – кожу до сих пор призрачно колет. Аркас, насупившись, озадаченно его разглядывает.

– Это называется п-простор, – сипит Вел через рваные вдохи. – Я... я ч-чувствую всё, что вокруг, даже если оно не касается меня. К-как с упырями в лесу. Там п-проп-пасть была, я давно не... – объясняет он зачем-то заплешивая, но сникает.

Простор не поддается ему, стихийно накатывает, когда придётся – волшба открытая беснуется в теле, и тот иже с ней, будто в обиде на хозяина, доводит неуёмным нравом. Не надо было забивать его, чтобы теперь не страдать от чудовищной сорности пространства, но кто бы мог подумать, что мелкая прихоть однажды аукнется.

– Слабака ни одна цапка не сделает богатырём, – огрызается Марьев и прижимает его к стене ещё крепче.

Велизар – дурак, он знает это; никакой не Иван даже. Только Велизар-дурак; неужели он решил, что сможет уйти незамеченным из дома, в котором глаза и уши есть у стен, у пола, у потолка? Дьяк с княжичем знали, что он попытается. Довольство Аркаса чрезмерно – Велизар был лёгкой добычей. Ещё одно дурное свойство званых – думать, что они умнее прочих. Лопатки болят, и дышится тяжело, но он чувствует облегчение – все страхи сбылись, и бояться больше нечего.

– А я ведь хотел простить тебе услугу и отпустить с миром, – цедит Аркас досадно, – если бы ты пришёл и сдался на наш суд. Но ты решил сбежать как крыса с тонущего корабля. Я на это и ставил.

В комнату заходит Елисей, молчаливый и скучающий и, пихнув Аркасу бумажку в задний карман брюк, встаёт за его спиной. Они ещё и спорили, как Велизар себя поведёт – он чувствует себя вещью, игрушкой, за которую дерутся богатые дети.

– Но теперь – нет. Ты мне должен. Твоя побрякушка стоила немало, закров. Ты, думаю, представлял, когда собрался ноги делать. Совесть не грызла тебя?

Велизар сглатывает и облизывает пересохшие губы. Признание даётся непросто, но хориться в его положении не получается – Аркас, нависший над ним, фонит угрозой и злостью.

– Ты боишься неизвестного. И я тоже, – шепчет Вел.

– А чего бояться тебе теперь? Ты вон, какой сильный стал, – издевается Марьев. – Можешь коня на скаку остановить, и в дом горящий зайти ничего не стоит. Я тебе это дал, – гаркает он, стиснув его челюсть так, что кости трещат. – Терпеть не могу наглецов, а ты не только нахал, но ещё и тупой. Если волшба, за которой ты гнался, умрёт, она умрёт и в тебе. И не получится обвинить в этом кого-то кроме себя.

Его гневное дыхание обжигает щёку. Голос сочится насмешкой – Аркас упивается трусливой дрожью и видом заломанных в боли бровей; Велизар жалко барахтается в его руках. Елисей тихо наблюдает за ними со стороны, голову склонив, словно смотрит на поведение подопытного зверька. Он дьяка не останавливает и не спешит вставлять свои пять копеек. Велизар смотрит на княжича в поисках ответов; не помощи – её не дадут. Винаватым он себя не чувствует.

– Хоть «дякую» сказал, и то хорошо, – выплёвывает Аркас.

Велизар не отвечает. Он в упор смотрит на княжича в ожидании приговора. Тот всё молчит и что-то пытается в нём высмотреть глупо – совесть, что ли. Но из всего, что у Велизара осталось от совести – мысль, что он не попрощался с княжной. Больше ничего не гложет – мама будет горевать, если с ним что-то случится.

Велизар никогда не сомневался: стоит обрести волшбу, и никто не сможет ему навредить. Теперь он в этом не уверен. Во взгляде Марьева полыхает ярость, а княжич выглядит серьёз-

ным и твёрдым в любом из своих решений. Но Вел всё равно говорит то, что каждому из них стоит услышать; чин не даёт ничего, кроме новых слов и дорог. Отнюдь не мудрость.

– Какая глупость – держать всё на мнимой, искусственной чести, – хрипит он, хватая воздух. – Елисей, у людей нет чести. Я удивлюсь, если у Богов она есть, – с едкой усмешкой бормочет Велизар. – Если ты веришь в иное, но я бы задумался, достойный ли ты наследник родовых дел.

Черты княжича становятся жёстче; он глядит сквозь него, губы поджав. И только тогда подаёт голос, будто дождавшись, пока Аркас прогорит и успокоится, а Велизар выскажет всё, что на душе. То ли заботится, то ли оценивает положение вещей.

– Тебе же нужны деньги да? – спрашивает он без забавы.

Велизар цепенеет, уставившись на него ошарашено. Тот не звучит ни злым, ни разочарованным. Княжич звучит пусто; тон пугает только пуще.

– Елисей?.. – растерянно окликает его Аркас, обернувшись.

– Я, конечно, давно сижу в лесу, но остаюсь одним из князей, – прерывает его Ядвигов. – Я понимаю, как ведутся дела. Кас, ты тоже. Если мы не заплатим ему за молчание, то кто-нибудь заплатит за сведения. Доверенный закров в окружении никогда не зря. Тем более, когда в нём разгорелась сила.

– Но у нас есть люди! – возмущается Марьев.

– Чем меньше проводят о черни, тем лучше. Так получилось, что Велизар уже знает. Легко убить двух зайцев разом. Дать ему мелкий чин, дворянских шмоток, денег, чтобы не выбивался из богатых, назвать подручным Лады. Он послужит нам замест выплаты долга, а, как всё разрешится, пойдёт своей дорогой, – рассуждает княжич. – Или мы можем отпустить его сейчас, а потом искать по деревням и дорогам. Даже вырви язык и выколи глаза, у него останутся руки.

Велизар слушает его, застыв в тихом ужасе.

– Я не стану этого делать, – успокаивает Елисей, встретив взгляд. – Не стану вредить человеку, просто потому что тот оказался не в том месте не в то время. Все думают, что за пять лет в чаще я сошёл с ума и стал кровожадным чудовищем, но это не так. Никто не обеднеет, а мы получим защитника во служение и решим вопрос без лишних глаз, за которые нам бы тоже пришлось заплатить. Ни к чему волнения и сомнения во власти.

Вел может его понять отчасти – никто, судя по всему, не берётся за беды леса, что для княжича дом. Слова о здравомыслии утешают и чуть унимают страх.

– То есть, по-твоему, он нас решил насбать, а мы не только простим ему это, но ещё и денег насыпем? Почему ты думаешь, что под нашим носом он не найдёт возможности сбежать или рассказать обо всём? – ерепенится Аркас всё равно.

Вел выдерживает княжеский цепкий и строгий взгляд, полный боязни пожалеть о добродушии. Велизар так же боится ошибиться, но предложение княжича звучит милостыней. Ему не противны подачки, зато мерзок ужас, который будет преследовать его в отказе. Он никогда не расплатится и умрёт, сгорбившись над столом на заводе, чтобы вернуть им долг. Возможно, иногда стоит выбрать другой путь, чтобы не остаться слепым.

Вел слабо кивает княжичу, будто загибая последнее звено цепи на шее. У него нет исключительной чести, которой от него ждут, но страх вполне сойдёт за неё. Велизар не хочет ни от кого бегать и жить в кошмаре ещё большем, запереть себе двери в милую душе столицу, волновать маму. Он не стал Инге другом и не вернул благодарность за зелье герцогу.

Того хуже – Вел ещё себя не нашёл, и не сможет, гуляя одной и той же тропой, выучив каждую травинку и дерево на пути. Он хватая воздух ртом, дрожа от своего решения и уговаривая покой вернуться. Велизар хотел только бежать, но в конечном итоге сам себя отдал в их загребушие руки. Как бы они потом не растерзали его.

Вот такой Велизар-дурак.

– Потому что он понимает, чем это обернётся, – заключает Елисей, кивнув ответно и вытаскивает из нагрудного кармана бумагу, тонкую и хрупкую, как сама жизнь. – Тем паче, мне всё-таки кажется, что совесть у него имеется, хоть Велизар и говорит обратное.

Неожиданная, честная вера выбивает из колеи. Аркас отпускает его, и Велизар соскальзывает по стенке, горбится сразу, едва себя на ногах держа. Елисей подходит к нему и лезвием царапает руку; Велизар вздрагивает, зашипев, и голову вскидывает испуганно, но не успевает увернуться от чужого касания. Кровь стекает по предплечью прямо в склянку с чернилами, что Елисей держит рядом. Тот взбалтывает месиво, как жуткое зелье.

Велизар, конечно, знал, что дамак никуда не исчез после громкого бунта, что впился даже в его юный мозг с десятков лет назад. Тот скрылся в тених – не больше, глупо было бы думать иначе. Но отвращение пробирает от вида, как его кровь становится частью чернил.

Елисей перехватывает перьевую ручку поудобнее и чертит тьму на бумаге. Княжич, заглянув ему в глаза, прижимает палец к бумаге, а потом прикладывает его к шее. Слова по буквам собираются где-то в сознании, обжигают кожу и мысли, выпаиваются в мозг.

М л ч а т и ч р н ь л е с. Молчать о чёрном лесе.

Язык немеет от самого корня, и Велизар тихо воет. Он никогда не ощущал тёмной магии на себе. Каждый школьник горланит, что он станет самым тёмным магом на свете, потому что это – круто, быть злым и дёргать за ниточки. Но в тёмной магии нет ничего классного – только безволие того, кто попадает под её влияние. Велизар сгибается: тошнота подкатывает к горлу.

– Прости, но доверие – это роскошь для меня, – искренне говорит Елисей.

И Велизар, наверное, понимает, но трепет чужой честной веры проходит. Становится плохо от одной мысли, что синим пятном на шее горит чья-то воля; мерзкий кабальный запрет. Только теперь Вел понимает, во что на самом деле влип, с тяжестью, точно здание складывается на бедовую голову. Нужно было посидеть в комнате ещё немного, и не дать себе наломать дров. Хорошие замыслы приходят опосля.

Язык начинает снова двигаться и ощущаться зубами скоро; тошнота не уходит. Елисей хочет коснуться его плеча, но Велизар сжимает руку в кулак невольно, и тот удушено кашляет. Вел пугливо озирается; княжич поджимает губы, и лишь на миг его черты задевает вина. Ворочать языком всё ещё непросто, он чужой, как будто отделённый от тела, но Велизар выдавливает приговором:

– Я пойду разбирать вещи.

Велизар поправляет воротник кафтана, глядя на себя в зеркало. Княжеские одежды всё ещё хороши; шкаф забит дорогими и красивыми вещами. Она не новая – Елисей отдал ему свои старые наряды, которые тот носил до отъезда в Избу. Велизару всё равно, откуда они; их не сравнить с простыми рубахами, спору нет. Рцему³⁶, подручному княжны и покровителю искусств, коим его нарекли, непозволительно быть бедным рабочим.

Удивительно, как легко ему написали новую жизнь, в которой у Велизара много денег и благородных побуждений, а ещё говорник новейшей модели и страсть к старьёвицам³⁷. Но нет правды – ни одной, вопреки бумагам. От его имени было внесено крупное пожертвование в один из художественных учёных домов, да и мелкий секрет у них с княжной есть; тот сияет камнями проколов на груди.

Только вот в отражении, чуть голову склонив, предстаёт прежний человек. Отчаявшийся раздолбай из глубинки, который вышел на дорогу и побрёл, куда глаза глядят, от безысходно-

³⁶ Рцем – от ст. русск. "разговаривать". Чин четвёртого порядка, так же, как и дяк. Проще говоря, мелкий советник.

³⁷ Винтажная/Секонд-хенд одежда.

сти одинаковых улиц. У Велизара теперь восхитительной красоты ворож и теплая комната в столице, кровать с сеньями, здоровый цвет лица, но они не утоляют голод чувств. Те, как порча из сказок, остаются с ним, сколько бы слов ни прибавили к имени.

Вел хотел, чтобы его остановили; надо быть осторожным с желаниями – они часто перевертышем обращаются в чудищ. Его часть, заворожённая городом и дорогами открытыми, согласна обменять правду на выдуманную жизнь и назвать комнату, одежду, чин своими. Она звонит маме, чтобы с нежностью и радостью сообщить о своих делах. Успокоив тревоги о безопасности, обещает звонить, не зарываться в новую работу и отправляет маме деньги на фен. Её греет мамина гордость.

Но есть другая – ей Велизар чувствует себя псом на цепи, должным наглецом, боящимся всего на свете. Никто не знает, что кроется в чёрных лесах. Он боится потерять любую из жизней, потому что смерти безразличны записи в бумагах и людские выдумки.

Велизар, как ни назовись, есть одно и то же тело.

Может он этого слишком хотел – огранить камень, остаться в столице, погрязший в чаяниях. Денег у него теперь больше, чем когда-либо в жизни было; Елисей не поспешил, пытаясь оправдаться за свой поступок. Конечно, Велизар догадывался, что званые изредка пользуются тёмной волшебной силой, а остальные закрывают на неё глаза, да и молчать о чёрном лесе – это меньшее, чем могут клеймить. Дамраку ничего не стоит заставить человека замолчать насовсем – но верится, что Ядвиг и правда не кровожадное чудовище. Княжич – просто зардевшийся богач. Чудовищем его это не делает; наверное, даже больше человеком. Таким же, как все.

Елисей бы всё равно нашёл Вела в любом из городских углов – в том видится простота. Его заставили – только и всего. Подчиниться легко.

Велизар закрывает дверь на замок, словно у Елисея нет ключей от каждой комнаты в доме; доверять он не обязывался. Во дворце тихо и пусто – шаги по лестнице раздаются громом. В гостиной Вел находит только княжну. Та выглядит свежо; держит в руках говорник, почти как у него теперь, хохочет с чего-то, что видит в Паутине. Теперь Вел может и сам наконец ползать по ней, отставший на десяток лет, но пока не тянет. Боязно потеряться – перемены громадны.

Велизар улыбается слабо тоже. В новом положении есть что-то хорошее – возможность познакомиться с Ладьей поближе, например. Княжна несёт чин с достоинством; стоит последовать её примеру, пусть в нём сразу признают подкидыша. Повезёт, если посмеются снисходительно, как над важничавшим ребёнком, который возомнил себя взрослым. Велизар обязан быть Инге подстать – подручный же, не просто так приставили. Да и самому хочется – нельзя рядом с такой девушкой быть сопляком. У них, почему-то кажется, много общего, и она тоже за него цепляется.

– Ну давай, хвастайся, – довольно тянет Ладья, обратив на него внимание, – приодетый красавец.

Велизар прыскает, смущённо потупив взгляд – щёки горят. Шутит она или нет, думать, что такая чаровница считает его красавцем, лестно. Вел протягивает руку – мысль, что он хотел уйти, не попрощавшись с ней, стыдит. Ладья невесомо берёт его ладонь в свою и начинает перебирать пальцы, разглядывает кольца с упоением, будто те – её собственные. Во взгляде мелькает гордость ему непонятная. Велизар почти ничего не сделал для того, чтобы исполнить своё желание. Лишь согласился разделить дорогу с первым встречным, который по случайности оказался дьяком во служении у блаженного княжича. Однако взор Ладьи заставляет гордиться тоже. От мягких касаний по телу бегут мурашки.

– Похвалишься силой? – просит она с улыбкой.

– Будет ещё время, – отмахивается Велизар и кланяется запоздало.

Он, подобно Елисею, теперь держит руки сложенными в замок за спиной; одежда то ли зачарована, то ли просто заставляет соответствовать себе. Нужно исправлять осанку.

И всё-таки чин звучит достойно – рцем. Рцем Велизар Косов. Кумовство в царстве – обычное дело, и он не исключение. Приятнее всего то, что звание даёт безнаказанно журить Аркаса, который теперь ему ровня.

– Я остаюсь, княжна, – твёрдо говорит Велизар.

В её лице мелькает тревога. Ладыя поднимается с понеги и тянется рукой к его шее, но Вел вскидывает руку раньше, чем она успевает нащупать бугрящиеся шрамом слова. Её пальцы тонут в защите, не пробиваемой без усилий. Инге всё ясно становится без доказательств. Печаль омрачает прекрасное лицо; но она всё равно улыбается.

– Добилась своего, – усмехается Велизар и опускает руку. – Любишь ты дразниться.

– Иначе со скуки можно сгинуть, – отвечает она и игриво усмехается: – Зато не будет тоскливо на приёме у тётки, раз у меня такой любопытный спутник. Княжна Ладыя Ядвигова, природница. – Она протягивает ему руку в приветственном жесте; даёт погордиться.

Благодарность за поддержку разливается в груди лаской, хоть она и баловство. Они поладят; княжна отличается от родственников человечностью и озорством.

– Рцем Велизар Косов, закров. Будем знакомы, – Вел юрко перехватывает её ладонь и мажет губами по костяшкам снова, не опустив взгляда. – А теперь заплети мне косы, пожалуйста. Знаю же, что хочешь. Ради тебя волосы не собирал.

Велизар усаживается на понегу и откидывает голову, отдаёт космы щепетильным рукам Ладыи. Тревога уступает место тихому удовольствию, что сплетается с неуёмными мыслями. Сколько бы строк ни было написано в бумагах и сколько бы денег ни лежало в кошеле, Велизар знает о настоящем. Всё прочее – сумасшедшая выдумка, к которой придётся привыкнуть, как к ровной спине, к силе волшбы, к грядущим бедам. К выдумке, кажется, проще всего – у Велизара нет выбора так же, как и другого тела.

Оно одно до сих пор принадлежит ему.

ГОРОД ПЯТИ КОЛЕЦ

10. Неправда

– Я выкупаю твой постоянный двор на Свароговской, – Велизар показывает Аркасу язык и бросает на стол пару игрушечных денег.

Ладья снова сердито дёргает его за волосы, чтобы перестал шататься и дал ей закончить с хвостом – она бывает строгой. Княгиня из неё получится отменная. В меру твёрдая, в меру ласковая, она определённо добьётся всего, чего пожелает, не замарав ни рук, ни имени. Велизар вожделеет к ней, совершенно очарованный; время делает её образ только краше.

Ядвиговы дают ему попривыкнуть к новому себе и новому миру вокруг – не тащат его к старшим, не заставляют куда-то идти и носить парадные шмотки. Они ведут себя так, словно он их новый друг. Велизар не знает, как относиться к этой «дружбе», но несчастным себя точно не чувствует.

Он слоняется по дворцу между столовой, гостиной и спальней, рубится в настольные игры, осваивает говорник, сотни раз проигрывает Аркасу в кости – и остаётся должен много разных глупостей. Понятие долга страшит только в серьёзных вещах. Укусить герцога за руку в качестве цены за проигрыш не приводит в ужас так, как мысль о том, что ему придётся спасти царство от того-незнамо-чего в составе этой суперсемейки.

О долге, написанном на шее, Велизар старается думать хотя бы не каждую минуту. Впрочем, чужое богатство потворствует – настолок у Ядвиговых целый шкаф, за всю жизнь не перебрать, мощные числовики полнятся играми на вкус и цвет. Одним вечером Ладья потащила его играть в игру-подражалку, где надо создать персонажа и управлять его жизнью. Вел вошёл во вкус, вымещая обиду на пикселях, которые полностью подчинялись его воле. Они с Ладьей смеялись до слёз от нелепости действий и забавных несовершенств. Когда его персонажа убило откидной кроватью, Велизар усмехнулся, украдкой подумав, что его жизнь теперь тоже кажется лишь искусственным подобием или глупой театральной пародией.

А потом Ладья воскресила его каким-то цветком, гордо задрав голову с видом самой создательницы, и они продолжили дурачиться, пока сердитый Елисей не пришёл ворчать, что они не дают спать всему дому.

Велизар никогда не забудет лукавое довольство, с которым она зыркнула на него, как на своего поделщика. Ладья снова поправляет его голову и, затянув высокий хвост потуже, забирается на понегу к нему под бок. Кости задорно стучат друг о друга в её руке; Вел вздрагивает от слабого удара по колену. Аркас качает головой предупреждающе – Велизар смущённо отводит взгляд.

Он ничего не может с собой поделать; с ней легко.

– Он в упадке, придурок, – фыркает Аркас, вернувшись к игре. – Не пуши хвост раньше времени.

Вел закатывает глаза и гордо ставит ещё одну панельку на поле.

– Поднимаю уровень. Я приберу к рукам этот город, – зловеще произносит он и наигранно хохочет, растёкшись на понеге якобы невзначай, чтобы коснуться Ладьи хотя бы краем рукава.

– Ой, ой, – дьяк корчится так, словно Велизар кинул в него сгнившим луком. – Выделываешься как в том кинчике, чо мы вчера смотрели. «Я очищу этот город», «это мой город», какая пошлость.

– Звонящая пошлость, – забавно гундосит Ладья, а потом покупает у дьяка ещё одну улицу, хитро взглянув на Велизара.

Они безмолвно объединились, чтобы ободрить Марьева до нитки, ещё час назад. В княжне столько задора, что Вел, забывшийся в тревогах, тянется к ней как мошка к светильнику. Хотя иногда кажется, что её веселье напускное, и Ладья лишь из вредности с ним водится. То ли брата позлить хочет, то ли показать самоволие; пускай, если хочется, Велизару не жалко – он рад её вниманию. Но Вел замечал её в гостинной краем глаза, печально глядевшую в никуда; скрытая, приукрашенная печаль до сих пор волнует душу, что мечется беспомощно.

Быть ещё одним человеком, что вынуждает Ладью притворяться, противно – Велизар хотел бы узнать её всякой. Благо, времени уйма – никто даже не начал думать о дальнейших шагах.

Сейчас всех гложет только встреча с царём, назначенная на вечер.

По крайней мере, они достаточно быстро друг к другу привыкают. Ругани пока не случилось, кроме шуточной; Елисею Вел хоть сколько-то приятен, судя по всему, но его чуткий подозрительный взгляд липнет к коже. Аркас во всём поддерживает княжича по наитию, но не начинает споров первым и явно неприязни не выказывает. Злость сходит на нет, да и страх чуть унимается. Человек ко всему привыкает, разве что не прекращает чувствовать.

Между ними деланным спокойствием натянута невидимая ловушка – рано или поздно кто-то угодит в неё.

Велизар пока довольствуется малым – он перестаёт быть совсем чужим, после стольких-то запальчивых игр, где все были посланы в самые разные места. Один раз почти дошло до мордобоя, но Аркас принёс ему пиво в знак заключения мира, когда понял, что был неправ. Часть команды – часть корабля, так говорит Елисей.

Княжич сам принял решение втянуть Вела в их беды, и с нравом гостя приходится мириться, чужой он или нет.

Оказывается, что слова про корабль тоже из какого-то кино, и они наперебой сыпали комментариями, когда усадили Велизара его смотреть. Звериная доля массовой культуры прошла мимо него, и теперь нужно нагонять, чтобы было, о чём пообщаться с людьми в обществе кроме погоды. Из развлечений в детстве у Вела были кусты снежника, ягоды которого смешно лопались, и палка, чтобы бить кусты крапивы. Когда он рассказал, Ладья с Елисеем смотрели на него, как на умалишённого, не понимая, зачем это делать. Один Аркас довольно кивнул – он ребёнком мутузил шиповник; до чего же суровые дети гор.

От кино про пиратов Велизар пришёл в такой восторг, что ещё день ходил, как пришибленный, страстно желая на настоящий корабль когда-нибудь попасть. Марьев пытался расстроить его тем, что мореходы теперь совсем другие, хоть и не менее красивые, но после сдался и признал, что сам был бы не прочь оказаться там разок. «Всё впереди», – обнадёжено бормотнул он и добавил: «Кто знает, куда заведёт нас этот пиздец».

Иначе и не скажешь.

Велизар довольно смеётся, когда Аркас садится в тюрьму, неудачно кинув кости. Вел иногда задаётся вопросами, но не задаёт их – сколько раз, например, дьяк въяве был на грани заключения; и сколько раз Елисей откупил его от этой участи. Никто Велизару ничего не расскажет – он им не друг всё же, и за любые сплетни княжич спросит с него молчанием. Он – те самые лишние глаза, от которых не увернуться теперь, коли взяли в свою «часть корабля».

Велизару хватает одной чернильной надписи; любопытство того не стоит.

– Сиди, дурень, – фыркает он, довольно проскочив дьяка в тюрьме, скупает ещё улицу у Елисея и ехидно машет перед их лицами пухлой стопкой игрушечных денег.

Хоть где-то Вел может себе позволить позёрство – он был обделён им с самого детства. А теперь он и красавец, и добрый молодец с ворожем, и при деньгах из игры – вон как поднялся. Однако жизнь не даёт и сейчас насладиться успехом – двери гулко распахиваются, и в гостиную заходят старшие Ядвиговы.

Все тут же подскакивают; Велизар мнётся босыми ногами на холодном полу и нервно расправляет домашнюю рубашу, подёрнутый испугом – что с ним станет перед царём? Принаряженные Добромил и Рада держат спины, улыбаются как положено – не слишком широко и не слишком вяло, без оттенка любого чувства, что могло бы испортить их вид, как воплощение искусственного порядка.

Они, оглядывая их растрепанную талаку³⁸, особенно долго держат внимание на Велизаре, и морозец идёт по спине вместе с жалким невольным благоговением и поныне от вида людей, раньше недостижимо далёких. По нему непременно видно, что он свету не принадлежит – скоро его раскроют и прогонят с позором. Вел старается не дышать – каждый из званных может оставить от него лишь пустое место. Перестанет ли он бояться хоть однажды?

На их лицах отражается некоторая неприязнь, хотя он даже рта ещё не открыл. Велизар и не ожидал другого – у нрава детей есть корни в родителях. Добромилу даже не приходится говорить что-то, чтобы заставить всех быть не в своей тарелке. За любезной улыбкой скрывается стойкое раздражение, что видится в морщинке между бровей.

Велизар выходит вперёд сам, решив напасть на паническую атаку первым, кланяется быстро, но глубоко, и семенит спешно наверх. Вместе с появлением старших князей приходит ясность, что времени привыкать больше нет – и его беда, если он ещё не. Вел торопливо одевается, подбирая вещи поприличнее, волосы приглаживает, и без того безупречные. Обман всюду видится несовершенством, но в отражении является порядочный и статный молодой человек.

Одёрнув рукава, он делает вздох – лицедей из него отстойный, но игры учили его бахвальству, а Елисей – не перечить князю и быть рядом с ним неброской, миленькой луговой ромашкой, чтобы понравиться, но не вызвать подозрений. Чуть хмельная Ладя той ночью за числовиком между делом сболтнула, что князя не слишком умные люди.

Если получится обдурить их, будет уже неплохо, но царя никак не удастся.

Дрожь перетряхивает. Он сосредотачивается на зеркале и удивляется раз за разом тому, кем становится в этих одеждах. Ему бы завидовал весь Ягополь; никто бы и не вспомнил о худобе, о слабости. Вел выпрямляется, и дышать становится тяжелее – он горбится с детства, будто подражая лесной хтони. Спина ноет, но он спускается обратно в гостиную стройными шагами – эту походку Елисей прорабатывал с ним несколько часов: чёткую, безупречную в своём равнодушии, поистине княжескую.

Все оборачиваются на него, и князь кивает довольно, мол, исправился мблodeц. Велизар кланяется им ещё раз.

– Рцем Велизар Косов, закров, – чеканит он.

Он стал ужасом картавых людей.

– Рцем, значит, – хмыкает князь. – Что вы задумали, дети?

Велизар хочет быть убитым откидной кроватью здесь и сейчас.

Простор мечется в тревоге, хотя Велизар боится его теперь; тот откликается на любое сильное чувство, одуревший от вседозволенности. От князя чувствуется угроза и приглушённое беспокойство, но смотрит на него Добромил ой как недобро, и тем более не мило. Подозрения того, кажется, множатся только, но в сказку, что ведаёт Ладя, Велизар не лезет – он никогда не был ловок на язык. Аркас мягко ступает подальше, словно желает отсюда уйти.

– Велизар благотворитель моего учёного дома и давний друг, – невозмутимо говорит княжна. – Мы познакомились на третьем году, на съезде молодёжи, помнишь, там ещё из маленьких городов приглашали? Приехал недавно с юга, мы предложили остановиться у нас. Комнат много, отец.

Князь уверенно кивает, хотя Вел готов поклясться, что ничего он не помнит – может, и съезда не было никакого.

³⁸ В пер. с белорусского – компания, группа людей.

– Пожалуй, – соглашается тот. – И правда благотворитель?

– Недавно получил наследство, отец признал меня в завещании. Захотелось перебраться на север, жара меня томит. Нельзя не уважить место. Да и некрасиво переезжать по доброте княжича и княжен только. А я – человек честный.

Последнее Велизар говорит зря – никто не даёт себе подобной оценки, и ложь некрасиво сквозит в тоне. Но князь кривит губы и хмурится лишь на мгновение, а потом добреет, будто наивный ребёнок, не заподозрив обмана в простой отмазке сродни «мам, я не курил, они курили, а я рядом стоял».

– Тогда добро пожаловать, барин, – говорит князь.

И это обращение бы поразило до глубины трусливой душонки, но простор прошибает внутренности. Вел скрещивает руки и выпрастывает их в стороны в заученном жесте, первом, что приходит на ум.

Волшба хочет порвать его на части; невидимые нити тянут по сторонам света и мешают дышать. Колдовство обрушивается на него шквальным порывом. Бесконтрольное буйство, сотворённое в испуге, проходится околотью по телу и обжигает сиюминутной слабостью. Молнию душит броня, а подсвечник и заледеневшее яблоко утопают в нём.

– Да что!.. С вами не так-то! – вопит Велизар.

Он смотрит по сторонам ошалело; он новую силу пока не трогал – вместе со всем прочим впечатления разорвут. Она восхищает своим размером – мутный щит укрывает кольцом от всех бедствий. Нужно если не учиться ей заново, то хотя бы нащупать пределы, наловчиться брать волшбу в узду, чтобы она не рвалась из него, когда заблагорассудится, но радость всё ещё не отпускает.

Она есть: жадная, сложная, требовательная, но она льётся из тела величайшим даром, который он, наконец, заслужил.

Нападения не повторяется, но руки Вел не опускает, мечется взглядом по Аркасу, по князю, по девушке, замершей на пороге. Совершенно сбитый с толку, он чувствует, как внутри поднимается злость, скребёт между ребёр шипастым кошмаром, сдавливающим челюсти и глотку. Решимости прибавляется.

Почему они решили, что это смешно – кидаться предметами для проверки на вшивость, пугать до ужаса, а потом стоять с виноватыми лицами и тупыми оправданиями? У Ядвиговых безумие передаётся половым путём, видимо. Велизара берёт гнев; он начинает раздвигать границы щита и толщу пространства. С ним нельзя обращаться подобным образом, каким бы коротким ни был поводок – он человек, в конце концов, и веселить напыщенных богачей ниже его достоинства. Если бы он хотел, то пошёл бы работать в цирк.

Аркас закашливается, рот распахнув по-рыбьи, и беспомощно хватается за горло; воздух вокруг его лица настолько плотный, что невозможно вдохнуть. Марьев единственный, на ком Вел может отыгаться в назидание остальным. В нём пыхивает полумёртвая гордость, ведь её впервые есть, чем оправдать.

– Велизар! – вскрикивает Елисей напуганно

Удовольствие улыбкой растягивается на губах. Вел, уронив руки, сцепляет их за спиной, как будто ничего не произошло. Подсвечник падает с жутким звоном.

– Прости, – с мягкой улыбкой произносит князь Добромил, едва скрывая испуг. – Ладье не помешает защита, если ты не против, рцем Косов, – беспечно добавляет он.

– Отец, – сердито говорит княжна, – он не страж. Хотел мне охраны, не гнал бы Со...

Добромил просит её замолчать, ладонью махнув, и разводит руками – и правда будто ребёнок.

– Я думаю, милейший барин Косов позволит нам шалость в силу своей природы.

– Позволю, – говорит Велизар, почтительно кивнув; переходить дорогу князьям ничем хорошим не обернётся. – Если впредь не будете бросаться в меня вещами. Все почему-то

думают, что ни у одного закова не развит простор, – князь хмурится в непонимании, но не спрашивает; их в столицах будто вообще ничему не учат. – Но я понимаю ваше беспокойство.

– Да ты бы получил этой железякой по лицу еще неделю назад! – рывкает Аркас, слюной брызжа. – Помни, кто тебе всё это дал!

Вел даже не дёргается, пытаясь сохранить невозмутимость, хотя сердце колотится от непривычной дерзости.

– Но это и не карандаш, дяк. Моя признательность за помощь с камнем не даёт тебе права насмехаться.

Пусть используют, но не позорят хотя бы – важные люди, а ведут себя, как оборванцы ягопольские. Аркас, закашлявшись, ругается на каком-то неизвестном языке.

– Ну что ты, Аркас. Это и правда было не очень красиво с нашей стороны, – соглашается князь. – Агния, заходи, мы уже закончили. Все помнят, что приём у царя-батюшки вечером? Нужно быть во дворце в шесть, – говорит он и, кивнув для верности, добавляет: – До встречи, рцем Косов.

Велизар кланяется ему. Стоит двери за князем закрыться, Аркас срывается с места, но его останавливает, за плечи удержав, Елисей.

– Да ты!.. – вопит Аркас. – Берега попутал, а, пацан?!

– Но урыл он тебя красиво, согласись, – со смехом говорит Агния, подошедшая к ним. – Как будто всю жизнь барин, а не из грязи в князи, ну.

– В том и дело, он никто, а ведёт себя как царевич.

Аркас наступает на него своим огромным ростом и крепким телом, скалясь нехорошо.

– Так, всё, успокоились, – устало цедит Елисей. – Нам не хватало Велизару ещё синяки замазывать перед встречей с царём.

Никто закономерно не верит, что Велизар может врезать дяку; тут приходится согласиться – Марьев здоровый, как бык.

– Он не пойдёт.

– Нет, – отрезает княжич, – он пойдёт. Отец к Ладье его приставил, ему нужно идти.

Велизар закатывает глаза – они болтают, будто его рядом нет; в этом столько пренебрежения и вещности, что челюсть сводит. Аркас, вздохнув, тычет пальцем ему в грудь.

– Допрыгаешься однажды, кузнечик.

И наконец уходит.

Велизар передёргивает плечами, пытаясь сбросить осадок, что остался от разговора. Нацепив благодушную улыбку, он оборачивается к Агнии и кланяется учтиво, стараясь не глядеть. Но взгляд всё равно косит на копну седых волос и серую кожу. Нельзя сказать, что она уродлива или противна – княжна выглядит неестественно. Будто восковая кукла, поблёкшая за годы – от игрушки её отличают только впалые глаза и щёки. Под яркой помадой незаметен настоящий цвет губ, а венки выступают на веках, будто она всего лишь любит яркие накраше-ства.

Больше всего удивляет, конечно, юность – смерть придёт за ними всеми, но Агния будто обманывает её с ранних лет. Она усмехается, заметив внимание – Вел смятённо отводит взгляд.

– Обычное дело, рцем Косов. В твоём выражении лица нет жалости и отвращения, и это уже хорошо, – говорит она с улыбкой. – Смотрю, огранка прошла успешно.

– Откуда тебе известно? – удивлённо бормочет Вел.

– Даян сказал. Мы давние друзья. Кстати о нём. Елисей, Росок звал вас выпить, просил передать.

– Странно, что он не сказал нам об этом лично, мы виделись, вместе ехали в город. Но время было и правда не то, – сам с собой спорит Ядвиг. – Только сначала царь, а потом пить. На приёме тёти свидимся.

Надолго Агния не задерживается, но прежде, чем уйти, шепчет на ухо:

– Тебя Даян звал тоже.

Велизар усмехается так, словно это что-то должное. На деле внутри теплеет от тихой радости; герцог приятный и почти простой. Друг из знати, который не хочет его использовать или тянуть за поводок – звучит как мечта. Особенно такой, как Даян – страстно любящий сплетни; чтобы не заскучать в чинном обществе непуганных идиотов.

– А, забыла, – спохватившись на пороге, Агния протягивает ему папку. – Твои бумаги.

Большими буквами под прозрачным пластиком свидетельство извещает о том, что ему волей государева наследника Олеандра присуждён чин. Велизар держит папку с осторожностью, будто она может рассыпаться от любого неловкого движения – или загореться в руках, или, вырвавшись из хватки, сделаться чудищем с бумажными зубами.

Хотя она и правда может, образно, выкинуть всё, что угодно, поэтому Вел с сердечной благодарностью позволяет Ладье забрать её и делать с бумагами всё, что нужно, пока он не осмелится встретиться с настоящим. Велизар чувствует себя ребёнком, за любой мелочью бегущим к взрослым, но княжна успокаивает его.

– Если однажды я стану бедной, ты будешь бегать со мной точно так же, – шутит она.

Велизар усмехается – с этим он непременно справится.

Оказаться внутри царского дворца – страшно. Его величие и роскошь поражают, давят на без того тяжёлую голову, забитую мыслями и ощущениями от внезапно перевернувшейся жизни. Жизни, в которой слуги открывают перед Велизаром огромные грохочущие двери, хотя он должен стоять на их месте; в которой его величают барином, не подвергая сомнению дворянскую принадлежность.

Хотя кто знает, какие слухи будет нащёптывать друг другу прислуга под покровом ночи в отсутствие лишних ушей; появление неизвестного рцема вызовет вопросы и в огромной столице, где таких, как он – десятки, если не сотни.

Вспышки камер слепят.

Велизар вздрагивает и отшатывается от журналистов, что встречают их с хищной жадностью у дверей. Аркас, идущий рядом, даже не обращает на них внимание, лишь взгляд косит на него, путающегося в ногах. Взгляд заплывает пятнами, и все красоты теряются в них. Всего очень много, куда больше, чем у Ядвиговых в доме, глаз не может зацепиться за что-то одно. Простор бушует взмахами рук и нестройными шагами, в него вторгаются распахнутые в крике рты – Велизар не был готов сразу попасть в газеты, хоть его имя сделали оправданным, и к бумагам не подкопаться никак. За ним наблюдают множество глаз, что видят каждую осечку новоявленного званного, его точно пьяную растерянность, Голоса оставшись за ещё одними дверьми, такими же громоздкими и величественными, всё ещё звучат в памяти. Никакого Велизара Косова больше не существует – только рцем Велизар Косов. И от слова «связист» у него остались только связи, о которых мечтает каждый.

Но очень много от простака.

Мысль об этом обрушивается на голову столпом ледяной воды на пути к тронному залу среди богатства и торжественной тишины. Грудь сдавливает оторопь, и он рвано хватает воздух ртом. Ладья что-то говорит, но слух дрожит от напряжения и стука сердца, столь частого и громкого, что в теле сводит каждый сустав.

– У нас есть время? – выдавливает он через силу и чувствует, как ходят под кожей желваки.

– Есть, – твёрдо отвечает Ладья и, схватив его за руку, ведёт за собой в узкие ходы, подальше от пышных пространств.

Они оказываются в тёмной маленькой комнате, и она толкает его на понегу; Вел бьётся о спинку позвонками. Вслед за ними заходит кто-то ещё – княжна что-то нервно говорит гостю, но Велизар не может разобрать и буквы. Он сминает ферязь на груди, пытаюсь выскрести путь к сердцу, но её руки помогают расстегнуть пуговицы на шее раньше, чем те отлетят в пыльный угол. Вел хватается за голову, потому что она сейчас разорвётся от давления, и только простор рисует ему мир.

– Эй, Вел, – зовёт мягкий голос, и рука тянется к колену; Велизар сжимается прежде, чем ладонь его настигает.

Наглые руки бережно берут его за кисти и вынуждают отнять их от головы. Требуется время, чтобы узнать в копне рыжих волос и острых чертах Даяна, который присаживается на одно колено у ног. Велизар старается затолкнуть в грудь хоть сколько-то воздуха, но тот встаёт поперёк горла и будто выворачивает позвоночник.

– Вел, слышишь меня?

Ладья садится рядом и развязывает ему рубашку; чуткие, равнодушные, они возятся с ним как с ребёнком, даже слишком равнодушные для людей с настоящими званиями и с заслуженным правом на высокомерие. Велизар кивает часто и скребёт ногтями сиденье.

– Что случилось? – спрашивает Даян, вцепившись до боли в его колени.

– Это не я, – сипит Вел и машет рукой. – Это всё. Неправда. Я... мне никто... мне никто не поверит, блять, я же шуганный, я их всех боюсь, они увидят подставу, – расходится он. – Меня убьют за обман, я не могу умереть, понимаешь, но я не сыграю же важного хуя, они мне голову оторвут...

Велизар сжимается, не в силах сделать и вдоха, и хрипит – воздух режет горло лезвием. Даян усмехается нервно и продолжает сжимать его ноги, пока кожа не начинает пульсировать тупой болью – отвлекающей, заставляющей обратить внимание на себя.

– Все мы – это неправда, – мягко говорит он и подстраивает дыхание под него ловко.

Стекляшки на его ожерелке позвякивают почти «музыкой ветра» – Велизар прикрывает глаза. Мама купила такую на базаре за неоправданно большие деньги, какую-то штуку с востока, которая звенит от любого сквозняка. Это успокаивает, мысль, что мама у него настоящая, живёт там, где-то в своей прежней квартирке на окраине, ругается с электриками, постоянно сетует на скрипящую кровать – в своем простом быте.

– Когда я приехал в Царство, я был сиротой, и ничего не мешало царю оставить меня ей. Никто бы не вступился за меня. Но он назвал меня герцогом, хотя я был всего лишь сыном зажиточного помещика. Царь-батюшка дал мне больше, чем у меня было. Просто так, с надеждой, что я заслужу это. Так что и я – неправда. Представь, сколько здесь таких, – бормочет он успокаивающе, и берёт руки в свои. – Ты к этому пришёл. Теперь остаётся заслужить чин тоже, и сначала в своих глазах. Ты, конечно, можешь отречься от него и уехать на родину, но подумай, хочешь ли ты этого на самом деле. Я не видел ни одного человека, кто бы отказался быть тобой.

– Страшно, – шепчет Велизар. – Если вскрыется, мне не жить. У меня мама. Я не могу оставить её одну.

– Да понятно, что страшно, но никто не убьёт тебя, потому что ты не причём. Тем более, есть люди, которые могут помочь, – Велизар чувствует, как ладонь Ладьи замирает над плечом, но не ложится на него, застыв в нерешительности. – Не ври, что тебя не привлекает всё это. Светская жизнь, деньги, шмотки. Ты ехал не за ними, но получил впридачу, самым простым из путей. Как и я.

Велизар прислушивается к мерному дыханию герцога – понемногу воздух начинает вливаться в грудь; ветер из ниоткуда холодит жаркую кожу.

– Но это требует смелости. За богатство платишь свободой.

– За что угодно платишь свободой. За силу – головной болью, за внимание – косыми взглядами. Но наша жизнь – это самое близкое к свободе, что может быть, – говорит герцог и, похлопав его по колену, встаёт.

В его словах есть смысл; с положением, как с волшебной – нужно привыкать к нему, искать границы постепенно, ловчиться жить и пользоваться дозволенным. Но нельзя пытаться ухватить всю мощь разом.

Мягкий голос успокаивает, а дыхание вторящее тактом расставляет паузы. Испуг перестаёт терзать грудь.

– Ты говоришь, словно я как ты, – бросает Велизар насмешливо, подняв на него глаза.

– Потому что теперь так и есть, – с уверенностью отвечает Даян и протягивает ладонь. Вел хватается за неё и поднимается. – Лучше?

Велизар кивает, сделав глубокий вдох, и оглядывается на Ладью, что нежно улыбается и опускает руку, а потом закрывает крохотную форточку в дальнем углу. Пожалуй, если они считают, что Вел справится, то так и будет; больше пока некому верить.

– Пошлите, застегнётесь по дороге. У нас минут пять, не больше, – напустив в голос строгости, говорит Ладья и дёргает нервно юбки.

– И что это, блять, было? – шипит Аркас, когда они настигают их у самых дверей в тронный зал.

– Небольшая истерика, – беспечно бросает Вел.

Марьев пыхтит себе под нос, но ничего не отвечает, лишь презрительный взгляд бросив, как если бы Велизар валялся обоссанным пьяницей у парадной лестницы.

Дыхание снова сбивается, и тело пробирает дрожь, но теперь благоговейная перед громоздкими дверьми и тем, кто за ними. Время беспощадно, оно, удавкой обернувшись вокруг шеи, не даёт научиться дышать заново.

Но вдох сделать всё-таки приходится, спрятав его в грохоте дверей.

Внутри оказывается не один и не два человека – зал полон. Он выглядит как древний театр, в котором лишь один зритель, восседающий на подъеме перед ними – на своём престоле. Велизар держится, чтобы не начать оглядываться и не выдать окутавшие восторг и ужас. Он кланяется, вторя князьям, опустив взгляд в пол и встаёт позади Ладьи, за спинкой роскошного широкого кресла. Те стоят двумя рядами вокруг царского помоста.

– Добрый вечер, – эхом среди высоких потолков расходится голос царя Беломира: властный и строгий.

У Велизара чуть не подгибаются коленки. Человек, которого он только видел на снимках и слышал по радио, возвышается перед ним живой фигурой на расстоянии нескольких шагов. Он боится лишний раз шевельнуться, но оцепенение прекрасно помогает.

– Рад приветствовать вас на собрании Царского Совета. Внеочередная встреча связана с прибытием в Навиград блаженного княжича Елисея Ядвигова, который доблестно пять лет сторожил границу мира живых и мёртвых. Изволишь выйти? Остальных прошу сесть.

Велизар старается держать спину ровно и не совершать резких движений. Он вторит, зыркая мельком на Аркаса и Даяна, их движениям, и присаживается на чуть менее роскошный стул позади кресла. Больше всего он страшится внимания Царя. Сказка может отскакивать от зубов, хоть ночью разбуди, но обман под холодным и цепким взглядом Беломира кажется карточным домиком.

– Гой еси, Всемиловейший государь. Рад всех видеть, – короткой вынужденной любезностью чеканит Елисей, глубоко поклонившись.

В его лице видятся недовольство и разочарование; при стольких свидетелях он не сможет сказать о чёрном лесе, потому что сам государь держит его существование в строжайшей тайне. И от Ядвиговых, что кажется странным даже Велизару, не имеющему никаких представлений о государственных делах.

– Надеюсь, дорога прошла ладно, и ты задержишься в столице.

– Повидаюсь с родственниками и вернусь к долгу, если позволишь, царь-батюшка.

Тот лишь кивает в ответ и одним махом руки позволяет Елисею сесть, а потом обводит суровым взором всех присутствующих. Редко сменяющиеся, в отличие от Дворянской думы, имена, что Вел учил в школе, теперь сидят рядом с одинаково бесстрастными лицами. Они глядят на царя снизу вверх, держа в руках по вороху бумаг. Но Беломир обделяет их своим вниманием, даровав его Велизару.

Сердце ухает в пятки.

– Прежде, чем мы начнём собрание, я хочу познакомиться и познакомить вас с ещё одним нашим гостем, – строго произносит государь.

Медленно и вдумчиво он выговаривает каждое слово, чем держит в напряжении всех – даже его дочь, царевна Верба, садится ровнее. Царь подзывает Вела одним слабым движением, и все силы уходят на ровность шагов и укрощение волшбы, потому что заслонку нельзя себе позволить – то будет недоверием к господарю. Простор не поможет избежать удара, но предупредит, если вдруг что-то пойдёт не так.

– Гой еси, Всемиловейший Государь, – тихо говорит Велизар, согнувшись ещё раз в глубоком поклоне. – Звать меня рцем Велизар Косов, закров. Отныне подручный княжны Ладьи. Недавно прибыл из Купальева.

Кровь бьёт по щекам; поджилки трясутся – Вел коченеет под чужим надзором. Он смотрит на царя исподлобья, поджав губы покорно. Сухое лицо и обтянутые кожей скулы делают господаря похожим на скелета – на Агнию, хотя родства между ними нет. Но больше, как ни странно, они похожи с Даяном – одинаково тонкими губами и напряженным, задумчивым взглядом.

Вел молится всем богам, чтобы выдержать это мгновение – кажется, что он просто упадёт на лестницу перед престолом тряпичной куклой. Беломир долго разглядывает его, будто пытается увидеть червоточины и гниль на коже – и под ней. Его не пугает какой-то мальчишка, но новое лицо опасно. Вел знает, как всё это выглядит. Он сам для себя опасен – бесконечный терновник под видом куста роз.

– Добро пожаловать, рцем Косов. Надеюсь, работа на новом месте будет благоприятной, – в конце концов говорит царь без всякой задней мысли и следом просит выйти всех, кроме членов Совета и блаженных.

Велизар едва удерживает себя от того, чтобы сорваться с места и дать дверям выплюнуть себя; он доходит до поворота, ни разу не оглянувшись ни на оклики Аркаса, ни на шелестящий шёпот под чувством десятка взоров. Так, как должен вести себя рцем, которому знакомы князья и царевичи. Он тут же расстёгивает ворота своих одежд и стаскивает резинку с туго завязанных волос. Велизар слышит торопливый стук каблуков за спиной; чужие туфли шагами рвут пространство. Машинально выставив руку, он создаёт за собой заслонку и тут же тормозит, мотнув головой – волосы почти болят.

Будто пьяный, Велизар колдует направо и налево, дорвавшийся до могущества. Но, как и дать сразу десяток блюд голодающему, оно чревато. Это проскальзывает в спутанных мыслях ещё одним испугом вечера.

– Да Вел, – вздыхает позади Даян, ругнувшись тихо.

Велизар оборачивается и опускает руку.

– Прости. Все в этом городе постоянно намереваются меня потрогать или повредить.

Росоков равняется с ним и потом подталкивает к продолжению пути, но говорить сразу не начинает, будто подбирая слова.

Произносит наперво только очень общее:

– Ты как?

Вел прикусывает губу в поисках пристойного ответа на его вопрос.

– Мне кажется, все поняли, что во мне подвох.

– Ты хорошо держался, – говорит Даян со снисходительной улыбкой. – Знать в целом новичков встречает довольно плохо – они ищут этот подвох, даже если ты с пелёнок светишься в Паутине и тебя знает каждая собака Царства. Я бы тоже так к тебе относился, не знай правды.

– То есть ты не сомневаешься во мне потому, что знаешь о нём? – бормочет Велизар и усмехается.

– Мне не нужно догадываться. И, пожалуй, у меня есть козырь. Но я не хотел бы использовать его, – продолжает он, остановившись на одном из дворцовых перекрёстков, и заговорщицки склоняется к нему, – У тебя тоже есть козырь. Ты не связан ни с одним человеком здесь, кроме княжича. И нам с тобой ничего не стоит подставить друг друга, но я предпочитаю верить, что ты мой друг.

Велизар невольно улыбается. Вел вспоминает его скромное «потому что ты как я» в тёмной комнатке, сказанное без всяких сомнений. Даян ничего ему не должен, и тем более утешать нервные срывы. Он просто помог, без раздумий, как и княжна – Велизар чутко ищет опоры среди чужаков. Хотя, проще представить, что среди волчьей стаи – тех, кто уже поел. Человек, который ничего от него не ждёт, даже за дорогое лекарство, что спасло Вела на огранке – это роскошь.

– Мне нужен союзник, которому я могу доверять. Знаю, дружба не так начинается, но ошибаюсь ли я в том, что она уже началась? – заключает Даян и протягивает руку.

– Не ошибаешься, – широко улыбнувшись, отвечает Вел и крепко сжимает его ладонь.

Даян расцветает мгновенно и смеётся невольно, будто удавку на его шее расслабили; стекляшки озорно звенят. Он кажется душой компании, обожаемый всеми и открытый ко всем, но когда кажется – звать Рода надо. У Велизара нет сомнений, что откровения ещё впереди.

– Ты сейчас очень кстати и некстати сразу, – говорит Даян, выпрямившись наконец. – По правде говоря, я хотел тебя кое о чём попросить.

Велизар цокает, красноречиво показывая, что все они одинаковые – конечно, в шутку. Обвинять Даяна в алчности он не спешит, только спрашивает тихо:

– Что ты знаешь?

По выражению лица герцога, сменившего задор на виноватую тревогу, становится понятно – мало хорошего.

– Там ничего нет, – обомлев, шепчет Велизар.

Даян долго вёл его переулками и щелями дворца, чтобы они оказались перед хиленькими, невзрачными дверьми с замком странного вида. За которыми нет пространства – очаровательно. Вел на миг испугался, что всё же надорвался, ненасытный дурак. За Дверьми не оказалось ни одной из субстанций, которая бы поддавалась его воздействию любым способом.

Закровы считаются защитниками, ведь у древних людей всё было просто: что видишь, о том и говоришь. Защиты – самая заметная сторона их волшбы, но не единственная.

У него и с окружающим всегда были трудности, не говоря уже о том, чтобы играть с воображением, не имея представления ни о размерах, ни о виде комнаты. Вел отшатывается не от пустоты даже, а от полной безвещественности; та сводит с ума, ломая уверенность в том, что они хоть что-то знают о мире, в котором живут.

– Я чувствовал себя так же, – полушёпотом говорит Даян. – Кажется, что там нет ни пространства, ни звука. Но задача в том, что я там был, и могу тебя уверить, они есть.

О, как. Велизар фыркает – звучит, как бред.

– Я совер...

– Я тоже был совершенно уверен, что ничего там не слышу. Но потом пришла Энн и сказала, что там есть стук и голоса, зато Двери меняют форму. Ты видишь, чтобы они меняли форму?

Велизар озадаченно качает головой. Слова герцога заставляют сомневаться в его рас- судке. Он видит их вполне чётко и однообразно.

– Энн? – спрашивает он, что попроще.

– Она отказалась представиться. Назвал как в задачах по числоведению. Мы встретились здесь. Она не враг, но личности своей не показывает.

– Ты уверен, что не враг?

– Без сомнений.

Даян что-то не договаривает, но Велизар оставляет за ним тайны. Нужно быть очень аккуратным в словах, чтобы не сгинуть в происходящем.

Он не хочет думать ещё об одной червоточине города – его и так бросили в ужасы как в котёл с кипящим ядом. Двери, леса, темные заклęcia на шее – в мире, кажется, нет места безопаснее, чем тот кабак, где за пьянством на них почти не обращали внимания, но это лишь пока. В мире нет безопасных мест, если сунуться за стены квартиры, где прожил двадцать с лишним лет.

Ещё немного, и тревога вывернет наизнанку; Вел опирается на стену, чтобы удержаться на ногах. Даян кладёт руку на его плечо.

– По правде говоря, обстоятельства ещё хуже, – говорит герцог.

Велизар усмехается надрывно и жалко скулит:

– А может, не надо?

Росоков уныло кривит губы.

– Там много комнат, и в одной из них мы нашли человека. Он просил крови так, будто без неё помрёт, как в кино, помнишь?

Вел не помнит; он, как обычно, ничего не смотрел. Складывается впечатление, что знание массовой культуры – обязательное условие, чтобы получить звание.

– Я сам не видел, но Энн говорит, что у него руки по локоть чёрные, и язвы везде. Бреслав знает, но скрывает это от меня, так что на вашем месте я был бы с ним осторожнее.

Не выходит даже вообразить, как выглядит этот человек, но зубы, хищные и острые, окрашенные кровью, представляются отчётливо. И собственное тело, иссушенное, обмякшее оболочкой. Велизар жмурится – может, Даян выдумал это существо от тоски?

Тот улыбается слегка безумно, хотя Вел, кажется, тоже – он не сразу обращает внимание на болящие скулы.

– Дай угадаю, девушка Эн окажется разведчицей предателя короны, за Дверьми найдётся ещё и чудище, жрущее леса, а царь и вовсе не царь, – болтает он, только бы не задумываться о чужих словах.

Голова шумит потерянной волной радио, так громко, что даже сердца не слышно.

Даян скрипуче смеётся и берёт его под локоть, чтобы увлечь обратно в закоулки и щели. Он что-то слышит, раз дёргает головой – свет проходится по его острым ушам. Они забираются обратно в пространство между комнатами, в пыльный и узкий коридорчик, созданный для слуг и тайнства личной жизни царской семьи. Даян идёт по ним, ловко маневрируя среди ходов и лестниц.

– Ты жил здесь, когда малой был? – спрашивается, чтобы не молчать в нездорово-весёлом гнёте вестей.

– Да, до восемнадцати лет. Бегал на кухню есть по ночам так. Иногда Бреслав меня и пивом поил, как я подросток немного.

– Давно знакомы?

– Почти всю мою жизнь в Царстве. Он тогда был совсем молодой. Служил, как я, при ком-то, хотя сам из веринов, у него есть поместье родовое до сих пор ближе к срединным землям. Потом отличился во времена мятежей, если помнишь, и ему дали звание повыше. И меня к себе забрал, – рассказывает Даян, пропустив Вела в неприметный проход.

Дышать становится легче от свободного места и от мысли, что Вел уйдёт подальше от чудовища, скрытого в лазейках дворца. Он не хочет думать, как скоро они все сгорят в никуда. Хотя будет даже проще, если кровососы сожрут их.

– Я не успел рассмотреть его сегодня. Помню, у князя глаза нет.

– Как раз тогда и расстался, я помню Бреслава ещё с двумя. Он потерял в наблюдательности, конечно, но в целом, всё в порядке, он же чувствует на других уровнях вещи.

– Как мы все.

– У него из-за ведичества всегда получалось попадать в мои настроения, – хмыкает Даян.
– Смягчил мне переходный возраст.

Есть что-то пугающее, зловещее даже – понимать, что человек, с которым ты вырос, знает о тебе всё. Вел никогда не задумывался о ведунах в таком ключе – это часто закрытые и хмурые люди, уставшие от паволок чужих чувств. Зато они знают, куда можно давить.

Легче всего взять осиротевшего юнца и воспитать его под себя; звякона сделать личной ищейкой под видом заботы, зная все изъяны и боли. А может, Вел начал сомневаться в людях после того, как его ловко прогнули, и теперь видит во всех подвох.

Кроме Даяна – тот просто спросил, и это подкупает; больше, чем должно быть нормальным.

– И ты полностью ему доверяешь?

Даян замирает и оглядывается – улыбка сходит с его лица. Он выпрямляет спину, хотя уже нельзя сильнее, и вскидывает голову выше. Жест говорит куда больше, чем ответ, наглядный примером, как ведуны могут подчинить себе человека. Даян не доверяет ему – это даже не сомнения в собственной вере. Герцог не может сказать ни одного слова против, будто те ломают его изнутри.

Такая же цепная псина.

– Отвезти тебя домой? – спрашивает Даян через мгновение с прежней беспечностью.

Гадкая, самолюбивая радость, что Велизар не одинок в кабале, скребёт нутро.

Когда приходит время выходить из тёплого самохода Велизар, ворочавший мысли в уставшей голове всю поездку, смотрит Даяну в глаза – блестящие от усталости так же, но ещё бесконечно печальные.

Он сначала не решается сказать, но, выскочив из машины, всё же наклоняется к проёму.

– Я помогу, – бормочет Вел. – Только попроси, – жалко добавляет он.

Росоков смотрит на него с болью и благодарностью, а потом кивает.

– До встречи, – прощается Велизар и уходит к чёрному ходу.

Из всех вынужденных соседей его искала только Ладя, о чём сообщает слуга – безразличие княжича не удивляет, но Велизар всё равно недовольно кривится; будет же потом донимать сомнениями. Про кровососа за Дверьми Вел рассказывать не спешит – Даян прав насчёт козырей.

Всю ночь Велизара лихорадит, пробирает то ознобом, то жаром; просыпаясь и засыпая, он рвётся из снов, в которых перестаёт быть не просто живым, а существовать вообще.

11. Карточный домик

Мглистое утро давит на виски. Даян ходит по комнате, укутавшись в халат – окна сквозят осенним ветром. Зазря люди больше не отмечают новый год осенью – она, в отличие от зимы и лета, действительно ощущается переменной. Даян закуривает и выглядывает на улицу: от погоды укрываются в домах все, кроме отчаянных работяг и несчастных школьников. Реку шарахает ветрами, вода заливают набережные; кажется, что брызги долетают даже до последнего яруса. Город штормит, будто сама Марена недовольна происходящим в Яви.

Энн, к стыду, права; Даян пьёт каждый раз, когда что-то случается. Иногда, конечно, ради веселья, но теперь на трезвую голову ни один день не живётся. Из него бы получился хороший плохометр – устройство для измерения ужаса происходящего. Со вчера решительно ничего не изменилось, но по-настоящему судьбоносные вещи подолгу накапливаются, чтобы потом обрушиться безжалостным штормом.

Впрочем, на всех. Велизара уронило в совсем другой мир внезапно, как кроют пенистые волны моря; пучина беснуется и пытается проглотить Косова до сих пор. Его ожидаемо привязали, и держится ведь парень – хотя Даяну неизвестно, что именно случилось за стенами дома Ядвиговых. Велизар – хороший человек; в его поведении сквозит юность, хоть разница в возрасте не так уж и велика, но хватит ли ему сил выстоять в череде

бедствий, что только началась, пока сложно сказать.

На прошлой неделе и Даян не думал о том, что извилины будет терзать назойливое любопытство – и такой же навязчивый страх – перед неизвестным. Он думал о парне за дверьми весь вчерашний день, и пьяно перебирал мысли ночь; даже включил запылившийся числовик и стал копаться в Паутине, в поиске вбивая любые пришедшие на ум слова. Узнал, что трогать уличных котов чревато, что комары стали совсем дикие, что самую известную линейку картин про кровососов будут снова показывать на большом экране – в них нет ничего жуткого, хоть сколько-то напоминающего незнакомца за Дверьми. Вампиры там сверкают, точно блёстками осыпанные, несут высокопарную любовную чушь и корчатся от запаха крови – только и всего. Если бы у того человека на коже сияли стразы вместо язв, Даян бы и не боялся.

Он кидает окурок в пепельницу и начинает бродить по комнате, хотя негде. Она маленькая – самая маленькая в доме; Даян недолюбливает большие пространства. В них много лишних звуков, пыли и пустот. Последних и так хватает; лишённых доверия, самоуважения, уверенности в завтрашнем дне.

Слова Бреслава вспоминаются снова и снова – хитрое, опасное предупреждение о месте. Даян слишком долго позволял себе не думать о том, что они делают; ведомый, он исполнял приказы в жадном желании избавиться от долга. Но теперь сомнения липким и противным месивом из веществ и субстанций забивают голову. Даян мечется между ними, как одержимый – Энн, кровосос, князь, царское безразличие. будто перенесённое на сотни «завтра» внезапно обретает крайний срок и неотложность. Даян берёт в руку ручку и бросает её тут же, не в силах даже наметить на бумаге отправные точки; он вырывает листы, начинает заново, пока буквы не становятся противны сами по себе. Мысли кричат озверевшей толпой и не дают вникнуть обстоятельно хотя бы в одну.

Он падает на кровать и зарывается пальцами в растрёпанные кудри.

В голову приходят слова Велизара о помощи, мягкие и неожиданно бескорыстные. Всякому уважению вопреки, любопытно, что заставило его остаться, принять чин, терпеть неприятных людей. Косов не отсюда – не родиной, а духом, что ли; он знает, что чужой, и всё прочее ему навязано, хоть и приятно. Ни один дурак не откажется от денег за чистую работу. Если только Елисей не привязал Велизара к себе подобно Бреславу.

Желание принять добрую волю манит – Даяну нужен честный и однозначный союзник. Но в горле согласие встаёт будто рыба кость. Чтобы просить верности, нужно быть предельно открытым; Вереск сложная и большая фигура в игре, и говорить о его участии чревато. Велизар, может, и поручился быть ему другом, но Даян мало о нём знает, чтобы идти на риск.

Да и Бреслав всегда рядом. Даян неплохой лгун – не безупречный, но пойдёт для работы. Однако глупо думать, что князь не чувствует его лжи. Велецкий, скорее всего, догадывается, кто тем вечером был в комнате, и молчит об этом; проверяет его, вероятно. По коже бегут мурашки – Даян дёргает плечами. Велецкий не прощает предательства, и даже если сейчас князь лишь строит догадки, то рано или поздно они соберутся в единое полотно. Даяна найдут, даже если он скроется подобно мальчику из афродийской³⁹ повести на самой далёкой земле. Захватит с собой Энн вместо розы.

Даян усмехается – придумал тоже. Его найдут и там. Обхитрить Бреслава не выйдет – тот неплохой стратег и тактик, иначе князю не удалось бы так быстро и безупречно чисто оказаться на своём месте. Помочь Даяну может только обещанная защита Вереска. Хорошо было бы сейчас скрыться в Ярске.

Однако сначала надо понять, с чем они имеют дело. Суровая решительность заставляет встать с постели, набросить на плечи непритязательные одежды, кинуть в карман очки и ручки. А ведь промозглый день Даян хотел провести дома наедине с бутылкой виски и кино по телевизору.

Много хочешь – мало получишь; с беззлобными, шутливыми словами Стёпы приходится уныло согласиться.

Через полчаса самоход останавливается у главной читальни. Даян представляет, сколько будет сидеть здесь в одиночку, и чешется горло, как хочется попросить Норского помочь хотя бы потаскать стопки газет туда-сюда, но он обещал не впутывать никого в свои беды. Хотя иногда Стёпа выглядит слишком желающим влезть; он полон юношеской жажды чувствовать жизнь, как она есть. Даян не злится на любопытство, только немного – на зазнайство. Норский кроткий слуга, но наглый человек, который ведёт себя так, словно уже знает исход всех мировых событий.

Зато хорошо водит и держит рот на замке перед другими – этого достаточно, чтобы смириться с остальным.

– Езжай домой. Я тут надолго. Напишу, как закончу. Если меня будет искать князь, ты не у дел и меня никуда не возил, – говорит Даян и замечает в чужом тёмном взгляде лукавство.

Даян тяжело вздыхает и вылезает из самохода. Он кутается в плащ, пока идёт до дверей – ветер продувает до костей. Неестественные для местного зодчества колонны пропадают в небесах и заставляют на них поглядывать в страхе быть погребённым под каменными телами. Навиградская народная читальня уступает по объёмам другим столичным, но нужно с чего-то начать; а там и в Ярске, может, получится что-то отыскать. Но, по правде говоря, Даян жарко желает здесь и закончить.

Берётся он не за учебники по живоведению⁴⁰ и не за исследования волшбы, а за газеты: забирает огромную стопку на выдаче, самых разных, от «Первого Вестника» до чуши про теории заговоров. Зарывшись в бумагу, он чувствует себя снова учеником, которому срочно нужно нагнать прогулянные пары. Такое было с ним лишь однажды – естествознание на первом году было скучным, но преподавательница считала его самым важным предметом будущих рекламщиков. Мало ли, земле-матушке понадобится продвижение, действительно. Он просидел здесь несколько ночей к ряду, так же сгорбившись над десятками изданий и ярким экраном числовика. И всё равно получил трояк – нельзя недооценивать силу природы.

³⁹ Афродия – область Империи Хаос, названная в честь Афродиты. Славится многообразием моды.

⁴⁰ Биология.

Взявшись за бумагу и ручку, Даян разбирает всё известное по крупичкам, заставляя себя сосредоточить внимание на каждой мысли по очереди – притворяется даже, что ему завтра сдавать по чёрному лесу выпускную работу. Чёрнь сложно скрывать от людей, особенно летом, когда все тащатся туда по грибы, по ягоды. Кто-то обязательно бы рассказал, но все газеты пусты – будто никто не видел чернолесья воочию, а кто видел – был пьян.

Даян пару раз замечает вырванные листы и вырезки, причём в бессмысленных газетах, где рядом пишут рецепты вечной жизни и убеждённую ерунду о том, что известная певичка слышит голоса богов. Первые находятся полугодом ранее; за такое Даян бы получил по голове этой же газетёнкой от озлобленной книжницы, но их забирают и выдают по-прежнему, будто намерено замарав бумагу. Сколько свидетелей так же могли сгинуть, просто оказавшись не в том месте?

Даян откидывается на спинку кресла и смотрит на газеты, раскиданные по столу. Не так уж много времени прошло, но они не знают, какого размера чёрный лес, чтобы сопоставить. Они едва ли что-то вообще знают – Энн с тоской говорит то же самое, что он видел въяве; Вереск не станет отправлять людей на убой для проверки. Он ценит чистоту своего имени – найдутся со временем дураки, которые дадут им ответы по случайности.

А Бреслав вполне может. Язвы на теле кровососа не дают покоя, чувством дежавю дразня память, хотя Даян его даже не видел. Ничего не сходится – каша из обстоятельств только гуще становится. Почему государь ничего не предпринимает? Занимается ли вообще кто-то чёрными лесами? Ведает ли царь о кровососе, заключённом во дворце? Даян не может поверить, что Беломир бездействует – но если о его делах не знают Совет и блаженные, то кто ищет решение? Царь-батюшка всегда готов был костями лечь за Царство, раздать всего себя, чтобы сохранить его. В чём же сейчас его замысел?

Даян стонет и трёт уставшие глаза – думать о страдальце за Дверьми он даже не начал. Вряд ли в книгах написано «кровососущая хрень: виды и ореол обитания». Что жаль, конечно. Числовик подкидывает только десятки романов об упырях и вампирах разной степени романтическойности, и один раз, где-то на последних страницах, небылицы о дамраках, которых не оказывается в наличии.

Книжонка старая, удивительно, что такие ещё где-то есть; любые тексты о тёмном колдовстве государь клеймил запрещёнными ещё десять лет назад. Болтовню это не остановило, но многим стало лень искать. Главное – бойким подросткам, которые не представляют, что такое дамрак, но тот привлекает их таинственностью. Даян по мелочи тоже любопытствовал в отрочестве, но несколько хороших подзатыльников и десяток кружков, на которые он ходил, отлично выбили из него дурь.

– Какие небылицы о дамраках ты знаешь? – спрашивает Даян, усевшись в самоход. – Ты здесь спал, что ли?

– Да я и не уезжал никуда, – хмыкает Стёпа, потянувшись. – Знаю же, что понадобится, княже.

Есть у него странная привычка называть Даяна «княже». Славно, если провидцы всё-таки существуют, и Норский – один из них, невзначай ведает будущее. Но скорее всего, он просто выслуживается; что-то хорошее в будущем видится едва ли.

– Сейчас почти всё небылицы, – отвечает Норский и заводит мотор.

Содержательно.

– А как так вообще вышло, что ты с дамраками рос?

Стёпа, напрягшись, оглядывается в зеркало заднего вида.

– Говорил же, детдомовский. Забрали. До мятежа. Так и рос.

Или Норский просто ушлый жук, который знает больше, чем говорит. У Даяна таких полная корзинка, но Стёпе верится – будто за его мрачным видом и поджатыми губами скрывается больная, но не опасная история. Норский по понятиям дворовым живёт, как многие

северные бедняки, и вряд ли подставит. Несмотря на резкое мнение о дамраке, Даян не может судить Стёпу за то, что он не выбирал. Когда-то давно тёмные были частью нормального, хоть и стеснённые неудобствами. Мятаж всё перевернул – сочувствие быстро ушло. Но сейчас выбирать не приходится; очень нужно, чтобы за спиной кто-то был. Стёпа ни разу не дал повода в себе сомневаться.

Всё, что есть у него сейчас, дал герцог. Они похожи.

– Вези в ту книжную, – даёт отмашку Даян, оставив Норского со своей болью, коли тот столь бережно её хранит.

Если кто и может помочь со сведениями, то торговец ими – как вовремя Ладья познакомил его с одним.

Даян выскакивает из самохода и оглядывается по сторонам; в переулке ни души. У Эдгара, судя по всему, достаточно денег, чтобы лавка работала вхолостую. Даян никогда не задумывался о стоимости тайн, запертых в нём, но пять золотых за молчание о чёрном лесе, который виконт в глаза не видел – это приличные деньги. Если бы Даян не презирал дамрак, тоже бы подался в Шестёрки; тогда бы долг не пришлось выплачивать собой.

Даян запахивает плащ, но тормозит у порога, когда слышит, как захлопывается дверь машины. Стёпа закрывает самоход, перехватывает булаву поудобнее и чуть не рвёт ей куртку, закинув на плечо.

– Ты-то куда?

– В тот раз вас тут чуть не отпиздили, думаешь, пущу тебя одного?

– Но не виконт же! Вернись в машину, – сердито цедит Даян.

– Хоть сколько проси, княже, не пущу. Ты же знаешь, я – могила, – канючит Стёпа, нервно переминаясь с ноги на ногу, будто только и ждал возможности стать к нему ближе – не так, как Баско со слепым вождением, а с верностью слуги и друга.

– Я спросил их, мошенники они или нет. Они сказали «нет», – бормочет Даян какую-то старую шутку под нос, тяжело вздохнув, и подходит ближе.

Заглядывает в глаза – Норский хмурится, смотрит зло и умоляюще разом. В его взгляде оголтелая жажда, почти безумная страсть к переделкам. Как будто, пока беды не пошли одна за одной, он был в странном режиме ожидания. Словно Стёпа копил в себе сумасшествие, чтобы выплеснуть его на стремительно сгорающий мир. Даян стал неосмотрительным и истеричным, страшно неосторожным – может, потому и упускает что-то значительное в этой бессвязной истории.

– Я долго сидел в машине, княже. Но ты впутываешься в какое-то дерьмо явно, а я соскучился по движняку. Я с самого детства умею бегать, бить и хранить тайны. Устал точить шипы. Сам знаешь, что тебе скоро жопа полная. Дай смягчить.

Даян верит абсолютно всему, что говорит Норский, но стыд стягивает внутренности – он ограждал его от бед не чтобы сейчас толкнуть на передовую. Легкомысленный жар кончится для Стёпы плохо, а он хороший извозчик и безукоризненный слуга.

Даян был сильно старше, когда проиграл в карты квартиру и почти всё своё – царское – состояние; он возомнил себя мудрым и сознательным. И не даст Норскому кончить так же, в подмётках у людей, что будут использовать его как придётся.

Качнув головой, Даян поджимает губы прискорбно. Стёпу передёргивает, он усмехается раздражённо, по-волчьи скалится и сбрасывает булаву с плеча, кидает её обратно в багажник. Норкий фыркает ещё раз, явно в голове перебирая десяток ругательств, обиженный. Даян слышит жуткий скрежет гнущегося металла – железная бочка, стоящая рядом, гнётся и крениится в

бок от повреждений. Он готов спорить, Стёпа сейчас так же мнёт его череп в мыслях, молодой и пылкий. Ничего – со временем он поймёт.

Даян замечает, что слишком рано стал считать себя взрослым – нет ещё и тридцати, а он с чего-то решил, что лучше знает. Он отворачивается к двери книжного и тянется к ручке, но не нажимает на неё, а спрашивает, лишь едва головой вбок качнув.

– Ты почти три года на меня работаешь. Прежде был тише воды ниже травы. Мог бы как Эдгар – сведениями торговать. Почему сегодня?

Стёпа улыбается криво, облокотившись на крышу низкого самохода, и сжимает руку крепко, словно та ноет без булав.

– Ты думаешь, мне типа прям нравится сидеть в машине и семки грызть? – глухо отвечает Норский. – Лучше, чем на стройках и лесопилках, конечно, да и хорош я в этом, – не без гордости замечает он, и Даян улыбается слабо. – Но помощь тебе нужна, княже. Баско сливает тебя Бреславу, если что, я сегодня слышал.

Даян застывает, будто молнией пробранный до самых костей. Юношеский жар – вот такой он. Тоже.

– И если ещё неделю назад ты делал свои крысиные дела и не отсвечивал, то сейчас всё по-другому. Не знаю, что ты там делал в лесу, когда меня не взял, но пришло время размяться. Крови хочется. Жести. Нам с тобой придётся побегать, знаю я, как такие истории идут. – Он вздыхает и открывает дверь самохода. – Попомни мои слова, княже. Я тебе ещё пригожусь. Ты, конечно, просить не станешь, но ничё, – гордо заявляет Норский и усаживается обратно на водительское кресло.

Спорить не получается, уж слишком убеждённым он звучит, мудрым почти, наученным – и злиться на панибратство тоже. Стёпа всегда на язык острый был, но границы знает. Даян не замечал буйности в нём раньше, будто и сам привыкший, как к записке на холодильнике, на которую со временем перестаёшь внимание обращать. Сколько ещё он упустил, притерпевшийся к постоянству? И Даян ведь не попросит, ни его, ни Велизара, действительно. Воспитанный царём, он знает, что ответственность эта – исключительно собственная, и нести её надо самому.

Он дёргает, наконец, чёртову ручку, и раскладывающий книги Эдгар дёргается. Виконт замечает его и, вздохнув, усмехается.

– Ч-удак, – говорит виконт. – Са ш-ем посшаловал?

– За книгами. За сведениями. Не знаю, – почти ругаясь, выплёвывает Даян и чуть к Эдгару склоняется. – Я недавно видел нечто... человека, который крови просит, как будто умрёт без неё. Как вампиры в кино, видел? Не так, будто ему переливание нужно.

Даян вздыхает – он чувствует себя безумцем; Эдгару в пору вызвать лекарей из психбольницы. Не верится, что он говорит всерьёз эту бессвязную чушь, точно помешанный. Если бы кто спросил, Даян бы сочувствующе улыбнулся и проводил человека за помощью – или на встречу по интересам.

А Гатри кивает и парой ловких движений, с печальной задумчивостью на лице, сбрасывает с плеч рубашку и пиджак. Даян приглядывается к сотням букв на коже, среди которых взгляд цепляет столбик слов, связанных с рвано начирканным «Млчати о». Все его поисковые запросы перечислены с тщательностью, что встречается, когда правду крайне необходимо скрыть. Одно только слово нелепицей выбивается из ряда – «щепки», как будто спутали с чем другим.

В резких, почти режущих кожу буквах узнаётся почерк, который Даян может подделать в совершенстве. Бреслав прекрасно знает, кто за Дверьми – это известно. Но что было первым – Эдгар выведал о них, или князь пришёл запереть свою тайну?

Странная гильдия Шестёрок существует так давно, что никто не пытается прикрыть их дела. Редко ведающими, вроде Эдгара, интересуются бедные; всё, что с ними делается, если

их тайны раскроют, это ещё большая бедность или каторга. Богачи куда охотнее идут на сделки с тайным обществом соглядатаев, участников которых не признать среди простых людей, а иногда и среди дворян. Они есть почти везде, и у каждого разные понятия о чести и совести.

Шестёрки достают сведения грязно и бесстыдно, но некоторые предпочитают, чтобы им самим приносили её в руки – ухищрениями и намёками донимая владельца, даже если им ничего не известно. Бреслав навряд ли позволил Эдгару узнать о Дверях; он решил заведомо похоронить тайну, пока не нашёлся кто-то, готовый купить её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.